

Annotation

Повелителей драконов называют иртханами. С древности и до наших дней они — доминирующая раса, решающая судьбы людей и мира. В нашей стране он — единоличная власть и кумир миллионов. Могла ли я подумать, что однажды наши пути сойдутся? Что одна случайная встреча перевернет всю мою жизнь, лишь потому что он пожелает сделать меня своей. Правящий иртхан, наделенный силой, перед мощью которой склоняются даже самые опасные драконы. Бесчувственный монстр с черным сердцем. Черное пламя Раграна.

- [Чёрное пламя Раграна](#)
-

Чёрное пламя Раграна

Марина Эльденберт (Марина Индивиди)

Глава 1

— Как я выгляжу?

Если вкратце, мое состояние можно было описать двумя словами: очешуеж и мандраж. Еще пару дней назад я не думала, что пойду на собеседование в главную высотку нашей страны, то есть туда, где работает все наше правительство. С другой стороны, еще пару дней назад я не знала, что мой бывший решит отнять у меня сына.

— Ава, ты выглядишь потрясающе, — успокоила меня Зои.

Зои — моя лучшая подруга и мое единственное спасение. Особенно сейчас. Когда Карид неожиданно вспомнил, что у него есть сын и решил стать «хорошим отцом».

— Если бы я сидела в отделе кадров, взяла бы тебя обязательно.

— Да. По блату.

— Нет. Потому что ты все знаешь, все умеешь, и вообще ты большая умница.

«Большая умница» глубоко вздохнула. Да, я работала офис-менеджером какое-то время, и у меня даже есть несколько сертификатов о дополнительном образовании в этой сфере. Но с тех пор прошло четыре с половиной года, и тогда я работала в агентстве недвижимости, а не в отделе кадров: секретарь требовался именно в отдел правительственных кадров, и у меня даже голова начинала кружиться при мысли об этом.

— Ава, — строго сказала Зои. — У тебя в глазах бегущей строкой «они меня не возьмут». С таким настроением идти нельзя, соберись! Иначе получится, что я тебе зря отдала свое любимое платье.

Я глубоко вздохнула и перевела на подругу растерянный взгляд. Зои улыбалась, и меня немного отпустило: ее легкость передалась и мне, немного снижая градус напряжения. Платье для собеседования мне действительно дала она, потому что в моем гардеробе не осталось ничего достойного и соответствующего важным деловым встречам. Позволить себе сейчас купить что-то стоящее я просто-напросто не

могла. Особенно сейчас. Когда каждый норрит[1] пригодится для оплаты работы адвоката.

— Так. Уже лучше. А теперь пойдем, посмотрим на того, ради кого ты все это делаешь. Стимул и мотивация, знаешь ли, и не такие вершины брали.

Мы вышли из небольшой прихожей, где кроме зеркала во весь рост и шкафа-купе втиснуться могли только двое человек, в комнату. Лар тут же заулыбался и потянулся ко мне.

— Мама! Ма-ам!

Я подошла к нему и опустилась рядом. Несколько месяцев назад ему исполнилось два года, и ради этого малыша я готова была горы свернуть. Не то что сходить на какое-то там собеседование в какой-то там страшный правительственный отдел кадров.

— Я ненадолго, драконенок, — погладила его по голове. — Совсем скоро вернусь, и мы поедем домой.

— А-фа! — дочка Зои, сидящая рядом, потянулась за моей прядью, но подруга ловко перехватила ее и взяла на руки.

— Нет, таскать Аву за волосы мы не будем, Кати, — сказала она. — Я на эту прическу полтора часа убила, или ты хочешь, чтобы мамин труд пропал зря?

Судя по всему, Кати хотела, потому что не сводила глаз с моих локонов. Она была миниатюрной копией своей матери: темнокожая, темноглазая, с тугими кудряшками. Младше Лара на год, она уже сейчас всюю умудрялась им командовать. Что будет дальше, оставалось только догадываться, но мой сын был не против. Кажется ему такое положение вещей нравилось: Кати он готов был отдать все игрушки, а на детских площадках отгонял от нее всех мальчиков, которые пытались с ней подружиться.

Подхватив сына на руки, я поцеловала его в нос и вернула в игровое пространство, где были разложены электронные кубики, мягкие кольца и валялся плюшевый медведь размером с Ларрета. Объятия сына действительно стали для меня той самой силой, которая вытряхнула из меня всю нервозность, оставив лишь решимость действовать.

Эта должность должна стать моей, и она станет.

Она не только позволит мне оплатить адвоката, она еще и прибавит мне веса в глазах судьи: мать, работающая в правительстве,

выглядит гораздо солиднее, чем мать, танцующая балет в ресторане.

— Все. До встречи, — я повернулась к Зои.

Подруга кивнула и подняла руку вверх:

— Удачи!

Моя сумочка стояла в прихожей, у шкафа-купе. Я подхватила ее, напоследок окинув себя взглядом в зеркале — прическа, которую мне сделала Зои, была классная. Все-таки у подруги золотые руки, и работает она по призванию. Коса, оплетающая голову, красиво уложенные пряди, свободно спадающие на плечи и спину. Можно было сделать что-то более официальное, но к стилю платья это категорически не подходило. Чуть длинноватое (Зои была повыше меня ростом) и чуть сдавливающее грудь (здесь побольше была я). Внизу стояли туфли-лодочки, тоже от Зои — я каблуки не носила в принципе. Да, они на размер больше, но ничего страшного, главное, что не жмут.

— Не закидывай ногу на ногу! — донеслось из комнаты. — И не делай надменное лицо! Ты всегда так делаешь, когда волнуешься.

— Не буду, — я достала смартфон, заказала флайс.

Накинула плащ, и, глубоко вздохнув, шагнула за дверь.

[1] Денежная единица Раграна

Глава 1.2

На седьмом этаже, в доме, где жила Зои, было натекано восемь квартир. Эти «коробочки» были построены еще давным-давно, до моего рождения, и, по сути, являлись тем самым активом жилья, в котором можно было расселить как можно больше людей. Район, где мы с ней жили, считался не совсем окраиной, но чем-то очень близким. Здесь не было верхних парковок для флайсов, все садились внизу, но и движение здесь было не такое активное, как в центре.

Все меньше оставалось флайри — машин, которые не могли так высоко подниматься над землей как флайсы, а со следующего года по государственной программе должны были начать их утилизацию, потому что сейчас велись работы по продлению аэромагистралей даже в самые отдаленные районы Мериужа. Будучи столицей Раграна, он развивался быстрее остальных городов, и просто молниеносно — после прихода к власти Бенгарна Вайдхэна.

Начало его правления ознаменовалось двумя ключевыми моментами: в Рагрane резко сократилась преступность (мало кому

хотелось попасть под статью о смертной казни), и резко увеличилась значимость нашей страны в глазах остальных держав. Особенно таких, как Аронгара и Ферверн, двух монстров, из века в век влияющих на политику и мировую экономику, каждый со своей стороны. Рагран долгое время следовал по курсу Аронгары, но за два с половиной года, с того дня, как Вайдхэн стал правящим, многое изменилось.

Если не сказать все.

Лифт со скрежетом спустил меня с седьмого этажа на первый, в промерзший от первых холодов холл, напичканный почтовыми ящиками, часть из которых была раскурочена, несмотря на электронные замки. Распахнув тяжелую дверь, я шагнула во двор, и мне тут же посигналил водитель.

— Добрый день.

— Добрый, — мужчина, судя по всему, был не в духе. Но, едва взглянув на меня, расплылся в улыбке. — Прекрасно выглядите, риам. Как вас сюда занесло?

— Я здесь живу.

— Вы? Ни за что не поверю.

— Мы опаздываем, — прекратила этот бессмысленный разговор я.

Хотя на самом деле мы не опаздывали: я вызвала флайс за полтора часа, чтобы оставить себе запас времени даже несмотря на самые серьезные пробки. Центр Мериужа — это совсем другой город. Иглы его высоток частично видны даже отсюда, когда только-только поднимаешься на высоту. Я поймала себя на том, что смотрю на них как в первый раз, а еще на том, что закинула ногу на ногу.

Зои права: у меня этот жест говорит о том, что я очень сильно нервничаю. «Надменное» лицо тоже, на самом деле никакое оно не надменное. Просто когда я очень сильно волнуюсь, задираю голову и застываю, как манекен. Из-за этого вполне может возникнуть впечатление, что я смотрю свысока.

Несколько раз глубоко вздохнула, вернула обе ноги на пол салона и подумала о Ларрете. Все будет хорошо, Ава. Все. Будет. Хорошо.

Правда, чем ближе мы подлетали к сверкающим в лучах осеннего солнца высоткам, тем сильнее меня начинало потряхивать. Слишком многое зависело от одного-единственного собеседования. Оплата адвоката — такого, который действительно сможет что-то

противопоставить юристам Карида — очень дорогое удовольствие. А значит, я должна получить эту должность.

Просто обязана!

— Хм. А вы соцработник, значит?

— Что? — я вынырнула из собственных мыслей в ответ на очередной бестактный вопрос водителя.

— Ну кто ж еще может лететь из такой дыры в пирамиду, — он кивнул на возвышающийся впереди Ровермарк.

Новое правительственное здание было возведено за несколько месяцев, люди называли его пирамидой за остроконечную конусообразную вершину, установленную на прямоугольное основание. Хотя как по мне, оно больше напоминало какой-то космический шаттл из фантастических фильмов, или модифицированного дракона, потому что вдоль того самого прямоугольного основания у него протянулись выступы со сглаженными углами, напоминающие сложенные крылья.

— Не представляю, какого дракона рожать детей в такой нищете, — не унимался мужчина. — А потом еще ноют, что им пособий не хватает, и что не они такие, а жизнь такая.

— Следите за дорогой, — на этот раз я осадила водителя уже резче: терпеть не могу снобов.

После чего он изменился в лице и замолчал, а я смотрела на свою приближающуюся судьбу.

Как и большинство современных высоток, Ровермарк был из огнеупорного стекла: в мире, где города окружены пустошами, в которых обитают драконы, это необходимость. Раньше все мегаполисы были окружены щитами, которые работали на каких-то волновых источниках, на технологиях иртханов — высшей расы, с древности защищающих людей от драконов и стоящих у власти. Их сила заключалась в магии, родственной с драконьей, именно поэтому они всегда возвышались над людьми.

Сейчас в Рагрانه технологии несколько изменились.

Именно за счет силы Бенгарна Вайдхэна — уникальной в своем роде, за которую его называли Черное пламя Раграна.

— Вам на какую парковку? — снова буркнул водитель.

Парковка? Я нырнула в смартфон, в котором были все контактные данные для собеседования.

«Парковка для временных посетителей. Первый внешний уровень», — значилось там.

Я показала водителю, и он кивнул.

Аэромагистрالی пестрели вереницами флайсов: от самых простеньких до новых ультрамодных и безумно дорогих моделей. Отдельными длинными лентами вились хвосты аэроэкспрессов — в центре всегда кипела жизнь. Я же не сводила взгляда с приближающейся высотки, которая вырастала у меня на глазах. За ее тонированными стеклами билось сердце Раграна, ограниченное рамками суперпрочных конструкций.

Я даже не представляла, какой там, в нашем правительстве аппарат, и мне на мгновение стало не по себе. Смогу я вообще вписаться в эту систему? В эту политическую машину, хотя меня всегда привлекало совсем другое?

«Не накручивай, Ава, — мысленно дала себе пинка, — ты будешь работать вторым секретарем в отделе кадров, где до политической машины как до Ферверна ползком, и это — малая цена за то, чтобы Лар остался с тобой».

Водитель чуть притормозил, разворачивая флайс к воздушному рукаву, предназначенному для снижения. Мы выстояли очередь по меньшей мере из сорока машин, только после этого нырнули вниз и аккуратно вырулили влево, в сторону парковки для посетителей, заполненной больше чем наполовину.

Мне пришлось приложить свою карточку-документ к панели на проходной, чтобы по щиту прошла легкая рябь: ослабление силового поля, пропускающее нас внутрь.

— Совсем помешались на безопасности, — прокомментировал мужчина. — На дальность лазерного луча теперь не подлетишь.

Я задрала голову: Ровермарк действительно был вдали ото всех аэромагистралей, возможно, именно поэтому здесь было так оживленно внизу. Стоило мне выйти, водитель тут же стартанул к вылету с парковки, а я по пешеходной дорожке направилась к огромным раздвижным стеклянным дверям. Шагнув в которые, оказалась в холле, неподалеку от административной стойки и по совместительству охранно-пропускного пункта.

— Ваши документы, пожалуйста, — дежурно улыбнулась первая освободившаяся девушка — темноволосая, с выразительными карими

глазами, в ослепительно-белой блузке.

Я протянула карточку и дождалась комментария:

— Аврора Этроу, на собеседование. Ваши документы. Ваш пропуск. Вам на семьдесят седьмой этаж, подойдет любой лифт с правой стороны.

Дорогие читатели!

Продолжения в этой истории будут и на выходных (т.е. в субботу и в воскресенье).

Приятного чтения!

Глава 2

Холл был без преувеличения огромный. Вырастающий в высоту на пять этажей, он был ограничен потолком, с которого, сверкая металлом, свисали «сталактиты». На самом деле это было весьма специфическое дизайнерское решение, а сталактиты представляли собой трубы, похожие на органные, до которых едва-едва не дотягивался бьющий из самого центра холла фонтан. Ему мог позавидовать даже музыкальный, который находится на главной площади Раграна, но сейчас мне было не до рассматривания красоты.

Я прошла мимо, едва зацепив взглядом разлетающиеся брызги и оценив окружающие его на приличном расстоянии диванчики для отдыха. В разлетающихся крыльями рукавах холла у лифтов я, как мне и сказали, повернула направо. Дежуривший у лифтов охранник, заметив мой пропуск с цветовой отметкой, указал в сторону распахнувшего свою пасть лифта, и я поспешно шагнула к нему. Вместе со мной внутрь влилось человек десять, но выше меня не ехал никто.

Лучше бы они остались, правда, потому что моя нервозность начала возвращаться. Когда с легким щелчком разошлись створки дверей, выплевывая меня в очередной холл, я снова глубоко вздохнула и вышла. Остановилась, раздумывая, лучше сразу снять плащ, или идти так, но потом все-таки просто пошла вперед. Заблудиться здесь мне не грозило: указатели стрелками привели к приемной отдела кадров, которая даже за дверями не пряталась — коридор просто раскрывался ею с правой и с левой стороны, углубляясь внутрь и растекаясь вдоль панорамных окон, посередине располосованных стойкой для секретарей. Справа и слева устроились двери, ведущие в кабинеты. Оставалось только догадываться, в какой нужно мне.

— Добрый день, — я поздоровалась первой, поскольку в пределах видимости никого не наблюдалось.

— Добрый! — из-за стойки вынырнул слегка взъерошенный молодой человек, тут же поправился: — Добрый день. Риа́м Этроу, правильно? У вас ближайшее собеседование.

Его появление немного снизило градус официальности и моего напряжение.

— Да, все верно, — я улыбнулась.

— Позвольте ваш плащ. Лиза пока еще не освободилась, она сегодня беседует лично. Из-за этого увольнение такой кавардак... Простите! — он глубоко вздохнул. — Я сегодня с утра сам не свой. Присаживайтесь.

Он забрал у меня плащ, устроил его в шкафу, который я бы даже не заметила — спрятавшийся в нише стены, за диваном для посетителей.

— Хотите чего-то? Кофе? Воды?

— Воды, — я не стала отказываться, правда, когда молодой человек принес мне стаканчик, немного помедлила. Все-таки макияж сейчас лучше не портить, а то еще помада размажется.

— Не переживайте, — секретарь улыбнулся. — Лиза не страшная, хоть и большая начальница. Она сама когда-то с секретаря начинала, одна из немногих, кто остался после...

Он осекся, изменился в лице, покачал головой и пробормотал:

— Да что ж я сегодня творю.

— Все в порядке, — заверила его я.

— Если бы. Обычно я не болтаю без умолку, особенно в присутствии кандидаток на вакансию.

— Все когда-нибудь случается впервые, — я невольно улыбнулась.

Ответить, правда, молодой человек не успел — у него пиликнул коммуникатор. Он коснулся наушника и тут же взглянул на меня:

— Проходите пожалуйста, риа́м Этроу. И удачи.

Я поднялась и шагнула к двери, на которую указал секретарь. Один поворот ручки — и вот я уже внутри.

Кабинет начальницы отдела кадров поражал своей лаконичностью: геометрия главной стены, черными ребрами протянувшейся от пола до потолка и скрывающей в себе нишу для

видеопрезентаций, зажатые в тисках «ребер» награды и сертификаты, небольшой стол с двумя креслами, одно из которых сейчас занимала она, и чуть дальше, вдоль закрытых жалюзи окон — длинный стол для совещаний.

— Добрый день.

— Добрый день. Риам Этроу, — женщина кивнула на второе кресло, в которое я опустилась. Она выглядела очень молодо для начальницы отдела кадров, и выглядела бы еще моложе, если бы не строгий темный костюм, освеженный только молочно-кремовой блузкой и неброским макияжем. Женщина подвинула к себе визуализатор, коснулась сенсорной панели и открыла мое резюме. — Меня зовут Лиза Рэнгс, я возглавляю отдел кадров Ровермарк, секретарь нужен именно мне, в приемную, где вы только что были. Расскажите о себе для начала.

Я готовилась к этому моменту, полночи повторяла короткую самопрезентацию, которую помнила слово в слово.

— Меня зовут Аврора Этроу, мне двадцать три года. Я работала офис-менеджером в агентстве недвижимости. Занималась всем делопроизводством, планировала рабочий день моего руководителя, распределяла входящие заявки между менеджерами. Помимо этого, в мои обязанности входила встреча клиентов как по жилой, так и по коммерческой недвижимости, создание комфортной обстановки в приемной...

— У вас есть сын, — Лиза перебила меня достаточно бесцеремонно.

— Да.

— Два года. Вы пишете, что вы не замужем. У вас есть няня?

Про няню я думала, но, разумеется, пока не могла позволить себе ее нанять. К счастью, у меня была Зои, а еще достаточно плавающий график выступлений, не такой долгий, скажем, как у певиц, которые вынуждены всю ночь находиться в ресторанах или клубах на сцене, за исключением редких перерывов.

— Нет, но я планирую ее найти.

— Когда вы планируете это сделать?

— Что? — я немного растерялась от такого напора.

— Когда вы планируете это сделать? До или после того, как получите место и выйдете на работу? — Лиза скользнула пальцами по

резюме, снова мельком пробежавшись по нему взглядом. — Поймите меня правильно, Аврора. Я ищу секретаря, на котором будет все делопроизводство отдела кадров Ровермарка. Это ненормированный рабочий день — зачастую. Это очень большая нагрузка и невозможность вырваться посреди дня куда бы то ни было. Как вы планируете решить вопрос с маленьким ребенком?

Да, я должна была знать ответ на этот вопрос, но я его не знала. Точнее, знала на том уровне, на котором только что озвучила. Это промедление заставило Лизу нахмуриться, а я вдруг почувствовала на себе взгляд. Текущий по коже, как лава из самого сердца извергающегося вулкана. Такой же обжигающий, такой же опасный и тяжелый. Обрушившийся на меня с яростью и мощью ураганного ветра, перехвативший дыхание и заставивший медленно повернуться к дверям.

Чтобы в полной мере осознать: я смотрю в глаза мужчине, которого называют Черное пламя Раграна.

***Девочки, благодарю вас за такие эмоциональные комментарии!
Вы мое Вдохновение!***

Глава 2.2

Наши взгляды встретились — и меня перетряхнуло от кончиков пальцев ног до корней волос. В его глазах плескалось неразбавленное пламя иртханов: зрачки оставались человеческими, но звериным этот взгляд быть не переставал. Гипнотическим, властным и подавляющим, от которого комната стремительно сужалась в размерах, а все животные инстинкты вопили о подчинении суперхищнику.

Хотя возможно, комната сужалась от его роста, он был очень высоким. Темные волосы, пожалуй, слишком небрежно лежащие для мужчины его статуса, резкая линия скул и подбородка, по-звериному раскрывшиеся крылья носа. Я чувствовала как течет по венам впитавшаяся в кровь лава его огня, весь его образ говорил о том, какого уровня власть сосредоточена в его руках и в его теле.

Миг — и в его глазах смешалось два пламени, мазнув по мне огненной плетью, словно стягивая одежду прямо там, в кабинете, на глазах у Лизы.

А в следующее мгновение он уже перевел взгляд на нее.

— Что творится у тебя в приемной?

— У меня в приемной стажер, которого я выдернула из отдела по работе с кадрами нашей службы безопасности. Или ты что-то другое имел в виду?

Он прищурился, и в кабинете сразу стало нечем дышать: словно запертое в тиски прищура пламя потекло по стенам, напивая собой воздух. Повезло, что продолжалось это недолго.

— Позже поговорим, — произнес он и вышел, напоследок наградив меня взглядом сверху вниз, от которого мне полагалось уменьшиться в размерах.

Вместо этого я заметила, что сижу, закинув ногу на ногу. И, очевидно, с тем самым выражением лица.

— Лиза, я приглашу няню, — сказала, мгновенно меняя позу и переключая внимание женщины на себя. — Сегодня же начну поиски. Разумеется, я знаю, что меня ожидает ненормированный рабочий день и понимаю, что мне придется существенно поменять свою жизнь. Я немного растерялась, когда вы спросили меня об этом, но исключительно потому, что я раньше ни разу надолго не расставалась с сыном. Сейчас все иначе. Я пришла к вам, потому что я хочу достойного будущего для своего ребенка, и я сделаю все от меня зависящее, чтобы он мог гордиться своей матерью.

Я посмотрела ей в глаза и продолжила:

— Да, я представляю, что работа в отделе кадров Ровермарка существенно отличается от работы в агентстве недвижимости, но я готова учиться. Я быстро учусь, я готова к ненормированному рабочему дню, и я готова сделать все, чтобы в вашей приемной все вопросы решались мгновенно и всегда было комфортно всем.

Я замолчала, но сейчас и Лиза смотрела на меня уже совершенно иначе. Она не хмурилась и даже визуализатор с моим резюме отодвинула.

— Секретарь требуется мне и моему заместителю, — сказала она. — Поэтому работы будет много. Плюс придется координировать работу подразделений, и справляться придется одной, по крайней мере, пока я не найду второго секретаря.

Не дожидаясь моего ответа, Лиза продолжила:

— Да, у нас очень спонтанно открылось сразу две вакансии. Именно поэтому в приемной сейчас Эбер. Как ты могла заметить, он совершенно не приспособлен для работы секретарем. Еще немного —

и его внутреннего интроверта разорвет на части, а ответственность за это буду нести я.

Я не выдержала и улыбнулась, и Лиза улыбнулась в ответ:

— Насколько я понимаю, вы сейчас танцуете в ресторане. Почему? — она пристально посмотрела на меня. — Я имею в виду, почему столь кардинальная смена деятельности?

— Я училась в балетной школе. Хотела стать прима-балериной, — честно призналась я. — После завершения обучения какое-то время я танцевала в классических постановках. Потом меня пригласили в балет Варда Каттэ.

Вард Каттэ считался звездой в мире балета в Рагране. Попасть в его постановку было не просто престижно, это был совершенно другой уровень.

— Вы отказались из-за сына?

— Да. Я узнала, что беременна, и между ним и балетом я выбрала Лара.

На самом деле я выбрала его в то самое мгновение, когда увидела результат теста. Когда поняла, что внутри меня зародилась новая жизнь, ответственность за которую отныне несу я. Карид, едва услышав о том, что я беременна, отправил меня на аборт.

— Мне некогда заниматься ребенком, я карьеру делаю, — сообщили мне в приказном порядке. — Оплачу тебе операцию в Аронгаре, и забудем об этом.

Он сказал в Аронгаре, потому что в Рагране аборт запрещен законом. Сказал как отрезал, ему было все равно. Это стало для меня ударом, но я не хотела забывать. Не хотела, потому что это был мой ребенок, ребенок от желанного мужчины: до этих самых слов я была влюблена в того, кто казался мне верхом совершенства. Карид родился в Лархарре и совсем молодым переехал в Рагран. Создал свой строительный бизнес с нуля — собственно, так мы с ним и познакомились. Мне очень нужны были деньги, и я работала офис-менеджером в агентстве (благо, все репетиции приходились на вечернее время, а выступления на выходные и вечера перед выходными), и организовывала встречу-презентацию для своего директора. На эту встречу я поехала вместе с ним. К управляющему строительной компании, руководителем которой оказался Карид.

— После рождения Ларрета мне отказали в должности в агентстве, где я работала. Потому, что я была с маленьким ребенком на руках. В ресторане, где я сейчас работаю, мое постоянное присутствие не требовалось, я танцую по контракту три раза в неделю.

— Вы больше не думаете о большой сцене? — Лиза задумчиво посмотрела на меня.

— Думаю, но пока Лар маленький, это исключено.

А к тому моменту, когда он вырастет... я решила, что лучше об этом не думать. Карьера балерины в среднем продолжается до тридцати пяти-сорока. У меня, возможно, еще оставался шанс побывать на большой сцене — пока я танцевала в ресторане и тренировалась дома, но после того, как Карид выдвинул мне свой ультиматум, уже нет. Нет, и не будет: для всех я должна стать образцовой матерью, достойной воспитывать малыша и дать ему все самое лучшее.

Потому что когда ко мне придут социальные службы, им будет наплевать, что я действительно даю ему все. Что это у меня два платья и несколько пар поношенных туфель, у Лара всегда все самое новое. Вся одежда и обувь, которую я ему покупаю, из которых он постоянно вырастает — берутся только в лучших детских отделах. Не элитных, конечно, но самых качественных, которые я могу себе позволить. Так же, как и питание. Если даже будучи студенткой балетной школы я иногда позволяла себя всякие вредные вольности, то с появлением Лара в моей жизни все вредности из нее ушли.

Еду я заказываю только в экологических супермаркетах с лицензией, и, собственно, на это и на оплату съемного жилья — достаточно просторной двухкомнатной квартиры — уходят все мои средства.

— Ты готова выйти на следующей неделе? — спросила Лиза.

Я... что? У меня перехватило горло. Нет, я, разумеется, рассчитывала на лучшее, но то, что это произойдет так быстро... Так сразу...

— Да! — выпалила я, уже прикидывая, как буду искать няню: следующая неделя — это же так близко. Но я ее найду, обязательно! И все у нас с Ларом будет хорошо!

— Замечательно. Тогда завтра жду тебя с документами в это же время. Дам задание Эберу, будем тебя оформлять. Испытательный срок

— два месяца, но оклад остается такой же. Условия по премиальным прочитаешь завтра в договоре. И, пожалуйста, со мной только на ты. Даже на официальных встречах.

Не в силах сказать что-то толковое, я поблагодарила Лизу за собеседование и поднялась. Так я уже давно не волновалась, и это волнение во мне смешивалось с радостью, грозившей вот-вот захлестнуть меня с головой. У меня получилось!

У меня получилось!

— До встречи, Лиза.

— До завтра. Пропуск не сдавай, я сейчас наберу охрану.

Кивнула, закусив губу, и вылетела в приемную.

У нас с Ларом будет все самое лучшее! Возможно, через несколько месяцев получится даже переехать в другой район, в квартиру побольше. И это я обязательно скажу адвокату, с которым буду работать. Теперь я точно могу позволить себе залезть в свои сбережения и отдать их в качестве аванса. Сумма, которую мне озвучили весомая, но аванс я внесу уже сейчас, а остальное — позже. Я буду работать с адвокатом, которого выбрала я, который сможет отстоять моего сына!

От радости хотелось петь или танцевать, и я, видимо, сияла как драконья чешуя на солнце, потому что Эбер тоже улыбнулся:

— Взяла?

— Взяла, — радостно кивнула я.

— Ну а я что говорил? Она адекватная. Одна из немногих здесь...

— парень прикусил язык. — Прости. Не говори, пожалуйста, никому, что я только что сказал.

— Мой рот на замке.

Достаточно тяжело держать рот на замке, когда хочется петь, и обратной дороги я почти не заметила. Вылетела на парковку Ровермарка, счастливая, как никогда. Пожалуй, такой счастливой я была только в тот день, когда впервые взяла своего малыша на руки, когда впервые заглянула в его глаза. Он был такой крохотный, такой чудесный... и в те минуты, уже не справляясь с затопившим меня теплым счастьем, я понимала, что другой выбор просто не могла сделать. Что это — настолько правильно — то, что со мной сейчас происходит, моя любовь к этому совершенно крохотному существу,

биение его сердечка, которое совсем недавно билось в унисон с моим...

Вот и сейчас я поняла, что сделала правильный выбор. Мы с Лизой обязательно сработаемся!

На радостях даже вызвала машину уровнем повыше и, пока мы летели, с трудом удерживалась от того, чтобы не набрать Зою. Она тоже будет прыгать до потолка. Моя подруга умела радоваться за других, как за себя, не говоря уже о самых близких. Смартфон прямо жег руки.

Я готова была не просто петь и танцевать, я готова была обнимать всех вокруг. Водитель, похоже, это чувствовал, потому что то и дело улыбался мне через зеркало заднего вида. Как раз в тот момент, когда он сделал это в очередной раз, смартфон в моих руках задержался сам. Я ожидала увидеть вызов от Зои, но звонили с незнакомого номера. Приподняв брови, я поднесла смартфон к уху:

— Да?

— Аврора, это Лиза.

Даже если бы она не представилась, я бы узнала ее голос сразу.

— Да, Лиза, я поняла. Нужно что-то особенное завтра захватить с...

— Нет, — она перебила меня достаточно резко, но тут же произнесла. — Прости. Мне очень жаль, но работать у нас ты не сможешь.

Глава 3

— *Как же так?* — спросила Зою. Больше сердито, чем зло, хотя злости в ней тоже хватало. Моя подруга могла спустить какой-то косяк в отношении себя, но в отношении своих близких и друзей — здесь она была как драконица, защищающая детенышей. — Они там что, вообще с ума посходили? Это же правительственный аппарат! Если они там так ведут дела, я даже представлять не хочу, что они могут еще сотворить!

Зоя кипела от гнева, а я сидела, уставившись в одну точку. За столом, на кухне лучшей подруги, вспоминала собеседование, свое прощание с Лизой, пыталась переварить и представить, что же все-таки сделала не так, и почему мне отказали. Если говорить честно, я многое сделала не так, но Лиза согласилась. То есть она выразила желание видеть на этой должности именно меня, а потом...

— Почему? Что случилось?

— Я не обязана тебе ничего объяснять, Аврора, — короткое раздражение, мгновенно сменившееся профессиональным. — Завтра сдай пропуск, пожалуйста.

И все.

— Засранка, — выдохнула Зои, плюхнув на стол миску с салатом, который я несколько минут назад помогала ей резать. Она не хотела, чтобы я помогала, но я понимала, что мне нужно чем-то занять и руки, и мозги. Казалось бы, мы уже сто десять раз это все обсудили, но я все равно не могла избавиться от чувства, что что-то не так. Почему Лиза так резко поменяла решение? — Ну и ладно. Мы найдем другие варианты. С Дагом вот тоже посмотрим вакансии. Правда, Даг?

Ее муж, вошедший на кухню, держал на руках Лара и Кати. Дочь развлекалась тем, что тянула отца за ухо, а Лар просто смотрел, чем все это закончится.

— Разумеется, — он кивнул. — Я еще у себя в отеле поспрашиваю, может быть, появились какие-то вакансии.

— О! — Зои указала на него ложкой. — Виары и ларрки, почему мы сразу об этом не подумали?!

Даг работал парковщиком флайсов в очень дорогом отеле «Шеррамел Стар», эта сеть была известна по всему миру и, разумеется, в Мерриуже тоже отхватила лучшее место города, с видом на искусственно созданный в самом центре огромный, невероятно красивый парк.

— Потому что рассчитывали на этих засранцев, — поддержал жену Даг. Когда он приблизился, возвышаясь даже над своей женой, которая рядом с ним казалась не такой уж высокой, я почувствовала себя совсем крохой. Точно так же я себя чувствовала рядом с вошедшим Вайдхэном, хотя он ко мне даже не приближался. Просто посмотрел сверху вниз, окатив своей природной подавляющей силой, как на что-то недостойное и совершенно не стоящее внимания.

Вспоминая его взгляд, я невольно вспомнила и свои ощущения, когда по коже течет обжигающее пламя звериных инстинктов, течет и впитывается сквозь нее в вены, в самое сердце, разгораясь в груди и мешая нормально дышать, заставляя безоговорочно признавать власть стоящего перед тобой мужчины. Это особенность иртханов: звериная суть у них в крови, хотя есть и человеческая основа. Много лет назад

люди вынужденно существовали под землей, потому что земля принадлежала драконам. Выходить наверх было смерти подобно, и тогда шаманы Пустынных земель (тех мест, где находится современная Лархарра, страна с многовековой историей) начали вливать себе кровь драконов.

Именно так появились первые иртханы: способные отдавать драконам приказы голосом, останавливать налеты, сдерживать убийственно мощных зверей. Не сразу, но спустя какое-то время люди смогли выходить на поверхность, благодаря иртханам стали возводиться наземные крепости и города. Нет ничего удивительного, что иртханы стали доминирующей и правящей расой, и, по сути, так все и осталось сейчас.

Некоторые страны делают вид, что иртханы и люди равны (впервые реформу о соправлении предложил Торнгер Ландерстерг, правитель Ферверна). В Ферверне все-таки ввели это соправление, так же, как и в Фияне. Аронгара осталась верна традициям, там по-прежнему в правлении исключительно иртханы. Что касается Раграна, Бенгарн Вайдхэн назвал эту реформу «беспочвенной толерантностью», которая ни к чему не приведет и никого ни к чему не обязывает.

— В случае налета драконов так называемые соправители не встанут плечом к плечу со мной и моими вальцгардами. Я совершенно не вижу смысла создавать эту бюрократическую суету.

Вальцгардами называли военных иртханов, а само слово пришло к нам из Аронгары. С изобретением телепорта эта страна буквально ворвалась в нашу: культурой, традициями, языком, и не затерла Рагран полностью исключительно благодаря тому, что должна была сохранять видимость нашей свободы. Это продолжалось достаточно долго, и, хотя наши правители делали вид, что ничего такого не происходит, полную автономию Рагран получил исключительно с приходом к власти Вайдхэна.

Исключительно потому, что связываться с ним было себе дороже: противопоставить его силе Аронгаре было уже нечего. Равно как и прикрываться слабой кровью нашего правящего (как было до него), чтобы и дальше диктовать свои правила и условия.

Я настолько ушла в мысли про политику и Вайдхэна, что даже не заметила, как друзья усадили Кати и Лара в детские креслица.

— Ням! — выдал Лар и потянулся за пирожком со сладкой начинкой, но я ловко отодвинула тарелку за мгновение до того, как он успел бы его схватить.

— Во-первых, не ням. Ты уже взрослый и умеешь разговаривать. Как это называется?

— Ням! — в глазах сына заблестели слезы, но я на манипуляции не поддавалась. Сложила руки на груди.

— Лар.

— Мама!

— Лар.

Зои плотно сжала губы, чтобы не рассмеяться. Она уже не раз и не два была свидетельницей наших «противостояний», поэтому только ткнула мужа локтем в бок, когда тот открыл рот, чтобы что-то сказать.

— Пифо... пифофок.

— А если постаррррраться?

— Пифорок.

— Почти, — я показала на тарелку.

— Пифо...

— Пи-ро...

— Пи-ро...

— ... Жок.

— Жок!

— А теперь все вместе.

— Пи-ро... жок!

— Молодец, — сказала я, обняла сына и поцеловала. — И как большой молодец, ты у меня знаешь, что сладкие пирожки можно есть только после того, как поели суп. Правда?

Лар насупился, но кивнул.

— Ава, — не выдержал Даг. — Я аж вспотел весь. Тебе вальцгардов тренировать надо.

Я вздохнула, а Зои фыркнула.

— Вальцгардов меня тренировать не возьмут. Меня даже в отдел кадров не взяли.

— Сами виноваты! — тут же снова пошла в наступление подруга, и я пожалела, что снова подняла эту тему.

— Я завтра забегу в наш отдел кадров после смены, — понимая, что грядет гроза, Даг предупредил первый раскат грома

заблаговременно и положил жене на тарелку горячее и салат. — Вина не предлагаю, мы тут все по детскому меню.

— По детскому меню мне полагается супчик, — я рассмеялась.

— Извини, подружка. Супчик только для малых, — развела руками Зои.

Я взяла ложку. Первое правило мамы — проверь, как ложку взял сын, но у нас было так. Я беру и ем сама, и Лар тоже берет и ест сам. Мы тут оба взрослые. Тем не менее второй взрослый, уплетая суп, не видел, как первая взрослая осторожненько смотрит, чтобы он не обжегся. И Лар не подвел: подул на ложку, как я его учила перед тем, как отправить в рот.

Светловолосый и голубоглазый, он вообще ничем не был похож на Карида. Казалось, что этот малыш — отражение меня, хотя в чем-то он меня переплюнул. Например, в длине и густоте ресниц, закручивающихся так, что упирались в крохотные густые бровки.

Глядя на него, я чувствовала, как сердце заходится от любви.

Ни за что его не отдам! Ни за что!

Даже если придется ночевать на работе и нанять десять нянь.

Сын взглянул на меня — так светло, так радостно, и я улыбнулась.

— Люблю тебя, — прошептала одними губами. Так, что расслышала только сама.

Глядя в небесные глаза сына, неожиданно снова обожглась о воспоминания. О темный, почти черный взгляд. Жесткий. Властный. Пренебрежительный.

В этот раз я споткнулась именно о последнее. Бенгарн Вайдхэн смотрел на меня так, словно я была досадной помехой. Если не сказать больше, раздражающей его неприятностью. Сама мысль об этом царапнула достаточно сильно и обидно.

Но еще сильнее царапнула следующая.

Что, если мне отказали, потому что я ему не понравилась?

Дорогие читатели!

Выложила в блоге пост-знакомство, чтобы вы могли побольше узнать обо мне как об авторе, а заодно и об истории, которую мы сейчас читаем ;)

Заглядывайте, задавайте вопросы!

Буду очень рада всем :)

С любовью,

ваша Марина

Глава 3.2

Сама эта мысль обожгла так, что я замерла. Просто застыла, вспоминая случившееся: он действительно смотрел на меня слишком пристально и как-то очень странно. Но почему? Чем я ему не понравилась? Что я сделала не так, я ведь ни слова не сказала в его присутствии? С каждым мгновением эта версия казалась мне все более и более правильной, потому что Лиза, которая проводила собеседование, ничем не напоминала женщин, меняющих свое мнение по сто двадцать раз на дню. Больше того, я ей понравилась, если бы не понравилась — отделалась бы от меня классикой «мы вам перезвоним», что на языке работодателей обычно означает «нет».

— Рагран вызывает Аврору, — раздался совсем рядом голос Зои.

Я очнулась, подняла голову и наткнулась на испытующий взгляд подруги.

— Итак?

— Простите, — я покачала головой. — Просто ненадолго выпала из реальности.

— Все думаешь про то, почему тебя не взяли, да? — перегнувшись через мужа, подруга промокнула успевшей выплюнуть суп дочери ротик и посмотрела на меня.

— Да, — не стала выкручиваться.

Глянула на сына: у него с супом дела обстояли лучше, чем у Кати.

— И что думаешь?

— Мне кажется, я не понравилась руководству.

— Руководству? Ты же сказала, ты говорила непосредственно с начальницей.

— Бенгарну Вайдхэну.

Даг поперхнулся и чуть было не выплюнул горячее по примеру Кати. Зои собралась постучать мужа по спине, но замерла с поднятой рукой. Ее большие карие глаза расширились еще больше.

— Бенгарну Вайдхэну? *Тому самому* Бенгарну Вайдхэну?!

— А ты знаешь какого-то еще?

— Нет, но если честно, я не особо горю желанием узнавать и этого. — Зои даже вилку отложила. — Как?.. Ты не рассказывала, что там был он.

— Был, — я снова споткнулась о воспоминание-взгляд. Темный, в нем клубится такая сила, о которой я не имею ни малейшего представления, не говоря уже о чем-то большем. — Зашел что-то спросить и так же быстро ушел, но я не вижу других причин, почему так могло получиться. Он просто очень странно на меня смотрел.

Зои хмыкнула. Справившись с первым потрясением, оперлась локтями о стол и подалась ко мне. Даг, на котором сегодня лежала ответственность покормить не только себя, но и дочь, сейчас тоже смотрел исключительно на меня. Друзья ждали продолжения, а я понятия не имела, как продолжить, равно как и не понимала, чем не угодила правящему. Я его видела первый (не считая новостей и всякого такого) раз, и он меня тоже. Не думаю, что ему вообще интересно, как Лиза комплектует свой отдел, у него просто нет на это времени. Тогда почему?

— Не знаю, — честно призналась я. — Это просто... интуиция. Ну или логика. Или и то, и другое вместе.

— Вот же!.. — Зои плотно сжала губы: обычно она не стеснялась в выражениях, но после рождения Кати старалась избегать колоритных слов.

— Мам! А кто такой Бездарн Гадхэн?

После слов сына на кухне повисла тишина. Настолько многозначительная, что я слышала даже как сопит Кати, пытающаяся отбиться от очередной порции супа. Потом увидела, как дрожит ложка в руке Дага, а спустя мгновение мы все просто хохотали, как сумасшедшие. Это напоминало какое-то помешательство, потому что у меня из глаз брызнули слезы, и, как бы я ни старалась остановиться, стоило мне на мгновение вдохнуть, смех возвращался снова. Впечатлившись нашим весельем, Лар плюхнул ложкой по супу, взметнув фонтан брызг, а Кати с визгом ударила ручкой по своей тарелке, из-за чего та перевернулась и выплеснулась на брюки Дагу.

— Твою ж... — Даг вскочил под грозным взглядом жены. — Что? Я ничего не сказал!

— Да, — Зои выдохнула остатки смеха. — Повезло тебе.

— Тебе тоже, дорогая жена, — он указал на нее полотенцем, которое сдернул с крючка. — Что суп уже достаточно остыл. Иначе у тебя был бы муж с вареными...

— Все, заткнитесь пожалуйста, — попросила я. — Я больше не могу смеяться.

Как выяснилось, могу.

Мы смеялись, пока не кончились силы, потом Даг пошел сменить брюки, а я поднялась, чтобы помочь Зои убраться. Злосчастная перевернувшаяся тарелка не пострадала, просто кувыркнулась, поэтому ее я убрала в мойку. Пока подруга вытирала светло-серый, с холодными прожилками, кафель на полу, я привела в порядок забрызгавшуюся Кати, стол, и наблюдала за тем, как ест Лар.

— Твоей еще налить? — спросила у Зои.

— Нет, если она так себя ведет, это бесполезно. Значит, не хочет.

— Будешь кормить посреди ночи?

Зои закатила глаза.

— Это просто драконова девчонка. С ума меня сводит, — она сказала это так, что я почти физически ощутила любовь. Почувствовала ее и Кати, потому что заулыбалась и вскинула руки:

— Ма-ма!

— Сейчас, хулиганка моя, — Зои выпрямилась, сбросила тряпки в мусор и пошла мыть руки. — Бездарн Гадхэн... дракон меня задери, твой парень знает, как и кого назвать.

— Ты не очень его любишь, я знаю.

— А за что его любить? Налоги драконовские. По стеночке все ходят: то не скажи, это не сделай, смертную казнь ввел, своей силой кичится. Черное пламя Раграна, чтоб его. Лучше бы на реновацию старых районов обратил внимание, чем утилизацией транспорта заниматься. Мы тут зимой все ноги переломаем, зато сможем сдать старые флайри! Все!

Зои развернулась, приблизилась к дочери, стащила запачканный слюнявчик.

— Довольна тем, что ты тут устроила? Довольна? Довольна? — она бросилась ее щекотать, и Кати залилась смехом. Что касается меня, я задумчиво смотрела на них.

— Поеду завтра туда, — произнесла вслух.

— Что? Куда?! — подруга обернулась.

— В Ровермарк. У меня пропуск остался, с ним и поеду.

Брови у Зои подскочили вверх:

— Зачем?!

— Хочу выяснить, что произошло. Хочу во всем разобраться.

— Сдалось оно тебе! Нужны тебе неприятности? Сказала же, Даг завтра в свой отдел кадров наведается, в «Шеррамел Стар» тоже ставки шикарные.

— Я хочу понять, почему, — сложила руки на груди. — Поговорю с Лизой, спрошу прямо. Если есть возможность получить эту должность, я ее получу. Карид будет использовать все, чтобы забрать Лар...

Я осеклась, оглянулась на сына, но он был увлечен вылавливанием фигурки крохотного дракончика из теста, плавающей в супе.

— А я буду использовать все, чтобы защитить его. Он не нужен ему, понимаешь?

Да, ситуация сложилась так, что для вхождения в совет директоров крупной строительной корпорации Кариду нужна была положительная репутация и семья. В связи с чем он решил, что для этого идеально подойдет Лар, и пришел ко мне с предложением решить вопрос по-хорошему. Точнее, пришли сразу его адвокаты — после того, как он мне позвонил и сказал, что намерен лично заниматься воспитанием сына, потому что я не в состоянии нормально его содержать и пример, который я ему подаю своими «танцульками» — отвратительный. На что я посоветовала ему идти... гм, в Лархарру. Если бы хоть раз за все это время он просто позвонил, чтобы узнать, как его сын растет. Как делает первые шаги. Да хоть что-нибудь!

Возможно, тогда наш разговор был совершенно другим, но Лар стал ему нужен исключительно когда на горизонте замаячил совет директоров. Нужно было быть слепоглухонемой и совершенно не разбираться в людях, чтобы понять, зачем ему потребовался ребенок.

Для создания положительного имиджа!

Набл[1] недовыдранный!

— Тихо, тихо, не кипятись, — Зои подняла руки, очевидно, прочитав эмоции по моему лицу. — Я же просто сказала... ну зачем тебе неприятности? Думаешь, ты их там переубедить сможешь?

— Не знаю, — честно призналась я, приложив ладони к пылающему лицу. — Знаю только, что если не сделаю все от меня зависящее, не смогу смотреть сыну в глаза.

Зои вздохнула.

- И то правда. Ладно, давайте уже наконец поедим.
- Что я пропустил? — поинтересовался вернувшийся Даг.
- Она собирается завтра в Ровермарк. Биться за справедливость.
- Смело, — Даг сдвинул брови. — Молодец.

Зои удивленно взглянула на мужа, но продолжать эту тему мы не стали. Оставшееся время за ужином обсуждали «детские» вопросы, новый сериал, который только-только начался на «Экчуалз», главном канале Раграна, и просто болтали обо всяком. После ужина переместились в комнату, где дети возились на манеже с игрушками, а мы продолжали болтать. Настолько увлеклись, что даже немного забыли о времени, опомнились, только когда Кати и Лар начали клевать носами.

Даг предложил меня отвезти, но я отказалась, и он просто вызвал мне флайс. Лар уснул у меня на руках еще в машине, пришлось просить водителя, чтобы помог мне открыть дверь, а уже перед квартирой осторожно поставить недовольно трущего глаза сына на ноги.

— Сейчас будем спать, маленький, потерпи, — сказала я, толкая дверь и проходя внутрь. Стянула ботинки, курточку, и сразу отнесла сына в спальню. Он уснул мгновенно, стоило мне уложить его в постель и укутать одеялом, а я еще какое-то время стояла и смотрела на него, понимая, насколько это правда — то, что я сказала Зои.

Нет, я так просто не сдамся. Если есть хоть какая-то возможность выяснить, что произошло, и хоть как-то повлиять на решение Лизы — я это сделаю.

— Я сделаю все, чтобы тебя защитить, — прошептала еле слышно.

Наклонилась, коснулась губами крохотной щечки, после чего приглушила свет узорного ночника-дракончика. Погладила сына по голове и пошла к себе.

[1] Наблами называют зверей, которые живут в пустошах и питаются падалью. В современном разговорном языке они также упоминаются, как ругательство.

Глава 4

Засыпая, я думала, что завтра опять буду волноваться и сходить с ума, но к утру во мне раскрылась такая решимость действовать, что впору было волноваться за сохранность отдела кадров или всего

Ровермарк. Решимость укрепилась, когда я смотрела в глаза своего сына за завтраком. Потом — еще сильнее, когда убирала и мыла посуду, Лар развлекался с плюшевым виаром[1], своей любимой игрушкой, который тоже был уже «накормлен» кашей, и думала о том, что мне предстоит.

Ехать я решила с утра, чтобы успеть к тому времени, когда Лиза только-только придет на работу. Потом вероятность застать ее или попасть к ней становилась гораздо ниже, если не сказать, стремилась к нулю, поэтому я сейчас волновалась только о том, чтобы не опоздать. Когда раздался звонок, бросилась к двери.

— Открывай! Мы приехали!

Зои с Кати привез Даг, подбросил их ко мне по пути на работу. Пока я собиралась, Зои уже всю развлекала детей, и, судя по доносящемуся из комнаты Лара смеху, малыши были в восторге.

— Ты не думала о том, чтобы сменить профессию? — спросила я, заглянув в комнату. — Стать няней, например?

— Мне Кати хватит на всю жизнь, — фыркнула Зои, подхватывая дочь, которая использовала кровать Лара как батут. — Точно не передумала насчет платья? Если что, я привезла.

Зои предлагала мне одолжить платье еще раз, и сейчас оно висело в чехле в прихожей.

— Нет, — я покачала головой. — Поеду как есть.

Как есть — это в тонкой водолазке под горло и простенькой юбке чуть выше колен. Волосы я просто стянула в хвост, а макияж сделала на бегу самый простой, повседневный. В конце концов, как показывает практика, ни один макияж и прическа, ни одно самое классное платье не способны помочь, если ты чем-то не угодила Бездарну Гадхэну.

— Я быстро, — пообещала Зои, целуя Лара в щеку.

— Да я никуда не тороплюсь, — подруга пожала плечами. — Смена у меня только завтра, так что до завтра я совершенно свободна. Кстати, если вытащу их погулять, ничего?

— Да, конечно. Запасные ключи оставлю на тумбочке.

На этот раз дорогу до Ровемарк я почти не заметила, хотя она оказалась гораздо дольше, чем вчера. В утренние часы выезд из района превращался даже не в «мы медленно летим», а в «мы быстро стоим», поэтому я сочла правильным нырнуть в подземку, до которой добежала за пять минут, а после — пересесть на аэроэкспресс. Благо сейчас

станции подземки и аэротранспорта объединили переходами, снабженными скоростными лентами, в движении которых текли бесконечные людские реки.

Меня слегка помяло, особенно когда на станциях пересадок в поезда вваливались просто толпы, но, к счастью, водолазка и юбка у меня были несминаемыми, а с простым хвостом сложно сделать что-то, что его испортит. Плащ я все равно сниму, поэтому по поводу его сохранности особо не переживала.

От станции аэроэкспресса до Ровермарка пришлось идти быстрым шагом (если я хотела успеть раньше Лизы), по улицам мимо меня тоже текли реки людей, над головой, между высотками, вились вереницы флайсов. Центральная аэромагистраль «висела», как любят говорить, остальные еще более-менее двигались. Я пролетела несколько поворотов и, завернув за угол, оказалась напротив здания.

Пешеходная дорожка, ведущая к центральным дверям, разрезала парковку надвое. В Ровермарк тоже спешили люди и иртханы, и я невольно ускорила шаг. Настолько, что, когда влетела в двери, от жара горело лицо. Вчера этот холл показался мне оживленным, но сегодня здесь просто кипела жизнь: все стремились на работу, пикикали пропускные рамки, у стойки администраторов уже толпились посетители. Многоголосье раскрывалось самыми разными интонациями, перекрывая шум воды фонтана.

Лифт набился чуть меньше, чем вагон подземного поезда или аэроэкспресс.

— Да я вчера отчет полночи делал, — донеслось до меня. — Ты же в курсе, что у нас по поводу дедлайнов...

Несколько человек вышли ниже, но в этот раз в основном все ехали вверх. Мне даже пришлось шагнуть вперед, ближе к дверям, потому что на семьдесят седьмом вышли только я и двое девушек. Они на меня даже не взглянули, устремляясь вперед по знакомому коридору.

— Представляешь? Уволили сразу двух секретарей. Сначала Тон, потом Сью. Эбер теперь за двоих отдувается, пока Лиза ищет замену.

— Эбер?

— Новенький. Стажер по кадрам безопасников.

— А-а-а, этот.

— Удачи ему. Он тоже любит потрепаться, а девчонок уволили — цитирую — за то, что слишком много разговаривали. Это теперь, вроде как, называется разглашением информации.

— Чего?!

— Да, я сама...

Девушки нырнули в кабинет, а я пошла дальше, к приемной. Солнце вливалось сквозь панорамные, не затемненные особым режимом окна, за стойкой никого не было, тянуло прохладой — видимо, систему кондиционирования включили на полную. Из кабинета Лизы донесся какой-то шум, потом из приоткрытой двери вынырнул Эбер. Увидев меня, словно споткнулся.

— Драконы!

— Доброе утро, — сказала я, — Лиза уже на месте?

— Доброе, — он выдохнул, пригладил торчащие темные волосы и поправил очки. — Нет. Я там порядок наводил. Она терпеть не может, когда жалюзи опущены, и все такое. А ты с документами на устройство? Она мне вчера ничего не сказала...

— Нет. Я к ней. Просто поговорить.

Эбер изменился в лице, и я обернулась.

— Аврора? Что ты здесь делаешь? — Лиза остановилась напротив меня.

— Мне нужно с тобой поговорить, — это все оказалось так неожиданно, ну очень неожиданно даже несмотря на то, что я вчера готовилась, прокручивая в мыслях, что я скажу и какие приведу аргументы. Я думала, что у меня будет хотя бы минут десять до ее прихода.

— Тебе нужно сдать пропуск, — сказала Лиза и тут же переключилась на парня. — Эбер, документы по планерке готовы?

— Да, я уже все загрузил.

— Отлично. И свежую аналитику?

— Да. И еще резюме новых претенденток.

— Лиза, пожалуйста. — Я шагнула к ней. — Я не отниму у тебя много времени, мне просто нужно понять...

— Тебе впервые отказывают на собеседовании? — Лиза посмотрела на меня в упор, поставив на стойку сумку и положив пропуск.

В ее глазах не осталось ничего от той женщины, с которой я говорила вчера: только холод и отчуждение.

— Нет.

— Тогда ты знаешь, что делать.

Она круто развернулась на каблуках, подхватила сумку.

— Эбер, есть еще кое-что срочное.

Лиза повернулась ко мне спиной и ушла, следом за ней, пожав плечами, скрылся парень.

— Вы забыли... — Мой взгляд зацепился за пропуск, который она оставила.

Я прикусила язык.

Да, мой пропуск наверняка ограничен одним этажом, а вот пропуск Лизы — вряд ли. Пропуск начальницы отдела кадров наверняка открывает доступ на любой этаж, включая тот, где проводятся совещания всего руководящего аппарата. То есть на этаж Вайдхэна. Это было чистой воды безумие, но я не могла уйти ни с чем. Просто не могла.

Поэтому подхватила карточку и выбежала из приемной. Сердце колотилось в таком ритме, что мне оставалось просто идти и не смотреть по сторонам. Мне казалось, что если я замедлюсь, все рухнет. Однако замедлиться все же пришлось: перед лифтами, потому что я понятия не имела, куда идти. Какой мне нужен этаж?

— Добрый день, — обратилась к замершему в конце коридора охраннику, молодому парню.

Он обернулся.

— Чем могу помочь, риам?

— У меня финальный этап собеседования, — показала пропуск и улыбнулась, вложив в улыбку все свое очарование, — в руководящем аппарате. Лиза отправила меня туда, но я забыла спросить, какой мне нужен этаж. Сказала, что мне все объяснит секретарь риамера Вайдхэна.

— Девяносто девятый, — охранник улыбнулся в ответ. — Я вызову вам лифт.

— Спасибо.

Я слушала стук своего сердца, и, кажется, не дышала. Пока двери лифта с легким щелчком не раскрылись.

Я нырнула туда, напоследок одарив охранника улыбкой. То ли мне так повезло, то ли все уже разошлось по рабочим местам, но я оказалась в лифте одна. И перед дверями, которые вели на нужный мне этаж — тоже. Здесь в холле было больше охраны, мимо них я прошла с непроницаемым выражением лица, но выдохнула только когда электронная панель, согласно пискнув на пропуск Лизы, позволила дверям передо мной разойтись.

Оказавшись внутри, я по знакомым уже указателям направилась к приемной.

Только на этот раз к приемной Бенгарна Вайдхэна.

Стук моих каблуков заглушал стук сердца, я чувствовала, как внутри что-то сжимается. Мысли метались, как сумасшедшие, но я упрямо шла вперед. Сжимая пропуск Лизы так, что он врезался мне в руку, и, когда очередной указатель привел меня за поворот, я сама чуть не врезалась в двух охранников. Причем, судя по выправке, военных. Вальцгардов.

— Риам Этроу, — холодно произнес один раньше, чем я успела что-то сказать, — вы пойдете с нами.

Что?

— Пропуск Лизы Рэнгс, — второй протянул руку.

Сердце упало куда-то в пятки. Вслед за ним рухнула надежда и все, что до этой минуты вело меня по коридорам Ровермарк.

— Я...

— Пропуск, — жестко повторил вальцгард, и мне не оставалось ничего другого, кроме как вложить пропуск в его ладонь. — Теперь следуйте за нами.

Следуйте за нами — это сильно сказано, потому что они просто-напросто зажали меня с двух сторон в тиски. В этих тисках меня развернули и повели обратно по коридору, по которому я только что пришла. Сердце по-прежнему колотилось в ритме танца, но как-то рывками. Не знаю, что было страшнее — мысль о том, что я не справилась, так и не смогла поговорить с Вайдхэном или с Лизой, или о том, что теперь будет — меня теперь просто выведут отсюда без права допуска, или... Или — что? Я даже боялась подумать об этом «или», поэтому сосредоточилась на собственных шагах.

Мы повернули. Еще раз повернули. На стенах висели какие-то 3D-картины, но я едва ли заметила, что на них, потому что по-прежнему

смотрела на носы своих ботинок. До тех пор, пока передо мной не распахнулись двери, и я не оказалась в небольшом конференц-зале, в котором перед стеклянной матовой стеной, заложив руки за спину, стоял...

Бенгарн Вайдхэн.

[1] Виарами называют карликовых драконов. Существуют дикие и одомашненные виары, которых допустимо держать даже людям.

Глава 5

Если до этого сердце колотилось, как безумное, сейчас, кажется, забыло о своих прямых обязанностях. На мгновение воцарилась такая тишина, настолько густая, что ее можно было резать. Разумеется, это сделал Вайдхэн, полоснув лезвием голоса:

— Оставьте нас, — после чего обернулся.

Вальцгарды вышли, с тихим шорохом за моей спиной закрылась дверь.

Вайдхэн казался еще выше, чем в первый раз, хотя сейчас дело было во взгляде. Под такими взглядами полагается чувствовать себя маленькой и ничтожной пылинкой, случайно прилипшей к ботинку правящего ирлхана в пустоши. Похожим взглядом на меня пытался давить Карид, когда общался со мной по видеозвонку и ставил условия, но то ли дело в том, что Карид не был ирлханом, то ли в том, что он не был Вайдхэном, или, может, в качестве видеосвязи. Как бы там ни было, его попытка не увенчалась успехом, а вот у Вайдхэна почти увенчалась — потому что на мгновение я почувствовала себя *человеком*. Кем-то очень незначительным пред лицом ирлхана.

Впрочем, мгновение пришло и ушло, я стряхнула его с себя очень быстро, понимая, что на таких условиях меня просто раздавят.

— Добрый день, — произнесла, глядя ему в глаза. — Мне нужно с вами поговорить. Садитесь вы женщинам принципиально не предлагаете?

Вайдхэн промолчал. Как-то очень тяжело, но мне терять было уже нечего.

— Хорошо. Тогда я сама.

Подошла, опустилась в ближайшее кресло. Поймала свою ногу в полете (она собиралась закинуться на вторую), пришлось делать вид, что устраиваюсь поудобнее. Нас разделял стол, но под втекающим во

взгляд иртыхана пламенем этой преграды не стало. Вайдхэн шагнул вперед, оперся ладонями о матовое стекло и посмотрел мне в глаза.

— Аврора Этроу, — произнес он. — Двадцать три года. Из неблагополучной семьи. Мать и отец в разводе, первая страдает от тяжелой формы алкоголизма. С семи лет по решению службы опеки жила с отцом и мачехой, постоянной сбегала, чтобы повидаться с матерью, которую через пару лет посадили за воровство. Тебе было шестнадцать, когда она снова оказалась на свободе. Твои неоднократные попытки оплатить ей лечение заканчивались ничем. При всем при этом твои таланты в балетной школе поражали даже выдавших виды преподавателей, и все могло бы сложиться — если бы не беременность.

Он замолчал, видимо, чтобы я прониклась своим ужасающим положением, но я уже давно не считала свое положение ужасающим. Да, все что он сказал, было правдой, но все подобные заявления я пережила по сто десять раз от учителей, директоров, одноклассников и некоторых особо ненавидящих меня в балетной школе, потому что я обходила их по баллам и успехам. Сколько раз мне в лицо бросали такие факты — не перечесать, поэтому сейчас я только сказала:

— Вау.

Кажется, Вайдхэн такой реакции не ожидал, потому что его прищур стал совсем темным.

— Если вы знаете обо мне все это, — продолжила я, — то наверняка знаете, почему я здесь. Мой бывший... мужчина собирается отнять у меня сына. Мне нужно достойное место работы, чтобы его защитить — в том числе нанять адвокатов и оплатить услуги няни. Поэтому я пришла на собеседование в Ровермарк. Ваша сотрудница отобрала мое резюме среди сотен претенденток, она же лично проводила со мной собеседование. Вероятно, ваша служба безопасности сочла меня подходящей на эту должность, потому что Лиза меня приняла. Больше того, она сказала, что завтра я могу приехать с документами, а это значит, что отказать мне могли только вы, и я хочу знать, почему.

Вайдхэн продолжал пристально на меня смотреть, и я не могла избавиться от чувства, что на меня смотрит зверь.

— Служба безопасности проверяет претендентов после утверждения Лизой, — перебил он. Оттолкнулся ладонями от стола,

медленно обошел его и опустился на край рядом со мной. — Но ты права. Тебе отказал я.

— Почему? — несмотря на инстинктивное желание отодвинуться, мой голос не дрогнул. Дрожать я буду потом, а сейчас — у меня сын, которого я поклялась защищать.

— Потому что, Аврора, — небрежная фамильярность резанула слух, а в следующее мгновение на плечо мне легла рука. Не столько тяжестью, сколько неприкрыто-бесстыдным прикосновением, гораздо более откровенным, чем если бы он просто разложил меня на столе. Вайдхэн повернулся: я это скорее почувствовала, потому что замерла, и его взгляд, скользнув по моей щеке и шее, спустился ниже.

— Достойный ответ правящего, — я резко поднялась, убирая его руку. — Хотите, чтобы я обвинила вас в домогательствах?

— На здоровье, — он не двинулся с места, изучая меня с откровенным, совершенно бесстыдным интересом, и, кажется, даже не пытаюсь скрыть того, что его взгляд скользит по моей груди, животу, впивается в бедра. Этот звериный взгляд рождает внутри совершенно неправильные, противоестественные чувства, когда на уровне подчинения, признания его власти раскрывается внутри черная бездна бесстыдного всепоглощающего желания. Иртханы априори сильнее людей, это факт, и их влияние на женщин — начиная от владения голосом, с помощью интонаций которого они управляют драконами и заканчивая животной частью — ограничивается только уровнем их пламени.

Здесь пламени было через край: я почти задохнулась от заполнившей меня черной мощи, и, содрогнувшись, вцепилась в стол, чтобы выдержать его и не отступить.

— Вы...

— Я, — он поднялся, возвышаясь надо мной, — могу сделать с тобой все, что захочу, Аврора. И знаешь почему? Потому что сейчас ты украла пропуск. Уверен, когда ты выйдешь из тюрьмы, твой сын будет мало что о тебе помнить.

Все внутри просто упало, рука на стеклянном краю дрогнула.

— Я не крада пропуск Лизы, я его позаимствовала, чтобы...

— Именно так и расскажешь в суде, — его губ коснулась холодная улыбка. — Уверен, им понравится эта история. В сочетании с историей

твоей матери будет прекрасная дополняющая семейную идиллию картина.

А вот сейчас ему удалось. Удалось ударить туда, где все еще болело — да, я мечтала о семье! О нормальной семье, где мама с папой любят друг друга, где вечерами семья собирается на прогулку или вместе перед визором смотрит какое-то шоу. Так было у папы с мачехой, у их маленького сына, но не у меня. Дарина никогда не скрывала, что я для нее — чужая.

Только я думала, что я смирилась с этой мыслью, что семейное счастье не для меня, как у меня появился Ларрет. И я поняла, что сделаю для него все! Все, чтобы он чувствовал себя любимым. Чтобы он чувствовал себя нужным. Чтобы он был счастлив!

— Прежде чем мы продолжим, я хочу, чтобы ты поняла. — Холодный властный голос ударил по сознанию. — Сама убедилась в том, что у каждого твоего поступка будут последствия, и что за каждый из них придется нести ответственность.

Вайдхэн коснулся гарнитуры.

— Пусть заходят.

Я не успела опомниться: двери распахнулись, и в переговорную вошли Лиза, Эбер и тот охранник, который подсказал мне путь на девяносто девятый этаж. Лиза на меня не смотрела, остальные просто замерли, едва коснувшись взглядами.

— Лиза, ты работаешь со мной далеко не первый месяц, — холодно произнес Вайдхэн, — и ты прекрасно знаешь процедуру: твой пропуск всегда должен быть с тобой.

— Знаю. Я просто переволновалась, — она смотрела исключительно на него.

— Это ты будешь рассказывать на собеседовании. Уволена.

Что?!

Кажется, шок был не только у меня, но и у Лизы, потому что она не сказала ни слова, а взгляд Вайдхэна уже уперся в охранника и исполняющего обязанности кадрового секретаря.

— Что касается вас парни, та же история. Пропускать женщину, которую якобы кто-то куда-то отправил что-то спросить — это работа не сотрудника службы безопасности и совершенно точно не работа секретаря допускать нахождение посторонних в приемной службы отдела кадров. По стажировке у тебя отказ, что касается тебя —

придется очень постараться, чтобы тебя взяли хотя бы в частное охранное агентство.

Эбер побледнел, охранник просто превратился в статую.

— Но так же нельзя! — мой голос вспорол воцарившуюся на миг тишину, а после его перекрыл приказ:

— Свободны.

Стоило нам снова остаться вдвоем, я повернулась к нему:

— Так нельзя! Вы с ума сошли! Они же ни в чем не виноваты...

— Сбавь тон, Аврора. — В меня ударило знакомой властной силой. — Здесь только я решаю, что можно, а что нельзя.

— Я взяла этот пропуск! — выпалила я. — Это я его взяла! Потому что хотела с вами поговорить! Хотела узнать, чем вам не угодила! Для меня защитить сына, не позволить ему попасть к отцу — вопрос жизни и смерти. Он его не любит, но он его заберет, просто потому что...

— И правильно сделает, — у Вайдхэна шевельнулись ноздри — совсем как у настоящего дракона. — Оставлять ребенка с матерью, которая бежит по распродажам в детских отделах — не лучший вариант.

От беспощадности его приговора даже перебило дыхание. Разом вспомнилось, как я искала возможность купить Лару все самое лучшее, как я бежала в торговый центр перед выступлением, потому что мне обещали отложить последний нужный размер, как я отказалась от покупки новых босоножек, потому что летние туфли нужны были ему, и не факт, что одни!

Все это обрушилось на меня разом, а в следующий момент обрушилась я — на Вайдхэна, ураганной волной яростного огня.

— Вы... — прошипела я. — Вы с вашими методами правите исключительно потому, что все боятся вашего пламени! Без него вы никто!

Может, во мне и не было силы иртехана, их огненной сути, но была ярость, я шагнула к нему, замахнувшись, чтобы в следующий момент вскрикнуть от ужалившей запястье боли. Миг — и горящий черным пламенем взгляд врезался в мой, еще один — и меня развернули лицом к столу, а потом просто распластали по нему всем телом. Я не успела опомниться, как его ладонь оказалась под моей юбкой. Прикосновение обожгло, как если бы к коже приложили раскаленный металл, словно

его ладонь даже через ткань колготок отпечаталась на внутренней стороне бедра клеймом.

— Нет! — выдохнула я, когда внутри полыхнуло. — Не смейте!

Движение ладони оставило огненный след, а потом я почувствовала свободу.

Рванувшись, оттолкнулась от стола, тяжело дыша, словно пробежала спринт. Развернулась к нему лицом, на этот раз действительно дрожа всем телом от вспыхивающих и гаснущих внизу живота искр, когда последовал новый приказ:

— Действуй, Аврора. — Вайдхэн указал на пол возле своих ног. — Я хочу быть уверен, что сделка с тобой себя окупит.

Глава 5.2

Предложение было весьма однозначным. Настолько, что у меня вспыхнули щеки, и я с трудом удержалась, чтобы не приложить ладони к лицу. Шок был настолько сильным, что меня затрясло, но это однозначно был шок, иначе как объяснить, что я просто застыла под его взглядом? Взглядом, в котором черное пламя мешалось с танцующими всполохами искр, делая черты его лица резкими, хищными, еще более хищными, чем пару мгновений назад.

— Что? — он приблизился и остановился в каких-то миллиметрах, настолько близко, что неосторожный глубокий вздох мог заставить мою грудь соприкоснуться с его. — Слишком для тебя? Есть еще один вариант.

Ладонь иртехана легла мне на шею, с нажимом спустилась на спину, потом — еще ниже. Меня трясло от самой его близости, не говоря уже о том, что произошло, когда пальцы скользнули между моих ягодиц, вдавив ткань юбки между полушариями. Я с шумом втянула воздух, осознав, что он имел в виду, а пламя его глаз словно врезалось в меня, проникая под кожу, растекаясь болезненно-чувственным спазмом внизу живота, наполняя каждую клеточку тела иррациональным желанием чувствовать эти прикосновения на обнаженной коже. Я едва удержала готовый вот-вот сорваться с губ стон, проглотив выдох, и в ответ на него черного пламени стало больше, а искры погасли.

Пальцы с силой скользнули между моих ягодиц. Вверх-вниз. И снова.

Меня сейчас поймеют.

Просто и беззастенчиво, как одну из проходных девочек, которых у него, должно быть, сотни.

Осознание этого заставило дернуться, рывком шарахнуться назад, но вместо того, чтобы отпустить, он сильнее вдавил меня в себя.

— Любишь играть, Аврора?

— Я не играю, — уперлась ладонями ему в грудь.

— Исключительно поэтому ты пришла сегодня сюда. Что ты собиралась мне предложить? — насмешка в его глазах хлестнула наотмашь. — Свой... профессионализм?

Последнее прозвучало как пощечина. Что-что, а словесные пощечины он умел раздавать.

— Я уже сказала, зачем я к вам пришла. Не моя беда, если женщины, которые вам встречались, не смогли донести до вас мысль, что их присутствие рядом с вами — не всегда для того, чтобы раздвинуть перед вами ноги!

Его взгляд полыхнул так, что перед глазами посыпались искры.

— Я не из тех, кто дважды предлагает выбор, Аврора.

Никогда не думала, что черное пламя может быть настолько ярким и дурманящим: разум напоминал оплывшее от жары масло. Меня вело настолько сильно, что впору реально падать к его ногам, и я ведь упаду, если ничего не сделаю. Его сила просто отравит меня, вольется в кровь сначала через взгляд, а после — через проникновение. Которое не заставит себя ждать! Вайдхэн вдавил пальцы между ягодицами, а я сжала губы и от души пнула его между ног с боевым кличем:

— Бездарн Гадхэн!

Не знаю, что сработало больше, но судя по тому, как он пошатнулся, ухватившись за стол с крайне изумленным выражением лица — словно я открыла ему Аронгару, Ферверн и все остальные страны заодно вместе взятые, сработало все. Я же схватила сумку и вылетела из переговорной (он даже дверь не потрудился закрыть) мимо ошалевших вальцгардов, в сторону лифтов.

Меня поймают и убьют, — мелькнула мысль.

Или посадят.

Или сначала посадят, а потом убьют.

Все эти мысли обрушились как-то разом и устроили в моей голове переворот, из-за чего мыслить связно не получалось никак. Хотя возможно, мыслить связно не получалось из-за того, что меня по-

прежнему трясло, подбрасывало, обжигало его прикосновениями, все еще опаляющими кожу, как десятки клеймящих тавро.

— Риам, вам наверх или вниз? — поинтересовался один из охранников, когда я подлетела к лифту.

— Не разговаривайте со мной. А то вас тоже уволят.

Под совершенно ошалевшим взглядом мужчины, я ткнула в панель вызова лифта, и тот на мою радость откликнулся сразу же. Я шагнула в него, как шагают в пропасть, увидела в зеркале свое белоснежное, как пустоши Ферверна, лицо. Потом — лицо охранника, который заглядывал в лифт, словно ожидал вместе со мной увидеть там банду террористов, а после — как в замедленной съемке аронгарского блокбастера разворачивался к коридору, словно предполагал, что за мной будет погоня. Честно говоря, я тоже предполагала, но погони не было.

Поэтому когда лифт сделал «щелк» и ухнул вниз, я вцепилась в металлические поручни, не поворачиваясь. Так и стояла, сжимая пальцы на круглых перилах, спиной сливаясь с зеркалом, пока двери не открылись на первом этаже. Я прошла через турникеты на автопилоте, так же на автопилоте сдала пропуск — тот, который должна была сдать после собеседования у Лизы. Все это время я частично находилась в шоке, частично предполагала, что сейчас за мной выскочит армия вальцгардов, возьмет в кольцо, и я никогда не увижу Лара.

Вальцгарды не выскочили, а вот я — выскочила. За огромные стеклянные двери Ровермарка, с наслаждением вдыхая осенний воздух, жадно глотая его, как в первый и в последний раз. Как я умудрилась быть бледной — при том, что внутри все горело и полыхало, загадка моего организма. Тем не менее, когда я упала на заднее сиденье заказного флайса (сил тащиться на аэроэкспресс у меня сейчас не было), водитель сочувственно покосился на меня:

— Риам, вам водички бы. Хотите? У меня сейчас есть. Не открытая.

— Спасибо, — я с искренней благодарностью приняла бутылочку, отвинтила крышку и сделала несколько жадных глотков.

— Что случилось-то? — участливо поинтересовался мужчина, направляя флайс к воздушному рукаву. — Дела рабочие?

— Нет. Я с собеседования.

— А-а-а, ну говорю же. Дела рабочие, — водитель улыбнулся через зеркало заднего вида. — Не напрягайтесь, женщинам вредно. И работать тоже вредно. Был бы я вашим мужем, посадил бы дома и цветы дарил. Вы замужем, кстати?

— Да, — быстро соврала я, потому что поняла, что флирт с водителем моя нервная система уже не выдержит.

Некстати вспомнился анекдот: берегите мои нервные клетки, в них сидят мои нервные драконы. Не знаю насчет нервных клеток, но один очень злой дракон сейчас сидит в Ровермарке. Точнее, их там много. Драконов. Но этот злой. Очень злой. На меня.

Водитель, выяснив мое семейное положение, потерял ко мне всякий интерес, я же, всосав воду до последней капельки, смотрела на проносящиеся за окном пейзажи Раграна, которые сейчас просто смазывались перед глазами в сплошную картину экспериментирующего со стилем художника. К себе на этаж почти взлетела, обнаружила, что Лара, Кати и Зои нет — значит, пошли гулять. Сразу за соседним домом располагалась детская площадка, а больше тут с детьми гулять было особо и негде, ближайший парк в четырех кварталах. Поэтому, сбросив сумку, я взяла с собой телефон и ключи и направилась туда.

В такое время там уже было много нянь и родителей с детишками, но своих я увидела сразу. На любимых Кати и Ларом сеточных качелях, которые установили полгода назад. Собственно, эту площадку здесь тоже обустроили полгода назад, новую — с турниками и лесенками, песчаными коридорами, классными горками, мягким покрытием, чтобы детям было не опасно бегать.

Я как раз направлялась к своим, когда мужчина, стоявший рядом с ними, убрал телефон в карман пальто и повернулся. Сначала я подумала, что он с девочкой, которая каталась на соседней «сетке», но сейчас в меня словно дракон врезался. Потому что рядом с Зои и Кати, рядом с моим сыном стоял Карид.

Глава 6

Сердце подскочило к горлу и забилось с утроенной силой. Все мысли о случившемся в Ровермарке высыпались из головы, как ненужный хлам, я в несколько шагов или, правильнее будет сказать, драконьих прыжков преодолела разделяющее нас расстояние. Первой

меня увидела Зои, заметив ее взгляд, развернулся Карид, а следом — мой малыш.

— Ма-ам! — столько счастья было в этом крике, столько радости. Лар спрыгнул с качелей, чудом не запнувшись, бросился ко мне, глаза его сверкали. — Мам, папа вернулся! Он снова хочет с нами дружить!

Я опустилась рядом с сыном, обняла. Совершенно некстати зацепившись за мысль о том, что Лар отлично выговорил оба «р», с первого раза, а еще о том, как горели его глаза. Честно говоря, я не думала, что он помнит. Когда Лар научился понимать, что к чему, когда он узнал, что у Кати есть Зои (мама) и Даг (папа), он спросил меня, где его папа. Мой сын вообще выросл очень быстро, но я ожидала такого вопроса значительно позже, и, может быть, именно поэтому рассказала правду. Ну как правду... детскую ее версию. Сказала, что мы с папой дружили, а теперь больше не дружим.

— Почему? — спросил Лар.

— Ну ты же тоже не хочешь дружить со всеми ребятами на площадке.

— Но я дфуфу с Кати! Я всефда буфу с ней дфужить!

На тот момент «дфуфу» выглядело так, что он не отходил от ее коляски, таскал ее куклу, когда она ее выбрасывала и смешил, когда Кати начинала плакать. Поэтому мне достаточно сложно было объяснить, почему мы с его папой больше не дружим.

— Да, но это ты. Твой папа другой.

— Он перефтал ф тобой дфужить? Или ты ф ним?

— Мы вместе, драконенок.

Лар вздохнул. Он все равно не понимал, а я рассчитывала, что, когда он повзрослеет, у меня будет шанс объяснить ему все гораздо лучше, но Карид решил иначе. Я перехватила виноватый взгляд Зои и поднялась, подхватив сына на руки. Удерживая его так, будто Карид собирался забрать. А он и собирался, причем даже сейчас — шагнул ко мне со словами:

— Позволь мне, Аврора. Тебе, наверное, тяжело.

Я подавила желание отступить. Мы столько не виделись, но сейчас на меня будто разом обрушились воспоминания: и хорошие, и плохие — все, начиная от первого свидания, прогулок по парку, по улицам Мериужа, первой и единственной жаркой ночи и заканчивая моими новостями о том, что Карид станет отцом. И его ответом.

— Мне нормально, — жестко произнесла я. — Ты что-то хотел?

— Познакомиться с сыном. И поговорить с тобой.

Я глубоко вздохнула. Карида умел быть обаятельным, кому как не мне это знать. Для начала — лархаррские корни, отметившиеся в его внешности колоритной мужской красотой. Густые вьющиеся темные волосы, сейчас аккуратно зачесанные назад, карие глаза, нос с горбинкой, резкий волевой подбородок и пухлые, резко очерченные губы. Да, он был красив, и когда-то он был для меня самым красивым мужчиной на свете. Единственным.

— Поговорим? — повторил он, улыбнувшись.

Раньше эта улыбка могла войти в мое сердце подобно лазерному лучу и разогреть до температуры кипения, но сейчас я с трудом удержалась, чтобы не поморщиться.

— Лар, драконенок, побудь немного с Кати и Зои, — попросила я, возвращая сына на качели. — Мне нужно поговорить с твоим папой.

— Конечно! — сын просиял. — Но мы же будем снова дружить?

Драконы, он заговорил при нем. Он увидел отца и заговорил так четко, как некоторые дети и после пяти не разговаривают. Я глубоко вздохнула, коснулась ладони Зои и кивнула Карида:

— Пойдем.

Мы прошли совсем немного, вдоль горок, где с визгом носились дети, то пролезая под ними, то скатываясь вниз, падая в надувное облако. Я хотела вцепиться в Карида, в лацканы его идеального пальто, вытолкать с площадки, увести как можно дальше от сына, но сейчас, остановившись под свободным зонтиком-грибком, опустила на скамеечку и кивнула ему.

— Говори.

— Не ожидал от тебя такого благоразумия, Аврора. Но меня это определенно радует, — он сел рядом со мной, облокотился о спинку скамейки и развернулся ко мне вполоборота.

— Говори, — повторила я.

Улыбка сбежала с его лица.

— Что ж, я хотел сказать, что мы неправильно начали. Точно так же, как в прошлом. Мы оба наделали много глупостей...

— За себя, — перебила я.

Он поморщился, но все-таки продолжил.

— Мы предохранялись, и я не ожидал, что так скоро стану отцом. Поэтомуотреагировал так, какотреагировал. У меня было время понять, что я совершил ошибку, именно поэтому я сейчас хочу все вернуть.

Я приподняла брови.

— Что — все?

— Я женюсь на тебе, Аврора.

Если бы сейчас на площадке в драконьем виде появился сам Вайдхэн и сожрал моего бывшего с потрохами я, наверное, и то удивилась бы меньше. Сейчас же меняхватило только на то, чтобы на него вытаращиться, потому что дар речи меня оставил. Покинул. Улетучился к наблам пещерным.

— Я не подумал об этом сразу, — воодушевленный моим молчанием, продолжал Карид. — Потому что думал, что ты меня не простишь. Если честно, я вообще сходил с ума, особенно когда ты отказалась отдать мне Лара, поэтому...

— Стой! — я все-таки нашла в себе первое слово и вскинула руку. — То есть ты мне сейчас говоришь, что твои угрозы про суд были просто угрозами, а на самом деле ты давно хочешь меня вернуть, просто был не уверен, что я тебя прощу?

— Да! — Карид воскликнул это чересчур громко, получилось достаточно драматично. — Но я хочу, чтобы мы были семьей. Настоящей семьей, Аврора. Поэтому я пришел сделать тебе предложение.

Он достал из кармана пальто коробочку, щелкнул крышечкой и показал кольцо. Симпатичное такое, с камушком. Но нужно быть совсем идиоткой, чтобы поверить в тот бред, который Карид сейчас нес. Нет, дело даже не в его отвратительных актерских способностях, а, скорее в том, что я видела этого мужчину насквозь. Его и его фальшь, которую не заметить мог разве что Лар. Вот именно за это, за радостный блеск в глазах сына мне сейчас захотелось этого гада придушить.

— Ты выйдешь за меня?

— Выйдешь ты, — холодно сказала я, с трудом сдерживая клокочущую внутри ярость. — С этой площадки. Из моей жизни. Из жизни моего сына. Я понимаю, что этот широкий жест тебе посоветовали адвокаты, но мне плевать. Мне. Но не ему. Какой нужно

быть тварью, Карид? Какой нужно быть тварью, чтобы подарить надежду маленькому ребенку, а потом просто ее разбить вдребезги?!

В его глазах полыхнула злоба. Вот это уже было больше похоже на правду, равно как и щелчок захлопнувшейся коробочки с кольцом, и его раздутые ноздри.

— Разбиваешь ее именно ты, — процедил он. — Именно ты отказываешься от протянутой тебе руки. От возможности стать семьей. Да, это мне посоветовали адвокаты, ты права, но какая тебе к наблам разница?

Я прикрыла глаза.

— Выйдешь за меня, получишь возможность быть со своим сыном. Разве ты не этого хочешь? Да я и пальцем к тебе не притронусь, не переживай. Мне хватает женщин. А ты будешь нянчиться, будешь носиться с ним — все, как ты хочешь. В деньгах не будешь нуждаться, все у тебя будет. Что тебе еще нужно?!

Хорошо, что я весь свой запал вложила в Вайдхэна.

Наверное. Потому что сейчас, открыв глаза, лишь отчетливо произнесла:

— Поднимайся с этой скамейки и убирайся.

Не представляю, каким образом, но его загорелое лицо пошло красными пятнами, а ноздри раздулись еще сильнее. Он вскочил, полы пальто разошлись, и Карид резко запахнул их обратно.

— Я предлагал тебе решить все по-хорошему, Аврора. Предлагал! И для него, и для тебя. Теперь жди вызова в суд и считай последние дни рядом с этим мальчишкой!

Теперь взвилась уже я, но ответила на удивление спокойно:

— Этот мальчишка — твой сын. Научись хотя бы думать так, прежде чем заикаться про отцовство. Еще раз приблизишься к нему до суда — я лично тебя кастрирую. Понял?

Красные пятна сквозь загорелую кожу проступили еще ярче, а я развернулась и направилась к Зои и детям. Сейчас мне как никогда нужно было обнять сына.

Глава 6.2

— Подруга, я вообще очешуела, когда он тут нарисовался, — шепнула Зои, стоило мне подойти. Так, что слышала только я, но ответить не успела.

— Мам! А папа уже ушел?

— Уже ушел, драконенок.

— Но он фе вефнется? Вефнется? Пфавда?

Я посмотрела сыну в глаза, в которых теплилась такая надежда, этот немой вопрос, что мне захотелось догнать Карида и придушить его на самом деле.

— Лар! Кати! Хотите замороженный крем?

— Да-а-а-а-а! — завопил мой сын так, что я чуть не оглохла.

— Тогда живенько собираемся, — Зои подхватила Кати на руки, — и идем в магазин. А то скоро похолодает, и будет нам всем не до замороженного крема.

Я дала сыну руку, пока Зои усаживала дочь в коляску. Прошептала одними губами:

— Спасибо.

— Нзчт, — так же еле слышно ответила та. Видно было, что ей тоже не по себе.

Мы вырулили на улицу с площадки довольно быстро, и Лар задрал голову.

— Зои! А мона мне повезти Кати?

— Чуть подрастешь — будет можно.

— Но она тоже подфастет. И ей уже будет не нуфна колявка. Как мне.

Зои фыркнула:

— Найдешь себе другие занятия, что сделать для Кати.

— Тогда я так пойду, — Лар вытащил ладошку из моей руки, положил пальчики на поручень и повернулся к Кати. — Дафай я тебя укфою, фтобы ты не мефла.

Пледик всегда лежал внизу и сейчас мой сын с самым серьезным видом вытащил его и закутал дочку подруги.

— Это точно сын Карида? — хмыкнула Зои по-прежнему еле слышно, но тут же коснулась ладонью моего бедра. — Шутка дерьмо. Прости. Я просто...

— Да я все понимаю, — сказала я, глядя прямо перед собой.

Несмотря на то, что наш район был достаточно удален от центра, на улице уже собирались пробки, преимущественно из флайри. Флайсам все-таки проще, за счет более мощной аэроподушки они могут подниматься на огромную высоту, а благодаря разным уровням

аэромагистралей удастся разгрузить транспортные потоки. Относительно, конечно.

После того, как Вайдхэн пришел к власти, начались работы по созданию новых аэромагистралей по инновационной программе, которая вскоре будет запущена и уже существенно разгрузит потоки над центром и не только. Вообще эта программа предусматривает полностью перезапустить транспорт в Мериуже, я видела проект в сети и по визору. Это система концентрических колец, сквозь которые проходят лучи — учитывая, как построен наш город, странно, что никто раньше до этого не додумался.

— Виафчик!!!

Я чуть не подпрыгнула от крика сына, а Лар уже вовсю смотрел на женщину, которая вела на поводке виара. Виары — это карликовые драконы, их частично одомашнили еще в древности, когда люди жили под землей. Тогда зверей использовали для перевозки грузов по подземным путям и всяких поездок. Впоследствии, когда выживание уже не было первоочередной задачей, начали выводить разные породы виаров. Сейчас их насчитывается больше сотни, у меня отец увлекался и даже одно время хотел завести себе мини-дракончика. Но в современном мире все строже: во-первых, людям в Рагране нужно получить специальное разрешение, что им хватает площади для содержания такого зверя. Конечно, виары — не драконы, но размеры у них приличные, когда встанут на задние лапы, ростом метра полтора, а размах крыльев еще больше. Второе требование — кристаллы. Эти кристаллы подавляют животную часть виара, делая его послушным и ласковым, напрочь заглушая в нем генетически заложенную драконью суть.

— Мам, мам, мам! — Лар закрутился на месте, даже выпустил поручень коляски Кати. — Погладить мона?

— Во-первых, спрашивать надо не у меня. А во-вторых...

— Тетя, мона я его поглафу? — Лар подскочил к зверю раньше, чем я успела вздохнуть.

Зверь был крупный, судя по всему, самец, он успел только повернуться к моему сыну, как я уже оказалась рядом.

— Не приставай к людям, Лар.

— Да ничего. Пусть погладит, — женщина улыбнулась. — Он у меня совсем ручной, риа, не волнуйтесь. Рокс, сидеть.

Рокс плюхнулся на попу и завирчал. Вирчание виара — это такой глухой звук, напоминающий урчание, а сам зверь будто бы начинает вибрировать. Хохолок виара, шерсть на макушке, раскрылась цветочком, когда мой сын положил ему на голову ладошку и осторожно погладил.

— Холосий. Ты такой холосий!

Заметив интерес Лара, Кати захныкала и тоже потянула к виару руки. Тут уже нервы сдали у Зои:

— Все, ребята, пойдем. А то замороженный крем закончится.

Лар с большим сожалением оторвался от виара, даже помахал ему на прощание:

— Пока, Фокс! Мам, а мы заведем такого же?

— Когда ты вырастешь и научишься правильно говорить.

— Пофему?

— Потому что это будет твой виар, ты будешь нести за него ответственность. И сможешь громко и правильно выговаривать его имя, чтобы позвать, если он далеко убежит.

— Хофошо! Тогда я буду фасти быстфее! — выпалил мой сын, насупился и добавил: — Хо-ро-шо! Рас-ти! Бысф... быст-рее!

— Главное — стимул, — фыркнула Зои, но тут же стала серьезной. — Не знаю. Я все равно этих зверюг побаиваюсь. Как ни крути, у них в мозгах все равно дикие предки.

— Ты же слышала про кристаллы?

— Слышать-то слышала, но все равно. Это как щиты отключить и пустить драконов в города. Только в меньших масштабах.

Не так давно, несколько лет назад, действительно был поднят такой вопрос. Все началось с Аронгары, когда выяснилось, что старые технологии причиняют драконам боль из-за усиливающейся по всему миру силы иртханов — и выдавливают их все дальше в пустоши, сокращая ареал обитания. В связи с этим Председатель Совета Аронгары, Рэйнар Халлоран внес предложение об отключении щитов, и Аронгара стала первой страной, где это произошло. Чуть позже ее поддержали Ферверн и Фиян.

Драконы редко заходят в города, но иногда заходят. Что касается Раграна, здесь благодаря особенностям Вайдхэна появились какие-то новые технологии щитов, не требующие их отключения, поскольку боли драконам они не причиняют. Что это за технологии и как они

работают, разумеется, держится в строжайшем секрете. Вообще все, что касается Вайдхэна — с его приходом к власти — держится в строжайшем секрете, но главный его секрет я сегодня раскрыла.

Тот, что он — безрогий набл!

Сейчас, когда опасность присутствия Карида отступила, вернулось все произошедшее в Ровермарк. Да еще как вернулось! Снова прокатилась иглами черного огня по коже, воспоминаниями вспыхнули на коже печати прикосновений.

— Кстати, о драконах. Я же совсем забыла! — Зои резко развернулась ко мне. — Как все прошло?!

— Замечательно.

— Замечательно?!

— Да, я поняла, что с таким руководством работать не хочу.

— С каким это? — подозрительно прищурилась подруга. — С той начальницей, что ли?

Начальница теперь больше не начальница.

Я подавила желание поежиться и тут поняла, что забыла плащ. Когда я его сняла, где, я не помнила вовсе, но факт оставался фактом. Я без плаща.

В водолазке, юбке и осенних ботиночках. Неудивительно, что я мерзну. В столицу осень приходит достаточно поздно, но ветра здесь такие, что драконы не горюй. Преимущественно потому, что Мериуж не закрыт горами, и щедро продувается ветрами с разных сторон.

А мой плащ остался у Вайдхэна. Потрясающе.

— Ладно, ну их, — Зои махнула рукой, истолковав мое молчание по-своему. — Сейчас купим замороженный крем, и я позвоню Дагу. Пусть наведается в свой отдел кадров, наверняка что-то у них да найдется. «Шеррамел Стар» — хорошее место, можешь мне поверить.

— Даже не сомневаюсь, — ответила автоматически.

Мыслями я сейчас была далека от «Шеррамел Стар» и даже от района, где прожила столько лет, от его узеньких улиц и главного проспекта, над которыми вырастали двенадцати и шестнадцатизэтажные здания привычного для Мериужа образца классической постналетной архитектуры. Потому что меня ждал суд с Каридом, отчаянная борьба за моего сына. И еще самую малость потому, что я сегодня ударила главу нашего правительства между ног.

Глава 7

Адвокат, которого мне предоставило государство, был молоденький. Парень наверняка только-только закончил юридический по крайней мере, именно такие у меня возникли ощущения, когда я вошла. Мы встречались в районной коллегии адвокатов, двенадцатиэтажном здании, в общем кабинете на первом этаже. Стены здесь были выкрашены самой простой краской, которая местами облупилась, а мебель напоминала о доналетных временах.

Сказать, что я была в шоке — значит, ничего не сказать, но, к сожалению, новой работы для меня не нашлось. В «Шеррамел стар» мне могли предложить только вакансию горничной-стажера, с окладом в два раза меньше, чем я получала за разовые выступления. Все остальное пролетело мимо, как драконы над Мериужем, либо вакансии не нравились мне, либо их не устраивала я. Поэтому позволить себе оплатить услуги адвоката я не могла: для того, чтобы предоставить в суде свою состоятельность и доказать то, что я могу обеспечивать сына, мне требовалось предъявить состояние счета. Если я сниму оттуда все деньги, адвокат мне уже вряд ли поможет.

— Риам Этроу? — парень поднялся навстречу мне, и несколько человек за соседними столами тоже подняли головы. — Не стойте, проходите, нам с вами надо многое обсудить.

Если бы у меня была возможность, я бы сбежала отсюда и захлопнула дверь, но сейчас это был мой единственный шанс. Этот невысокий худенький молодой человек в очках — мой единственный шанс. И последний. Когда я поняла, что суд станет реальностью? Точнее, когда окончательно это осознала? Наверное, несколько дней назад, когда на моем аккаунте электронного государственного портала высветилась повестка. Это случилось на следующий день после нашего разговора с Каридом, Зои, узнав об этом, ругалась по телефону так, что я даже вышла из комнаты Лара, потому что у моего старенького «Докса» фонил динамик.

— Надо было что-нибудь такое учудить вчера! — бушевала она. — Спровоцировать его, чтобы он показал свою истинную натуру! На глазах у всех, прямо на детской площадке!

Я тогда слушала ее и понимала, что даже если бы мы учудили что-то, это бы произошло на глазах у Ларрета. Который был счастлив от того, что к нему пришел отец. Он спрашивал меня о нем уже несколько раз, а я впервые не представляла, что ответить — не представляла,

потому что говорить сыну о том, что его отец, внезапно объявившись, хочет нас разлучить...

Что я уже только не передумала за это время. О том, что надо было соглашаться на его предложение — Карид, разумеется, тот еще гад, но я бы не стала его женой по-настоящему, я бы просто была рядом с сыном. О том, что адреналиновая буря после встречи с Вайдхэном заставила меня совершить непоправимую ошибку. О том, что я все еще могу ему позвонить и предложить отменить суд. Остановливало меня только одно: Лар Кариду не нужен. Ему нужна ширма семейного благополучия, которая станет обузой, как только он получит желаемое.

И что за жизнь тогда будет у моего сына? Мать с отцом, которые вообще не общаются, но главное — что будет, когда Лар поймет, что не нужен, никогда не был и никогда не будет нужен своему отцу? Мне даже сейчас больно было об этом думать, и это возвращало мне уверенность в том, что я правильно поступила.

Я. Правильно. Поступила.

Все остальное — неважно. Выкрутимся, Аврора. И не из такого выкручивались.

— Проходите, — повторил адвокат. — Плащ можете повесить в шкаф.

Плащ мне привезли на следующий день. Еще до того, как пришло уведомление о суде, незнакомый представительный мужчина в костюме просто позвонил в домофон, когда я кормила Лара завтраком, и показал плотный бумажный пакет с логотипом Ровермарка: символическое изображение высоты-дракона с расправленными крыльями.

— Добрый день, риам Этроу. Это ваше.

Это было все, что он сказал, а после того, как пакет с плащом оказался в моих руках, развернулся и направился к лифтам. Я закрыла дверь и опустила на тумбочку в прихожей вместе с пакетом. К сожалению (или к счастью) долго поразмышлять над возвращением плаща и отсутствием обвинений со стороны Вайдхэна мне не удалось. Спустя десять минут, когда я мыла посуду, пикинул смартфон и пришло то самое злосчастное уведомление, после чего мне стало не до Ровермарка, черного пламени и всех драконов этого мира, вместе взятых, во главе с Вайдхэном.

— Добрый день, — я прошла к адвокатскому столу и расположилась на стуле, который жалобно скрипнул. Рабочее место назначенного мне социального защитника находилось у глубокого окна старого образца, с рамой, которая открывается вовнутрь. За ним тускнел пасмурный осенний день, стремительно наливаясь густотой синевы.

— Что ж, рад знакомству. Меня зовут Доминик Чожмак, и я буду вашим защитником.

— Рада знакомству, риамер Чожмак.

— Взаимно. Я изучил материалы вашего дела. Предварительно ознакомился с ними, так сказать, — он близоруко сощурился, уставившись в старенький монитор, который стоял перед ним. Здесь новыми технологиями и не пахло, отовсюду протянулись провода, и я в них чуть не запуталась, когда попыталась устроиться поудобнее. — Я буду строить вашу защиту, исходя из того, что отец изначально не просто отказался от ребенка, он требовал от вас аборт. Это верно?

— Верно. — Говорить об этом с незнакомым мужчиной было странно, но в данном случае другого выхода не было. Тем более что я сама предварительно заполняла конфиденциальную анкету для изучения социальными работниками и адвокатом. Все эти материалы уже были у него, так что Ферверн я ему не открыла.

— Хорошо. Прежде чем мы с вами перейдем к деталям и рекомендациям, я бы хотел познакомиться с вами лучше. Расскажите, как проходит ваш день. Сколько времени вы проводите с сыном, как строится ваш рабочий процесс?

— Что вас интересует?

— Все. Любая деталь может оказаться важной.

Я кивнула.

— Утро, день и первую половину вечера я всегда провожу с сыном.

— Так, — мужчина поправил очки.

— С утра мы обычно гуляем или, если на улице неуютно, играем или читаем дома. Иногда ездим в супермаркет или торговый центр, но чаще я заказываю доставку. После обеда Лар спит, а я занимаюсь домашними делами, когда мы просыпаемся... — Я тут же поправилась: — Когда он просыпается, мы смотрим мультики и перекусываем чем-нибудь полезным. Летом чаще всего опять идем

гулять, осенью переходим к развивающим играм и учим буквы. Потом — ужин, и если я остаюсь дома, то это опять совместные игры, если еду работать, то отвожу Лара к друзьям. У них всегда дома либо Даг, либо Зои...

— Даг и Зои. Они женаты?

— Да. У них тоже маленькая дочь, Кати.

— Они согласны выступать в качестве свидетелей?

— Да. Да, разумеется.

Когда Зои сказала, что придет в суд с банкой мочи, чтобы полить Карида, я, конечно, посмеялась, но попросила ее обойтись без столь радикальных мер. На что подруга ответила, что радикальных мер она мне еще не предлагала, а после опять ругалась полвечера и очень расстраивалась, что не может одолжить мне денег на нормального адвоката, потому что они все вбухали в ипотеку. Могла бы и не объяснять, я знала эту историю, в свою квартиру они переехали только перед рождением Кати, до этого, как и я, жили на съемной.

— Кто еще согласен выступать в качестве свидетеля на вашей стороне? Отец? Мать?

— С отцом я не общаюсь уже давно. С матерью... все сложно.

— Плохо, что сложно, — Доминик откинулся на спинку стула. — Нет никакой возможности восстановить отношения?

— Нет, — я покачала головой.

— Ладно. Тогда дальше. Вы сказали, что, когда не работаете, вечера проводите с сыном. Никаких разовых свиданий? Может быть, парень или постоянный любовник?

Я приподняла брови:

— Вы предполагаете, что я привожу любовников в дом, где у меня двухлетний сын?

— Нет, я предполагаю, что такая красивая женщина должна встречаться с мужчинами. В этом нет ничего страшного, Аврора, если вы еще какие-то вечера проводите с мужчинами. Вы же все равно оставляете сына у друзей.

— В этом, возможно, и нет ничего страшного, но у меня нет ни парней, ни любовников, ни свиданий. Это правда, и это легко проверить. Если вы захотите.

— Окей, окей, — Доминик поднял руки вверх. — Я не буду ничего проверять. Просто мне нужно владеть информацией в полной

мере, и мне сейчас это кажется очень странным.

Зои тоже так говорила. Говорила, что мне надо вылезать из панциря, начинать ходить на свидания, но я не чувствовала в себе ни сил, ни желания. Иногда мне казалось, что я вообще больше никогда не посмотрю ни на одного мужчину, как на мужчину. Недавно Вайдхэн это мое «казалось» опроверг, он не просто его опроверг, а выжег из меня, одновременно запустив в кровь какой-то токсин драконьего помешательства. Вот стоило даже сейчас о нем подумать, как волоски на коже приподнялись, а в достаточно продуваемом кабинете стало жарко.

— Ваша работа. Как вы работаете?

— Я танцую балет в ресторане. Это не полноценный балет, скорее, эмоциональные сценки на двадцать-тридцать минут в начале вечера и на двадцать-тридцать минут в конце. Сюжетные миниатюры, своеобразная «фишка» заведения, где я работаю.

— У вас оклад? Договор? Официальное трудоустройство?

— Нет, я работаю по договору подряда. Оплата сдельная, за каждое выступление. Но налоги я все плачу, и...

— Здесь большое значение имеет именно официальное трудоустройство, — перебил меня адвокат, поправляя очки. — То есть ваш постоянный заработок. Нам надо доказать, что у вас есть источник постоянного дохода, и вы не окажетесь на улице в любой момент. Вы написали, что пробовали найти дополнительную работу.

— Да.

— Как я понимаю, безуспешно.

— Пока да.

— Ну, времени у нас не так много. Суд уже через неделю.

Глава 7.2

Суд... да, суд назначили через неделю: Карид зря времени не терял. Адвокаты у него наверняка самые лучшие, и снова в голову пришла мысль — что я вообще тут делаю. Здесь, где окна сифонят так, что хочется поплотнее закутаться в плащ, который висит в шкафу и которого наверняка касался Вайдхэн. Стоило об этом подумать, как по телу прошла легкая дрожь, словно от невидимого прикосновения. Скольжения пальцев, сквозь которые текло черное звериное пламя.

Я немедленно выпихнула себя из мыслей в реальность и заставила посмотреть на Доминика в упор. Адвокат смотрел на меня.

— Я сделаю все, что от меня зависит.

— Не сомневаюсь, что сделаете, Аврора. Попробуйте поговорить с вашим настоящим работодателем о том, чтобы заключить постоянный контракт хотя бы на полгода. Это будет гарантия, согласно которой мы сможем подтвердить, что у вас и у вашего сына будут средства к существованию.

Я прикрыла глаза. Начальство, то есть генеральный менеджер ресторана, был категорически против постоянных контрактов с выступающими. Он считал, что все творческие люди начинают сильно звездить, когда у них в руках появляется такой инструмент, а еще он считал, что в нестабильной экономической обстановке (хотя по-моему, с приходом Вайдхэна к власти она как раз наконец-то стабилизировалась) заключать постоянные контракты не стоит.

— Хорошо, — ответила я. — Я поговорю с руководством.

— Вот и чудесно. Еще сейчас появилась такая программа, называется «Социальная няня». Я предлагаю вам воспользоваться ее услугами.

— Социальная няня?

— Да, эта программа рассчитана на малообеспеченные семьи, многодетные семьи, либо на родителей-одиночек, которые не могут себе позволить нанять няню. Услуги няни оплачивает государство, вы получаете возможность немного отдохнуть и заняться собой или дополнительным трудоустройством. Я перешлю контакты центра, который ей занимается, вам на электронную почту.

— Спасибо.

Почему я о ней ничего не слышала? Я ведь активно изучаю соцсети и СМИ на предмет всего, что касается детского развития и образования. Очевидно, программа совсем новая, плюс я на пару недель выпала из реальности — с того дня, как в моей жизни снова появился Карид.

— И еще. Кое-что я вам уже отправил, еще до нашей встречи, — Доминик посмотрел на меня поверх очков. — Вы получили форму для прохождения анализов?

— Что?!

Почту я сегодня не проверяла, но сейчас вытащила смартфон и, через его ругань на не желающую обновляться операционку, все-таки

зашла в свой почтовый ящик, где действительно обнаружила медицинскую карту.

— Я прохожу ежегодные обследования, у Лара с этим тоже все в порядке, — вскинула недоумевающий взгляд на адвоката.

— Просто посмотрите, что я вам прислал, риам Этроу. Чтобы потом у вас не возникало вопросов.

Я снова опустила взгляд на электронную форму, кликнула, увеличила, и к моему лицу стремительно прилила кровь.

— Тест на алкогольную зависимость? На запрещенные препараты?

Доминик остался невозмутим.

— Вы считаете, что я таким увлекаюсь?!

— Что считаю я, совершенно неважно. Важно, на что будут давить юристы отца ребенка, а главное — во что поверит судья.

— Но...

— Вы хотите, чтобы сын остался с вами?

Взгляд адвоката стал жестким, и я сдалась. Или сдулась, не представляю, что будет наиболее точным определением в сложившихся обстоятельствах.

— Да. Разумеется.

— Тогда сделайте эти анализы, риам Этроу. Желательно, не позднее чем за два дня до суда, и пришлите их мне, чтобы я мог проверить, что все заполнено правильно.

Я кивнула.

— У вас остались какие-то вопросы?

Я покачала головой.

— В таком случае, рад был знакомству. Если мне понадобятся какие-то дополнительные материалы по делу, я с вами свяжусь. Если у вас будут вопросы, звоните мне в любое время.

Доминик поднялся, и я поднялась следом. Попрощавшись, направилась к шкафу, но он меня догнал.

— Позвольте вам помочь.

Шкаф здесь тоже был старого образца, даже без электронной панели доступа, открывающей и закрывающей дверь. Я не ожидала от Доминика такого жеста, поэтому, когда адвокат накинул плащ мне на плечи, снова обернулась к нему.

— Вы же не позволите им забрать моего сына? — получилось очень тихо. Очень-очень тихо, хотя нарочно я голос не понижала.

Доминик серьезно посмотрел на меня:

— Сделаю все, что в моих силах, риам Этроу.

Больше нам, по сути, говорить было не о чем, поэтому я вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь. На улице начинал накрапывать дождик, и я ускорила шаг, чтобы как можно быстрее нырнуть в подземку: зонтик я с собой не взяла. Смартфон пиликнул, когда я спускалась по ступенькам подземного перехода, показав новое сообщение от адвоката.

«Социальная няня», — гласила тема письма.

В самой подземке сети почти не было, поэтому я остановилась, чтобы посмотреть контакты и данные, которые прислал Доминик. Открыла сайт — он оказался очень красивым и на редкость современным для государственной организации. Я пока что не представляла, что смогу надолго оставлять Лара с какой-то незнакомой женщиной, но заявку все-таки оставила, заполнив короткую форму обратной связи. В любом случае, встретиться и поговорить, особенно в сложившихся обстоятельствах, точно не помешает. Если я смогу предъявить на суде, что у меня есть такая возможность, да даже тот факт, что я в курсе инновационной государственной семейной программы, уже говорит в мою пользу сам по себе.

С этой мыслью я сунула смартфон в сумку и вскинула голову, почувствовав на себе чей-то взгляд. До того, чтобы проскочить час пик у меня оставалось буквально полчаса, но людей все равно было много и определить смотревшего на меня не представлялось возможности — в открытую на меня никто не пялился, все спешили по своим делам. Пожав плечами, я тоже развернулась и направилась к турникетам, на ходу доставая карточку-универсальный проездной. Может, кто-то просто принял за знакомую, но потом ошибся, такое бывает.

В подземке на этой станции все стены были расписаны граффити, я засмотрелась на одну из них: красивого, раскинувшего крылья дракона на затертом временем кафеле стен, поэтому не сразу услышала шум поезда, отвлеклась. А когда услышала, вся толпа уже хлынула к дверям, и в меня чуть не врезался грубоватый парень с ирокезом, выкрашенным в разные цветы. Врезался бы, если бы на его пути не оказалась скала мужчины в деловом костюме, из тех, кто обычно

спускается в подземку исключительно для того, чтобы не торчать в пробках из-за флайри.

— Спасибо, — поблагодарила я, когда он жестко оттеснил в сторону всех, кто мешал мне зайти в поезд.

Мужчина ничего не ответил, а сам он зашел чуть ли не последним, поэтому сразу затерялся в хорошо набившемся вагоне. Я еще немного повытягивала шею, чтобы посмотреть, где он стоит, а потом достала футляр с наушниками, сунула потертые «капельки» в уши и включила любимый плейлист.

Глава 8

В утро перед судом я опрокинула на себя кофеварку. Едва не ошпарившись, еле успела отскочить в сторону, хотя подобные «неприятности» в последнюю неделю со мной случались чуть ли не каждый день. Вчера я чуть не оттяпала себе полпальца, когда готовила еду (спас только новенький маникюр), а позавчера споткнулась о брошенного Ларом посреди кухни игрушечного дракончика и почти улетела носом в полку с посудой. Впрочем, в этом ничего удивительного не было: все мои мысли были уже в суде, и чем ближе становился этот день, тем больше они там были.

— Аврора! — Ния всплеснула руками, заходя на кухню. — Давай я помогу убрать.

Ния оказалась той самой «социальной няней», миловидной фиянкой сорока пяти лет: раскосые глаза и темные густые волосы, широкое доброе лицо и искренняя, ослепительная улыбка. Она сама вырастила троих детей и работала уже в нескольких семьях, о чем говорили рекомендации, которые она мне показала. Но рекомендации для меня не играли роли, Ния мне просто понравилась, а самое главное — она понравилась Ларрету, хотя мой сын очень неохотно шел к незнакомым людям. С ней же у него получилось сразу, ну или у Нии с ним получилось сразу, видимо, сказывался опыт. Потому что Лар, вместо того чтобы угрюмо смотреть на женщину, сразу предъявил игрушечного дракончика и пригласил посмотреть свою комнату. Это меня и подкупило.

Это, а еще то, что мне надо было сдать анализы, надо было привести в порядок руки (сделать наконец маникюр у мастера, а не самостоятельно) и, помимо прочего, продолжать танцевать. Танцевала я, правда, как в тумане, почти не чувствуя тела. Как я не свернула себе

что-нибудь, оставалось под вопросом, особенно после того, как мне отказали в подписании контракта на полгода.

— Мы не делаем исключений, Аврора, — сообщил мне генеральный менеджер, к которому я все-таки пробилась. — С одного исключения начинаются предъявления подобных требований ото всех.

Он смотрел на меня сверху вниз, хотя я стояла, а он развалился в кресле и курил сигару, одновременно просматривая что-то на матированном с моей стороны портативном дисплее — похожий был у Лизы.

— Но я же объяснила вам ситуацию. Мне даже контракт этот не нужен, мне нужно просто предъявить его на суде. Я никому не скажу...

Вот теперь он оторвался от рассматривания дисплея и посмотрел на меня.

— Давай так, Аврора. Вот ты недавно сказала Мельджеру, что у тебя не будет романов и сексуальных связей на работе.

Я открыла рот: Мельджер, управляющий рестораном, действительно ко мне подкатывал, но я сказала то, что сказала. Правда, не представляла, что это дойдет до генерального менеджера. Каким вообще образом это произошло? Они что, меня обсуждали?

— Это к тому, что ты можешь сделать исключение для меня. А я для тебя.

В этот момент я поняла, что контракта у меня не будет.

Зато у меня была лучшая в мире няня!

— Спасибо, — сказала я, когда Ния опустилась рядом со мной с тряпкой. Я подняла кофеварку, а она вытерла образовавшуюся на полу лужу. Что касается вошедшего вслед за ней Лара, он прыгал и кричал:

— Я тоже! Я тоже! Могу! Помочь!

— Ты нам очень поможешь, если сядешь на стульчик, пока мы принесем завтрак. — Ния сполоснула руки, ловко подхватила моего сына и устроила на его стуле, после чего посмотрела на меня. — Не волнуйся, Аврора. Все будет хорошо.

Мне бы ее уверенность! Вообще я всегда предпочитала верить в лучшее, но сейчас, стоило мне подумать о предстоящем, как меня начинало трясти. Доминик Чожмак против драконов Карида! Да они его сожрут и не подавятся. Вместе с моими анализами и благополучно найденной няней. В смысле, информацией о благополучно найденной

няне. Из-за всего этого мне кусок в горло не лез, поэтому я преимущественно смотрела за тем, чтобы поел Лар.

От внимательной Нии это не укрылось, потому что, наклонившись ко мне, она прошептала:

— В моей стране существует поверье, что вера в успех — это девяносто процентов успеха.

— И как? Это срабатывает?

— У меня всегда.

Продолжить мы не успели: раздался звонок в дверь. Я вскочила — это наверняка приехали Даг и Зои! Они оба выступали свидетелями с моей стороны, поэтому Кати предстояло остаться у меня с Ниеей и Ларом. Именно поэтому я сегодня попросила няню приехать пораньше, именно поэтому сейчас подскочила и бросилась к двери как ошпаренная.

Чтобы обнаружить прямо перед своей дверью курьера с огромным букетом белых аррензий.

— Э... — это все, на что меня сейчас хватило.

— Это вам, — курьер протянул мне в руки букет, который по ощущениям весил больше чем я.

— Нет. Нет, вы, наверное, ошиблись.

— Риам Этроу? Риам Аврора Этроу?

— Да. Это я.

— Тогда я определенно не ошибся.

Курьер ослепительно улыбнулся, все-таки сунул мне в руки букет и быстро исчез, оставив меня одну. С цветами. Из-за которых мне почти не было видно собственного дома. Я пяткой закрыла дверь и дотопала на кухню, сгрузив все это обернутое в воздушные слои великолепие на свободную половину стола.

— Ого! — воскликнула Ния.

— Ого! — ей вторил Лар.

Он вообще завел для себя привычку повторять за мной и за всеми, кого слышал. Когда я спросила, зачем он это делает, сын объяснил:

— Я у-чусь пра-виль-но говоф... го-во-рить, чтобы мы быст-рее завели виа-ф... ви-ар-чи-ка!

Такой вот упорный у меня растет сын. При мыслях об этом на глаза навернулись слезы, и я вцепилась в столешницу, силясь выдавить из себя улыбку. Лар моих слез видеть не должен!

— Белый — цвет победы в Рагрране, — заметила Ния, разглядывая цветы. — А в Фияне это цвет успеха, полной гармонии и расцвета, белые цветы дарят на самые знаменательные события. На свадьбы, на юбилеи, на праздники, посвященные успешному запуску проектов. Там есть записка?

— Белый — цф.. цвет по-бе-фы... по-бе-ды...

Пока Лар бормотал, пытаюсь справиться со сложными предложениями, я повернулась: записки там не было. Просто цветы. Вряд ли тот, кто мне их прислал, имел в виду победу или какой-то расцвет. Кто вообще мог мне их прислать? На ум приходил только Карид, но Карид наверняка приложил бы записку — ему крайне важно было, чтобы весь мир знал, что он дарит, а еще — чтобы его за это благодарили десять раз, желательно очень громко и в присутствии всех окружающих. Да и зачем ему дарить мне цветы? Особенно символ победы или расцвета. Перед судом, который он надеется выиграть.

Пока я отвлеклась на цветы, в дверь снова позвонили. На этот раз в домофон.

— Иди, — Ния улыбнулась. — Мы пока едим. А потом и цветами займемся. Да, Лар?

— Да!

Я коснулась панели домофона и сразу открыла входную дверь, дожидаясь, пока поднимется лифт. Друзья хлынули ко мне в прихожую, Зои сразу порывисто обняла, Даг тоже поднял руку, утрамбовывая коляску в удобный закуток и поднимая дочь на руки.

— Ну, как ты? — подруга внимательно вгляделась в мое лицо.

— Все хорошо.

— Точно?

— Точно. Я пойду переодеваться. Лар и Ния на кухне, как раз пока познакомитесь.

Зои очень удивилась, узнав про программу — она тоже отслеживала все такое, но сказала, что раньше не видела ничего подобного, больше того, никто из ее знакомых молодых матерей тоже ничего такого не слышал. Правда, когда Ния ко мне пришла — мне по заявке перезвонили сразу же — все прояснилось. Оказывается, программа была совсем молодая, ей буквально неделя, и стартовала она без особой рекламы и освещения в СМИ, власти предпочли вложиться в оплату работы сотрудников, а не в пиар.

— Хоть что-то хорошее сделали, — буркнула тогда подруга (мы с ней общались по видеосвязи), — ну и адвокат у тебя дельный, раз такое раскопал. И ведь как под тебя специально! Задаст он жару юристам Карида, вот увидишь!

Сейчас, когда я вспомнила эти слова, на сердце сразу стало теплее. Еще теплее стало, когда Зои кивнула Дагу:

— Идите знакомьтесь. Я с Авой.

Она помогла мне заплести красивую «драконью» косу и закрепить ее (чтобы не выбилось ни одной небрежной волосинки), когда я оделась — в строгую деловую, купленную специально для суда блузку и ту же юбку, в которой я ходила в Ровермарк. Пока я делала макияж, Зои развлекала меня рассказами про Кати и делала все, чтобы меня отвлечь. Надо признаться, ей это действительно удалось, и когда мы вышли из комнаты, я уже перестала трястись, как осенний лист на ветру.

У меня хороший адвокат.

У меня отличные свидетели.

Я прекрасная мать.

У меня все получится!

С этими мыслями я вышла из комнаты, с этими мыслями пришла на кухню, чтобы обнять Лара. Разумеется, я не говорила ему о том, куда иду, просто сказала, что у меня сегодня очень важный день.

— Удачи, мамочка! — сын протянул ко мне руки, и я его обняла.

Быстро-быстро, нежно поцеловала в макушку, и так же быстро отстранилась. Из квартиры я тоже выходила быстро, понимая, что все эти прощания могут выбить у меня почву из-под ног и снова заставить сомневаться, а сомнения мне сейчас не нужны. Впереди у меня битва, самая важная битва в моей жизни.

— Держи. Ния просила тебе передать, — Даг протянул мне белый цветок, догнав нас с Зои у лифта. — Сказала: на удачу.

Я взяла цветок в руку — при всей видимой тонкости, у аррензий очень плотные стебли. Согнуть их практически невозможно, только сломать. В каком-то нелепом порыве в голову пришла мысль, что даритель (кем бы он ни был) имел в виду меня, но я тут же с ней распрощалась. Во-первых, мне сейчас не до посланий с цветами от неизвестных, а во-вторых, пусть этот цветок действительно станет символом моей победы, и ничем больше.

Пока мы летели: Даг — водитель, мы с Зои на заднем сиденье, почти не разговаривали. Дорога прошла как в тумане, я как в тумане вошла с друзьями в здание Центрального Мериужского суда, среднеэтажную высотку неподалеку от парка Гран Туа. Все это как после местной анестезии у стоматолога происходило будто не со мной, я даже рукопожатия Доминика почти не почувствовала.

Зато отлично почувствовала удар своего сердца, когда вместе с адвокатом и друзьями шагнула в зал суда.

Глава 9

Мне сразу показалось, что воздух сгустился, стал тяжелым и вязким, как мои ноги. Хотя конечно же, это были всего лишь мои ощущения, потому что в просторном огромном зале суда с окнами в четыре человеческих роста было очень свежо. Я бы даже сказала, холодно. Карид со своим юристом уже был на месте, он обернулся, когда мы вошли, скользнул по мне равнодушным взглядом и вернулся к разговору со своим адвокатом.

Я остановилась. Повернулась к Дагу и Зои.

— У тебя все получится, — сказала подруга. — Мы его уделаем. Вот увидишь.

Даг молча кивнул, сосредоточенно и серьезно, в ответ я просто сильнее сжала стебель цветка и повернулась к Доминику. Сегодня он был одет куда лучше, чем в прошлую нашу встречу, по крайней мере, костюм, в котором он был, ничем не отличался от костюма юриста Карида, мне показалось, что даже очки у него другие. Хотя возможно, мне это просто показалось, я уже в днях недели начала путаться, не то что в очках и костюмах. Туман, окутывающий меня, развеивался только когда я брала Лара на руки, кормила его или играла с ним. Или когда сидела в его комнате, даже после того, как мой сын засыпал.

Только тогда я четко видела цель.

Поэтому сейчас глубоко вздохнула, расправила плечи и шагнула к своему месту. Доминик посторонился, пропуская меня, положил на стол сумку, из которой достал простенький старый ноутбук. Что касается юриста Карида, перед ним стоял самый ультрасовременный дисплей, закрепленный на подставке.

Я едва успела отметить этот факт, когда Карид снова повернулся ко мне:

— Доброе утро, Аврора.

— Доброе утро. — Мне стоило немалых усилий ответить спокойно, но в нашем вчерашнем разговоре Доминик отметил, что мое спокойствие — залог успеха, и что никакие провокации Карида или его юристов не должны стать причиной того, что я хотя бы маломальски выйду из себя.

Со стороны Карида тоже сидели свидетели: темноволосые женщина и мужчина, очень похожие на него. Родители. Я знала, что его родители живут в Лархарре, но ради такого, очевидно, они прилетели в Рагран. Еще одна женщина с чересчур пухлыми губами, светлыми волосами до попы и в строгом наверняка безумно дорогом платье была мне незнакома, несколько мужчин — тоже.

Да, если говорить о свидетелях, у него был явный перевес.

Я снова сжала стебель цветка и заставила себя сделать несколько глубоких вдохов и выдохов. Вовремя: все с шумом начали подниматься, потому что в зал шагнула судья, ее секретарь и полиция, которая во время суда должна была следить за порядком.

— Добрый день, — судья опустилась за массивный стол, установленный на возвышении, и мы все последовали за ней. Секретарь тут же подала ей аналогичный новомодный дисплей и заняла свое место, по правую руку от судьи. По левую стояла отдельная кафедра, куда должны были вызывать нас с Каридом и свидетелей для беседы. — Прошу представителей защиты сторон подойти ко мне.

Доминик поднялся и приблизился к столу судьи, он был ниже юриста Карида по меньшей мере на голову и в плечах раза в два уже (тот, очевидно, любил качаться), но рукопожатие у него оказалось на удивление сильным. Я обратила внимание, как спокойно он встретил ладонь противника, и как спокойно повернулся к судье. Поймала себя на мысли, что он-то ничего не теряет, и тут же прогнала ее.

Возможно, проигрыш дела для него будет не столь фатальным, как для меня, но для карьеры юриста это не самый лучший вариант в любом случае. Да дело даже не в карьере, он действительно собирался биться за моего сына вместе со мной. Почему-то я это чувствовала.

— Первая часть заседания пройдет со стороны истца. Мы слушаем сначала вашу сторону, — она повернулась к юристу Карида. — После — вашу, — на этот раз взгляд судьи уперся в Доминика. — После небольшого перерыва я приму решение. Все

документы и список свидетелей у меня есть. Я правильно понимаю, что у отвечающей стороны нет требования по прохождению теста на отцовство?

— Нет, ваша честь, — ответил Чожмак.

Об этом мы с Домиником тоже говорили, он сказал, что Лара затаскают по анализам, но это ничего существенно не решит. Поскольку его отец Карид, это без вариантов, это будет только лишнее время и нервотрепка для меня и моего сына. Честно говоря, мне бы даже в голову не пришло подвергнуть Лара такому, не говоря уже о том, что я до сих пор не решалась сказать ему правду. Трусила. Он спрашивал, когда папа снова придет, а я отвечала, что пока не знаю, на большее меня не хватало.

— Хорошо. В таком случае, мы начинаем.

— Ваша честь, — юрист Карида взглянул на судью, а после — на меня. — У моего клиента есть предложение по мирному урегулированию ситуации без суда. Мы предлагаем Риама Этроу добровольно признать, что Ларрету будет лучше с отцом и подписать отказ от родительских прав. В этом случае с нашей стороны Риама Этроу будет предложена возможность видеть Ларрета в любое время, без ограничений, что мы, несомненно, тоже отразим в соглашении.

— Нет! — я выдохнула это раньше, чем успела себя остановить.

Судья повернулась ко мне: ей было лет пятьдесят, может быть, пятьдесят пять, ухоженная, со стильными седыми прядями в светлых волосах, стянутых в тугой пучок, она посмотрела на меня очень холодно.

— Риама Этроу, я попрошу вас соблюдать порядок судебного разбирательства и отвечать, только когда вам предоставят слово. Вы можете посоветоваться со своим адвокатом, если есть такая необходимость.

— Прошу прощения, ваша честь, — я произнесла это значительно тише, — больше такое не повторится.

Доминик приблизился и посмотрел мне в глаза. Произнес еле слышно:

— Я сказал не поддаваться на провокации, Аврора? А это они еще не взяли за тебя всерьез.

Я взглянула на Карида: он на меня не смотрел, но ухмылялся, и в целом выглядел чрезвычайно довольным.

— Твоя слабость — твои эмоции, — произнес Доминик одними губами. — Твои чувства к сыну. Они будут на это давить. Ему — все равно.

— Я поняла, — кивнула.

— Точно?

— Точно. Правда. Я не подведу, — я убрала руку с цветком под стол и сжала пальцы так, что ногти впились в стебель. Доминик тем временем снова развернулся к судье.

— Мы отклоняем предложение, ваша честь, — произнес он.

— В таком случае прошу всех занять свои места. Мы начинаем.

Начинали «мы» с Карида. Сначала выслушали его коллег и партнеров, о том, как он успешно построил бизнес с нуля, тот, который сейчас растет и развивается, который приносит стабильно растущий более чем шикарный доход, а также дал множество рабочих мест рагранцам и в целом вносит положительный вклад в экономику страны. Эти свидетели сменяли один другого, их лица сливались у меня перед глазами, я даже не была уверена, что запомнила имена и должности.

Следом пришел черед родителей. Они рассказывали о том, как воспитывали сына в соответствии с лархаррскими семейными ценностями, делая упор именно на семью, на детей, о том, каким внимательным и послушным он был сыном, как всегда помогал им и поддерживал, что он постоянно присылает им деньги и что подарил им красивую двухэтажную квартиру в элитном жилом комплексе Айориджа. Мать Доминик не трогал, а вот когда настал черед отца и когда «вопросы» юриста Карида закончились, поднялся.

— У меня всего один вопрос к свидетелю, ваша честь. В семейные ценности Лархарры заложена рекомендация женщине, которая носит твоего ребенка, делать аборт?

— Протестую! — юрист Карида поднял руку. — Сам по себе вопрос оскорбителен для свидетеля и моего клиента.

— Протест принят. Риамер Чожмак, переформулируйте вопрос.

— Хорошо. Спрошу иначе. Что бы вы почувствовали, когда узнали, что ваш сын предложил женщине, которая носит его ребенка, сделать аборт?

— Протестую! В вопросе по-прежнему много личного.

— Протест принят. Риамер Чожмак, задайте вопрос без переходов на личности.

— Вы знали, что ваш сын предложил риам Этроу сделать аборт?

— Протестую, ваша честь! Это не имеет ни малейшего отношения к делу.

— Протест отклоняется. Свидетель, отвечайте.

Мужчина перевел взгляд с меня на Доминика, потом — на Карида.

— Нет. Нет, я об этом не знал.

— Вы считаете это правильным?

— Протестую, ваша честь. Этот вопрос совершенно некорректен.

— Не вижу в нем ничего некорректного. Свидетель, отвечайте.

— Нет, я не считаю это правильным.

— У меня больше нет вопросов.

Отец Карида вернулся на место, напоследок наградив меня тяжелым взглядом из-под густых кустистых бровей, а после пришла очередь самого Карида. Он прошел к кафедре, поправив лацканы идеального пиджака, опустился на стул и посмотрел на своего адвоката, который приблизился к нему.

— Расскажите, почему вы хотите вернуть и воспитывать сына, риамер дель Рандаргим.

Карид глубоко вздохнул.

— Потому что это естественно! Долгие месяцы я пытался справиться с чувством вины из-за того, о чем говорил защитник риам Этроу. Да, я предлагал Авроре сделать аборт, но исключительно из-за того, что почувствовал себя не готовым к отцовству. Понимал, что не смогу уделять малышу достаточно времени. Столько, сколько должен уделять хороший отец. Зная, что в Рагране аборт не делают, я готов был оплатить ей все самое лучшее в другой стране. Тем не менее сейчас я совсем не горжусь этим. Больше того, я готов просить прощения за то, что предложил, растерявшись.

Доминик выглядел очень скептически, что же касается меня, я вцепилась в цветок. Они основательно подготовились: в Рагране делать аборт запрещено. Именно аборт, как медицинская процедура, но, если женщина делает его в другой стране, это преступлением не считается.

— К сожалению, Аврора не дала мне возможности все исправить. Это ошибка, с которой я живу. Осознавая, что мог никогда не увидеть

личико своего сына. Не узнать, какой он чудесный. Я несколько раз пытался связаться с риам Этроу — как до рождения малыша, так и после, но она всякий раз отказывалась меня выслушать.

Что?!

— Это ложь! — выдохнула я. На этот раз еле слышным шепотом. Доминику.

— Спокойно.

Спокойно? Как я могу оставаться спокойной?! Когда он лжет судье?! Лжет в глаза!

О том, что он мне звонил — этого не было! Этого никогда не было.

Я глубоко вдохнула и выдохнула. Вдохнула и выдохнула. Дыши, Аврора. Дыши. Твое спокойствие — залог успеха.

— Я считал, что у любой женщины, у женщины, которая считает себя матерью, хватит сил признать, что она не способна воспитать сына. Обратиться за помощью, если таковая потребуется. Именно поэтому и из-за чувства вины я не настаивал на встречах с сыном, считая, что у риам Этроу все хорошо. Что у моего сына все хорошо. Но недавно я встретился с сыном и увидел, сколько всего ему не хватает...

— Протестую, ваша честь, — Доминик поднял руку. — Социальные службы посещали риам Этроу, по итогам их посещения составлен официальный отчет, в котором говорится, что условия проживания ребенка более чем комфортные, равно как его одежда, еда и питание.

— Протест отклоняется. Я хочу выслушать отца.

— Более чем приемлемые, — Карид вздохнул. — Да, пожалуй, это наиболее точное описание того, как живет мой сын. Тогда как я могу предоставить ему все самое лучшее. Лучшее обучение. Лучшую няню, а впоследствии лучшую школу и лучший университет. Риам Этроу стоило бы задать себе вопрос: какой жизни она хочет для нашего сына? Более чем приемлемой? Или успешной? Достойной! Яркой.

Стебель цветка под моими пальцами хрустнул, лишь усилием воли я заставила себя промолчать и остаться на месте.

Спокойно. Спокойно. Спо-кой-но!

Чтобы отвлечься, стала вспоминать. Сколько же всего произошло за эту неделю. Кажется, маленькая жизнь, которая для меня навсегда останется не то пролетевшей в одно мгновение, не то растянувшейся

во времени. По ощущениям, с соцработниками я общалась месяц назад.

— Не говоря уже о полной семье, — Карид опустил голову, но потом вскинул ее. — Ребенку нужны и отец, и мать. К счастью, в моем случае у Ларрета будут и отец, и мать. Несколько месяцев назад я сделал предложение чудесной женщине, с которой мы станем семьей. Вместе с которой подарим настоящую, любящую семью моему сыну.

Глава 9.2

Что?! Что-о-о?!

Доминик резко двигает ноутбук, и этот скрежещущий звук переключает мое внимание. Впрочем, не только мое, адвокат негромко кашляет и произносит:

— Прошу прощения, ваша честь.

Юрист Карида смеривает нас снисходительным взглядом и поворачивается к судье:

— Как видите, ваша честь, мой клиент полностью признает ответственность и за свои прошлые слова и поступки, и видит свою ответственность в настоящем. Он собирается, а главное — сделает это — подарить ребенку, маленькому мальчику полноценную семью, в которой он будет счастлив, и в которой у него будут все возможности получить лучшее образование и построить свою жизнь такой, какой он ее видит. У меня больше нет вопросов.

— У меня есть, — поднимается Доминик.

Он хмурится. Я вижу, что он хмурится, хотя еще несколько мгновений назад был совершенно спокоен.

— Вы говорили, что неоднократно предпринимали попытки поговорить с риам Этроу. Моя клиентка утверждает обратное.

— Протестую, — вклинивается его юрист. — Это обвинение во лжи.

— Протест принят. Переформулируйте вопрос, риамер Чожмак.

— У вас есть доказательства того, что вы пытались связаться с риам Этроу?

— Разумеется, — Карид не меняется в лице. — Мой адвокат предупредил меня, что слова — вещь ненадежная, поэтому мы собрали все доказательства.

— Доказательства у вас, ваша честь. Документы, детализации из телефонной компании, о звонках риам Этроу еще до рождения

ребенка. Вы можете видеть, сколько было вызовов и когда, — юрист Карида приближается к судье. — Также здесь указано, сколько времени продолжался каждый разговор и сколько раз риам Этроу просто не отвечала или сбрасывала вызовы.

Доминик хмурится еще сильнее, а внутри меня все обрушивается. Я смотрю на флаг Раграна, и он начинает расплываться перед глазами: цвета пламени драконов, живущих в Рагране — алое (огненное), бирюзовое (водное) и оранжевое (истинное), на фоне которых черным контуром обозначен парящий дракон. Я смотрю на него, потом перевожу взгляд на судью. Та изучает «детализации», которых нет и не может быть. Я же держусь на последнем честном слове, потому что мне хочется вскочить и орать: «Ложь! Ложь! Ложь!» — но мне остается только сильнее сжимать несчастный цветок, стебель которого я уже сломала.

— Значит, вы не будете возражать, если мы пригласим представителя телекоммуникационной компании, который сможет подтвердить все данные, которые вы предоставили? — спрашивает Доминик.

— Мы предполагали такой поворот событий. Именно поэтому пригласили представителя телекоммуникационной компании, который готов под присягой подтвердить, что все данные, предоставленные и заверенные печатью и подписью официального представителя — никак не связанного с ним — так же достоверны.

— Ваша честь, я требую экспертизы, — жестко говорит Доминик. — И подтверждения данных независимыми экспертами.

— Ваша честь, возражаю, — в противовес ему мягко отвечает юрист Карида. — Я понимаю, что риам Этроу не ввела моего коллегу в курс дела полностью, но это не отменяет профессиональной этики и присутствия свидетеля, которого мы готовы предоставить — так же, как мы предоставили вам данные о звонках.

— Возражение принято, — отвечает судья. — Вы можете опросить свидетеля со стороны истца, риамер Чожмак.

— Я настаиваю, ваша честь, — продолжает гнуть свою линию Доминик, — на экспертизе предоставленных данных.

Юрист Карида разводит руками.

— Все заключения по экспертизе с нашей стороны также предоставлены, ваша честь. Разумеется, мы бы не предоставили вам

непроверенные документы.

— Риамер Чожмак, — повышает голос судья, — я высказала свое мнение. Вы можете опросить свидетеля со стороны истца.

Доминик возвращается на свое место, Карида отпускают, его место занимает та самая блондинка, которой «предстоит стать матерью» моего сына! Чтобы не натворить дел, я отворачиваюсь и говорю Доминику, еле слышно:

— Он мне не звонил.

— Я знаю, — так же тихо отвечает адвокат, сосредоточенно глядя перед собой.

— Почему вы не стали спрашивать про аборт? Вы говорили, что мы будем строить защиту, исходя из этого!

— Аборт уже не имеет смысла. Они его признали и прикрылись звонками вам, в таких обстоятельствах строить линию защиты на аборте нет смысла. Он продолжит говорить, что он растерялся, что хотел все исправить, но вы ему не позволили.

— Риамер Чожмак. Риам Этроу! Мы вам не мешаем? — осведомляется судья.

— Простите, ваша честь.

Сначала блондинка разливается счастливым виаром, как она любит детей и с каким удовольствием подарит любовь и ласку ребенку, который пребывает в лишениях. Возражения Доминика по поводу формулировок юрист Карида блокирует своими вопросами о ее образовании — высшее психологическое, разумеется, а еще она педагог начальных классов! Далее присоединяется тот самый свидетель от телекоммуникационной компании, который гнет свою линию несмотря на все попытки Доминика раскачать их флайс хоть каким-то образом. Видимо, у них все схвачено настолько, насколько это возможно.

После представления Карида у меня шумит в ушах, остается только вспоминать Лара и думать о сыне, но кажется, даже эти мысли уже не спасают. Не спасает ничто. Доминик меня не спасет. И этот проклятый цветок тоже!

— Я прошу перерыв. Риам Этроу плохо себя чувствует.

Голос Доминика раздается настолько неожиданно, настолько выпихивает меня из моих потерянных мыслей, что я вздрагиваю.

— Ваша честь, это против правил.

— Перерыв правилами не запрещен, — судья смотрит почему-то на меня. — Вам нехорошо, риам Этроу?

— Да, — отвечаю автоматически. «Нехорошо» — это не та характеристика, которой можно описать мое состояние.

— Перерыв пятнадцать минут, — объявляет судья.

— Сейчас они еще и врача вызовут для показухи, — хмыкает кто-то. То ли Карид, то ли его наблов юрист. Я резко вскакиваю со своего места и вылетаю из зала суда, ожесточенно швыряю поломанный цветок в урну, следом за мной вылетают Даг и Зои.

— Вот же поближе, — рычит подруга, подхватывая меня под локти. — Ава... ну посмотри на меня. Ты же белая, как снега Ферверна. Тебе точно врач не нужен?

— Нет.

Все, что мне нужно — это вцепиться в лицо Кариды! Я бросаюсь к дверям, но меня перехватывает Даг, перехватывает и прижимает к себе.

— Ава. Ава, успокойся!

— Я его придушу!

— Тише! — шипит Зои. — Ты же не хочешь, чтобы это все услышали?

Мне все равно. Все равно! Он хочет отнять моего сына и для этого купил всех. И этот список звонков, которого не существует и не существовало! И экспертизу, и всех своих свидетелей! Интересно, эта девица тоже куплена или на ней он реально жениться собрался?! Чтобы она! Воспитывала! Моего Лара!

Перед глазами темнеет, но в этот момент из зала суда выходит Доминик.

— Он предлагал мне выйти за него замуж! — говорю я. — Используй это против него!

— У тебя есть запись этого разговора? — интересуется адвокат.

— Что?! Нет!

— Тогда не вздумай об этом говорить, если не хочешь еще больших неприятностей.

— Неприятностей? Это у меня будут неприятности?! Они купили эту экспертизу! — я не сдерживаюсь и уже кричу. — Купили этот список звонков! Там не может быть моего номера! Не может!

— И телекоммуникационную компанию, мы, видимо, тоже купили, — холодно заявляет Карид. Они выходят из зала с этой

девицей, пальцы их рук сплетены. Идиллия да и только. Я смотрю на него в упор. Не представляла, что способна испытывать такую ненависть к кому бы то ни было. Особенно — к отцу своего ребенка!

— Надо уметь достойно проигрывать, Аврора, — говорит он и уводит ее к окну, а Даг снова перехватывает меня, Доминик заслоняет их, смотрит мне прямо в глаза.

— Аврора, они строят свою линию на лжи. Наша сила в правде.

— Какая сила в правде, которая никому не нужна?! Она поможет мне защитить сына? Не отдать его им?

— Мы будем отрицать то, что они предоставили. Спокойно. Без лишних эмоций.

— Почему ты не хочешь, чтобы я сказала правду о том, что он делал мне предложение?

— Потому что этого они наверняка ждут, и знают, за что зацепиться. Ты видела, как они вывернули ситуацию с абортом?

Я прикладываю пальцы ко лбу, киваю Дагу в знак благодарности — теперь меня уже можно отпустить — и отстраняюсь.

— Что нам делать, Доминик? — спрашиваю я. — Что мне делать? Я не могу его потерять! Его нельзя отдавать им.

— Доверься мне, Аврора.

Довериться?

Я качаю головой и шагаю обратно в зал суда. Мимо обескураженных расстроенных Дага и Зои, в двери, где остались свидетели Карида и его юрист. Прохожу прямо к нему, останавливаюсь напротив этого самоуверенного качка со светлыми волосами и квадратной челюстью.

— Любите фабриковать улики? — спрашиваю прямо в ухмыляющееся лицо.

Ухмылка не исчезает, но становится похожей на оскал.

— Осторожнее, риам Этроу. В первый раз я спишу ваши слова на эмоции, но в следующий раз просто предъявлю вам обвинение за клевету.

Я смотрю в эту циничную физиономию, в эту рожу, в которую хочется плюнуть, разворачиваюсь и иду на свое место. Опускаюсь на стул и впервые за все время тянусь к графину с водой, стоящему на столе. Рука дрожит, графин перехватывает Доминик.

— Позволь мне.

Все возвращаются на места, возвращается и судья, и ее секретарь, и полиция.

Даг и Зои защищают меня изо всех сил, но даже их ответы доносятся до меня сквозь шум в ушах. Ответы о том, как я забочусь о Ларе, как я его люблю, о том, сколько я всего делаю, чтобы у него было все, но для меня сейчас это все неважно. Мне кажется противоестественной сама мысль о том, чтобы вот так наизнанку выворачивать это чувство к моей крохе. К моему маленькому, самому любимому мальчику. То чувство, которое и словами-то передать нельзя, которое бьется во мне, бьется вместе с моим сердцем, пульсирует во мне с каждым вдохом. Смешно говорить о том, что я для него делаю, потому что я сделаю для него все не потому, что он мой сын и уж тем более не потому, что я что-то там должна. Это Карид может пытаться объяснить это словами, а я могу только чувствовать. И отдавать всю себя, чтобы Лар был счастлив.

Когда к Дагу и Зои приближается этот белобрысый дракон, начинаются намеки на то, можно ли адекватно оценивать кого-то, будучи его лучшими друзьями, а также на их материальное состояние. Доминик бьется за каждый вопрос, и так до тех пор, пока не настает моя очередь.

Во-первых, здесь пригождаются анализы. Первым делом на меня пытаются надавить через наследственность — то есть через мою мать. Но поскольку анализы есть, и у меня есть хотя бы такой щит, с этой темы юристу Карида приходится уйти достаточно быстро. Правда, не без ремарки, что они не станут требовать экспертизу, как некоторые, на что Доминик ошетинивается возражением, и судья его принимает.

— Подобные замечания в ходе судебного процесса недопустимы, — комментирует она.

— Прошу прощения, ваша честь, — адвокат Карида отступает, но он все равно доволен. Он мегадоволен, а эта шпилька просто для того, чтобы в очередной раз напомнить нам наше место.

— Значит, вы настаиваете на том, что звонков от риамера дель Рандаргим не было. Точно так же, как и ваши друзья?

Доминик задавал вопросы Дагу и Зои, и они подтвердили, что ни разу не были свидетелями моих разговоров с Каридом — до того недавнего времени, как он объявился на самом деле.

— Звонков не было, — спокойно отвечаю я.

Спокойствие — это единственное, что у меня осталось, и я держусь за него. Надо же мне за что-то держаться. За ясный взгляд моего сына сейчас не вариант, я боюсь, что просто разревусь на глазах у всех.

— Ваша честь, — юрист Карида разводит руками. — Мне сложно понять, можно ли вообще верить словам женщины, которая отрицает очевидное.

— Возражаю ваша честь, — резко говорит Доминик, — это переход на личности.

— Отклоняется. Риам Этроу, у меня есть доказательства ваших разговоров с раимером дель Рандаргимом, — судья сводит брови, глядя на меня в упор.

— Я не говорила с ним, — упрямо повторяю я. — Ни разу до того дня, как он связался со мной, чтобы заявить о том, что хочет отнять у меня сына.

— Риам Этроу лжет, ваша честь. У моего клиента никогда не было такой формулировки.

Пора заканчивать с этим фарсом!

Я резко поднимаюсь, несмотря на предупреждающий взгляд Доминика, поворачиваюсь к судье и говорю:

— Я не думала, что в моей жизни настанет тот день, когда я буду объяснять, почему мой сын должен остаться со мной. Сын, которого я сохранила и уберегла от так называемого отца...

— Ваша честь, возражаю! Это оскорбление моего клиента.

— Принимается. Риам Этроу, выбирайте выражения.

— Можете мне поверить, ваша честь, я их выбираю, — говорю жестко и холодно. — Я не из тех, кто считает, что мать становится матерью только потому, что она выносила и родила. Но я из тех, кто считает, что настоящая мать сделает все, чтобы уберечь своего ребенка от человека с сомнительными жизненными принципами, от того, кто не способен даже признать тот факт, что ему было все равно, что эта новая жизнь может погаснуть, если я соглашусь на аборт.

— Ваша честь, возражаю! Это намеренное эмоциональное искажение сведений...

— Это заключительная речь моего клиента, — перебивает Доминик. — И она имеет право высказать свое мнение.

— Прошу обратить внимание, что мой клиент риам Этроу не оскорблял.

— Выбирайте выражения, риам Этроу, — с нажимом повторяет судья.

— Что ж, — я опираюсь о кафедру и подаюсь вперед. — Поскольку мне приходится выбирать выражения, я могу добавить только одно. Я люблю своего сына всем сердцем. Возможно, я не идеальная мать, возможно, у меня нет того дохода, который есть у риамера дель Рандаргима, но я каждый день, каждый час и каждую минуту работаю над собой и делаю все, чтобы Лар был счастлив. Чтобы у него было все самое лучшее. Чтобы он знал, что его любят. Делала, делаю и буду делать впредь. Я сделаю для него все.

На этом во мне кончились слова и эмоции.

Я бы приземлилась, как воздушный шарик, из которого вышел легкий газ, если бы не голос судьи:

— У сторон еще есть вопросы к риам Этроу?

Вопросов не было. Поэтому Доминик подал мне руку и проводил за стол, и я как во сне слушала заключительные речи. Потом судья удалилась для вынесения решения, и я еще какое-то время сидела в подвешенном состоянии рядом с молчаливыми Дагом и Зои. Доминик возил пальцами по столу смартфон, а я смотрела в окно на кружащиеся вихрями листья. Непривычная картина для центра Мериужа, но здесь на аллее были достаточно высокие деревья, а наш зал находился на четвертом этаже. Поэтому, когда порыв ветра срывал их с веток, я могла видеть, как они взлетают, кружатся и оседают.

Снова вернулась судья, со всем своим сопровождением.

Прокомментировала, что готова огласить решение, и я выпрямилась, положив ладони на колени, как в детстве. В школе. Порыв закинуть ногу на ногу был, но я с ним справилась, а какое у меня было лицо... да драконы с ним. Не знаю. Не представляю, и представлять не хочу. Она что-то начала говорить про данную ей власть, и прочее, а потом я услышала:

— ... что ребенку будет лучше с отцом. Риамер дель Рандаргим...

— Минутку, — голос Доминика слился с жужжанием его смартфона, ударом моего сердца, и гневным возгласом судьи:

— Риамер Чожмак!

— Ваша честь, — мой адвокат поднялся, демонстрируя экран смартфона. — У меня есть доказательства, что детализация звонков рианера дель Рандаргима была сфабрикована.

Дорогие читатели!

Благодарю вас за такие искренние эмоциональные отзывы, лайки, награды!

Вы мое вдохновение!

Глава 10

— *Ладно*, мы, пожалуй, пойдем, — Зои понизила голос, потому что Лар и Кати уже спали.

Времени и правда было много, около одиннадцати, а этот сумасшедший день никак не хотел заканчиваться. После объявления Доминика в суде адвокат Карида еще предпринял попытку выразить протест, а дальше началось нечто невообразимое. Доказательства моего адвоката оказались железными, но все равно все это затянулось на пару часов. Вплоть до того, что полиция привезла в суд тех, кому заплатили, чтобы предоставить фальсифицированные улики, и тех, кому заплатили за «экспертизу». Все это время я могла только считать удары своего сердца и думать про Лара. И только когда было объявлено решение — повторное решение в связи со вновь открывшимися обстоятельствами — я поднялась и обняла Доминика. Потом к нам подлетели Даг и Зои, и я обнималась уже с ними, друзья поздравляли меня, по лицу Зои текли слезы, Даг улыбался.

— А я говорила, что ты выиграешь, говорила, говорила, говорила! — подруга захлебывалась словами и чувствами. — Говорила. А ты, засранец, выкуси!

Она демонстративно показала Карида средний палец, после чего повернулась к Доминику.

— Цены тебе нет, парень, — сказала она. — Далеко пойдешь.

Доминик хмыкнул, я же едва успела сказать:

— Спасибо, — еле слышно, одними губами, потому что во мне почти не осталось сил — когда раздался грохот.

Карид набросился на своего адвоката, и они сцепились прямо в зале суда, искаженное лицо моего бывшего просто надо было видеть: красное, перекошенное, он брызгал слюной и орал:

— Все из-за тебя, тварь! Это ты мне посоветовал! Ты во всем виноват!

Они вдвоем рухнули на столы, а спустя мгновение Карид согнулся пополам и отлетел в сторону — удар у его юриста был хорошо поставлен. Мгновение спустя их уже скрутила полиция, и выводили из зала их вместе, мимо оглушенной блондинистой девицы и совершенно потерянных родителей.

— Благодарю, — повторила я Доминику, который собирался. Хотя всей благодарности мира, которая сейчас была во мне, не хватило бы, чтобы передать мои чувства.

— Не за что, риам Этроу. Я просто делал свою работу.

Я покачала головой, собираясь сказать, что свою работу можно делать по-разному, но адвокат как-то очень быстро распрощался, я бы сказала, чересчур быстро, поздравив меня с победой, и так же быстро покинул зал.

— Хороший парень, — проводив его взглядом, произнес Даг. — И кажется, ты ему понравилась.

Зои ткнула мужа локтем в бок.

— Все, понял. Не о том сейчас.

Домой мы возвращались так же, на машине Дага, хотя и посидели немного с тремя стаканчиками кофе перед взлетом.

— У меня руки трясутся, — признался друг. — Драконова задница, они у меня не тряслись так, даже когда я парковал «Манц».

«Манц», фервернская марка машин, считалась элитной, а та модель, про которую он рассказывал, вообще была сделана на заказ для какого-то очень крутого блогера из Аронгары. Этот блогер был знаменит тем, что везде, где появлялся, летал только на своих коллекционных флайсах и для Мериужа не стал делать исключение. После той парковки Дагу эмоций хватило на несколько дней, но сейчас, вспоминая тот случай, мы втроем все просто расхохотались. Я смеялась так, что пришлось закрыть дырочку в крышечке пальцем, чтобы не расплескать кофе.

— Дай поставлю, — Зои взяла у меня стаканчик, и вот тут уже я разревелась.

Я рыдала так, что промочила блузку подруги насквозь, а она держала меня в объятиях, гладила по голове и говорила, что все хорошо. Потом я стирала остатки макияжа сипроновыми^[1] платочками и сидела то с закрытыми глазами, пока мы летели, то моргала, чтобы из глаз ушла краснота. Конечно, Лар еще совсем

маленький, но мне казалось, если он увидит меня такой, то сразу все поймет.

К счастью, сначала мы встали в пробку, а потом у дома Даг купил мне сухого льда, и в квартиру я уже поднялась без опухших глаз. Первое, что я услышала, было:

— Ма-ам! — и топот маленьких ножек, и в этот момент буквально рухнула вниз, чтобы потом подхватить сына на руки и прижать к себе крепко-крепко.

— У! — маленькие ладошки уперлись мне в грудь. — Обнимашки!

Я приподняла брови:

— Что такое? Не нравятся обнимашки?

Лар нахмурился и замотал головой.

— Это мы позавчера на площадке с одним мальчиком познакомились, — хмыкнула Ния, которая вышла к нам с Кати на руках. — Он объяснял Лару, что объятия — не для суровых мужчин.

Зои прыснула.

— Доча! Доча, а ты по маме соскучилась?

Кати сунула палец в рот и отвернулась.

— Вот это новости! — теперь уже нахмурилась Зои. — А ну-ка, иди сюда.

Она чуть ли не отняла ее у Нии, так быстро шагнула вперед и забрала дочку.

— Ревнует, — шепотом пояснил мне Даг. — Она ее даже ко мне ревнует. Невозможная.

Я отпустила Лара, который уже начал становиться «суровым мужчиной» и поднялась.

— Можно поздравить? — няня улыбнулась.

— Да!

— Поздравляю, — глаза женщины лучились теплом.

— Да! Мама! Пофдфафляю!

— Спасибо, драконенок, — я снова присела рядом с ним. Сама мысль о том, чтобы сейчас куда-то отойти от Лара, казалась безумной.

— У меня идея! — вскинул руку Даг. — Давайте все вместе пойдем в «Спейси». Я плачу!

«Спейси» называлась рагранская сеть уютных семейных кафе, оформленная в космическом антураже с умопомрачительными

игровыми комнатами. Там очень вкусно кормили, не считая чудесных супов, сэндвичей и закусок, там были десятки видов десертов и разных вкусов замороженного крема. Поэтому, услышав название, Лар просто запрыгал на месте от нетерпения.

— «Спейси», идем, идем!

— Идем, — подтвердила я.

Так и прошел наш день, сначала в уютном кафе, ближайшем к нашему дому, где мы пообедали. Не обошлось без намазывания на нос взбитых сливок и кидания друг в друга орешками в цветной глазури, активного ползания Кати и Лара в длинных «космических» трубах с другими детьми. А после, когда мы еще и нагулялись и набегались на улице, наигрались на нашей детской площадке, ужин тоже зашел на ура. После чего Кати и Лар сразу же начали клевать носами, и мы уложили их спать в комнате Лара.

Потом Даг сбегал за бутылкой веоланского и фруктами, и впервые кажется лет за пять я выпила свой первый бокал вина. Из-за него, а может быть, из-за всего, что произошло сегодня, у меня сейчас слегка кружилась голова, пока я провожала друзей. Выдала Зои плед, чтобы они завернули в него спящую Кати. Эмоций и впечатлений у детей было столько, что малышка даже не проснулась, когда мы ее вытаскивали из уютного гнездышка с Ларом. Курточку и ботинки Даг взял в пакет и глянул на дисплей смартфона:

— Все. Машина пришла.

— Пошли, — шепотом сказала Зои. — Пошли, пошли, да не переживай ты так. Завтра с утра забереешь свой флайс, ничего ему не будет.

Разумеется, они летели на заказанном, потому что веоланское пили все вместе, но Даг очень переживал из-за того, что с утра выглянет в окно и не увидит свою машину. Он на ней был просто помешан, сам занимался, сам чинил, сам мыл. Зои даже смеялась, что у нее есть соперница.

— Ну все. До связи. — Даг меня обнял, Зои просто кивнула — она держала на руках дочь. — Еще раз с победой!

Друзья ушли, а я проверила сообщение от Нии: завтра вечером она у меня, потому что я танцую, и пошла к сыну. Лар спал в обнимку с игрушечным дракончиком, светлые волосики разметались по подушке, из-за света ночника тень от длинных ресниц падала на

щечки. Кожа у него была тонкая, как у меня, и я коснулась ниточки сосудика на скуле. Еле-еле, едва уловимо, кончиками пальцев.

— Спи, моя радость, — прошептала еле слышно. Хотела уйти к себе, но не смогла. Просто сходила за подушкой и одеялом, приняла душ. На бегу погладила лепестки «победных цветов», которые Ния поставила в гостиной в ведро (больше такой огромный букет ставить было некуда), переоделась в пижаму и устроилась в кресле в комнате Лара, любуясь спящим сыном.

Всего одну ночь рядом с ним я могу себе позволить...

Хотя теперь я могу себе позволить тысячи таких ночей.

Спасибо, Доминик.

Эта мысль пришла вместе с улыбкой, когда я слушала, как сопит мой малыш. А потом сама не заметила, как закрыла глаза.

[1] Сипрон — синтетический материал, из которого изготавливают одноразовые косметические и сервировочные принадлежности (платочки, салфетки и т.д).

Дорогие девочки!

Еще раз от всего сердца хочу поблагодарить вас за ваши эмоциональные отзывы!!!! Для меня это лучшая поддержка и Вдохновение. Спасибо за то, что так искренне делитесь впечатлениями и личными историями! Спасибо за то, что так ярко проживаете историю вместе со мной и с героями. Спасибо за награды и лайки, за ваши теплые слова!

Я вас очень-очень люблю!

Сегодня у нас немного отдыхательная продочка, на которой можно расслабиться, а завтра (с 90% — драконы такие драконы — вероятностью) будет продолжение от главного дракона истории ;)

Глава 10.2

Черное пламя Раграна

— Я просто хотел лично выразить вам свое почтение и сказать, что ваш визит для нас большая честь, — мужчина, стоявший напротив, вцепился в бутылку элитного тоньяса, как будто от нее зависела его жизнь, — это всего лишь скромный подарок от нашего ресторана.

Бутылка переключалась на столик, и держаться стало не за что.

— Хорошего вечера, риамер Вайдхэн.

Он кивнул. И отвернулся: ни генеральный менеджер ресторана Грин Лодж, ни тоньяс его не волновали. Единственная причина, по которой он здесь оказался, еще не вышла на сцену.

За его спиной помялись, потом с неслышным шорохом закрылась дверь.

— Оставьте меня, — произнес он, не оборачиваясь.

Дверь снова открылась и закрылась. Сопровождение, а если быть точным, вальцгарды в штатском, теперь были положены ему по статусу. Хотя по большому счету, защищать нужно было от него: сила черного пламени, подаренного ему в пустошах Ферверна в ту ночь, с каждым днем все больше набирала обороты. Он даже чувствовал ее иначе, как нечто необузданное, разрастающееся, грозящее заполнить его целиком и обратить в опаснейшего зверя этого мира.

Глубоководный Фервернский. Этот вид драконов, обладающих мощнейшим черным пламенем, по праву считался самым неизученным. Они не выходили ни к людям, ни к иртханам. Сила ментальной магии, способность отдавать приказы любому дракону с любым даже самым мощным пламенем, которой иртханы были наделены, на них не действовала. В то время как обычные драконы жили двести-триста лет, срок жизни глубоководных фервернских был неизвестен. По предположениям ученых-иртханов и людей-драконологов, пытающихся в последние годы сравнить силу пламени и естественную продолжительность жизни, глубоководные фервернские могли жить до пятиста, а то и больше.

Как это пламя скажется на нем, оставалось только догадываться. Он стал первым, кому они, а точнее он — их лидер — в ту ночь добровольно отдал свою кровь и пламя. То, которое спасло его жизнь. Ускорило регенерацию до невероятных масштабов (с таким раньше не имел дела ни один даже самый сильный иртхан) и заставило помолодеть лет на десять минимум. По крайней мере, когда он смотрел на свое отражение, он видел себя таким, каким был задолго до всего этого.

Чем это обернется в дальнейшем, оставалось только догадываться, потому что сила в нем набирала мощь с каждым днем. Временами бурлящее в крови черное пламя раскрывалось настолько, что даже в человеческой форме зрение становилось сферическим, а

ментальная мощь позволяла улавливать все оттенки эмоций в каждом уголке Ровермарка.

Ее эмоции он тоже почувствовал. Впервые — когда она пришла к Лизе на собеседование, и эти эмоции стали странным связующим звеном между ним и молодой женщиной, которая сидела в кабинете, закинув ногу на ногу. Хрупкая, невысокая, светловолосая. До одури напоминающая *ее*. Особенно этим своим снисходительным выражением лица.

Можно было не ходить в тот день в кабинет к Лизе.

Или нельзя?

Действие черного пламени всегда ощущалось по-разному, но именно в тот день отозвалось нестерпимым, обжигающим зовом. Он мало кому доверял в этой жизни, но он доверял себе и пламени, которое текло по его венам. Именно поэтому спустился к Лизе. Именно поэтому споткнулся об этот взгляд — взгляд небесно-голубых глаз, от которого огонь в крови не просто раскрылся, он полыхнул с такой силой, что пришлось закрываться. Надежно запирает его внутри, чтобы все в радиусе пары сотен метров просто не попадали в обморок, а она...

Она смотрела на него свысока.

Вздернув подбородок, в точности как та женщина, о которой он поклялся себе больше никогда не вспоминать.

— Она у нас работать не будет, — это были его первые слова, когда Лиза вошла к нему в кабинет после собеседования с Авророй Этроу.

— Я не понимаю...

— Тебе необязательно это понимать. Просто прими как факт.

Самому принять этот факт оказалось гораздо сложнее, чем Лизе. Тот факт, что дотронуться до ее подбородка, с силой надавить пальцами, заставляя опустить взгляд, признавая его власть — не получится. Не получится почувствовать под пальцами ее нежную кожу, тонкую: на виске просвечивала нитка сосуда, бешено забившаяся пульсом в его присутствии.

Тем не менее он почти выкинул ее из головы, а на следующий день она пришла к нему сама. Просто стащила пропуск Лизы и ворвалась на его этаж — как она думала. Он почувствовал ее сразу, как только Аврора вошла в Ровермарк, и это было гораздо острее, чем

когда-либо. Как на панели вспыхивает сигнальная лампочка, точно так же полыхнуло внутри знакомым манящим ароматом ее эмоций. Волнение, отчаяние, решимость — и все это вплеталось в ленту хрупкой невидимой беззащитности. Система безопасности засекла ее практически сразу, но он приказал ее пропустить. Даже с закрытыми глазами и лишившись всех средств связи мог отследить, как она приближается. Откуда. С какой стороны. Как быстро.

Как сейчас.

Его ВИП-ложа располагалась по центру, на возвышении, именно поэтому отсюда было отлично видно, как Аврора выпорхнула на сцену. Не одна.

Он бросил взгляд на дисплей, закрепленный на столике: в программе значилась балетная миниатюра «Пламя и лед». Пламенем был мужчина, в огненно-черном костюме, а ледяной скульптурой — она. Застывшая хрупким изваянием на сцене, со вскинутыми вверх сплетенными руками. Вся в белом.

Дорогие девочки!

Завтра я праздную День Рождения, поэтому каким Бен увидит танец Авроры, мы узнаем уже в понедельник ;)

От всего сердца желаю вам чудесных и теплых выходных!

***С любовью,
ваша Марина***

Глава 11

Любая балерина хоть раз в жизни чувствует себя невесомой. В детстве, когда я только-только пошла на балет, я точно чувствовала себя перышком. Я порхала, как могут порхать только дети, у которых нет грузиков самых разных мыслей, обязанностей, правил, ограничений. Я летала и не думала ни о конкурсах, ни об экзаменах, ни о пробах, ни о том, откуда взять денег на новую одежду или еду. Я просто выходила после разминки, отталкивалась и взлетала, и прыгала, и кружилась, чувствуя себя единым целым с музыкой, с ритмом, с движениями, не скованными ничем.

Мне казалось, все это давно безвозвратно утрачено, но сегодня я чувствовала себя именно так. Осознание того, что Лар остается со мной, что вся эта история с Каридом наконец-то осталась в прошлом, снова подарило мне ощущение легкости и невесомости. Я и по квартире-то целый день порхала, и по детской площадке, а потом — на

разминке, перед выходом на сцену. Парные сцены всегда достаточно сложные, особенно когда партнеры временные и нет стопроцентного контакта (увы, в Грин Лодж у нас не было слаженных дуэтов), но сегодня меня не смущало даже это.

Я вышла на сцену счастливая и легкая, как перо, и так же застыла под сотнями взглядов. Да, Грин Лодж пользовался популярностью именно за счет своей «балетной» фишечки, поужинать и посмотреть балет — действительно, где еще такое возможно? Мне было не привыкать к пристальным взглядам, но сегодня со мной творилось нечто странное. Иначе как объяснить то, что я — с первыми аккордами музыки — просто вспыхнула от кончиков пальцев ног до корней волос.

Вспыхнула не от смущения, а от какого-то чувства, которое не могла объяснить — должно быть, от той самой легкости, вливающейся в меня живительным будоражающим пламенем. Мой партнер изображал пламя, а я лед, но сейчас в моих венах было достаточно огня, чтобы воспламенить не только сцену, но и весь зал.

Партнер шагнул ко мне — я отпрянула.

Легко. Невесомо.

Вскинула руки и закружилась, рассыпая искры-снежинки (или попросту декоративные блестки), до этого мгновения зажатые в ладонях. Взгляд невольно зацепился за темноту ВИП-ложи, скользнул по ней в движении, почему-то отразившись глухим и гулким ударом сердца, полыхнувшим огнем. Наверное, именно так выглядит ледяное пламя драконов Ферверна — как я выглядела сейчас.

Отступая.

Замирая.

Прогибаясь и уклоняясь от попыток партнера меня «растопить», чтобы затем взмыть в небо собственной ледяной силой, и снова опуститься на землю, покрывая ее холодом, отраженным в каждом движении. В каждом вздохе. В каждом взгляде.

— С ума сойти, — донеслось из зала.

«Огонь» снова шагнул ко мне.

Я — к нему.

Мы «столкнулись», неестественно-остро, словно ударившись друг о друга — как пламя может ударить в лед. Разошлись в кружении — на края сцены, застыли на миг, глядя друг на друга.

Один короткий выдох — и мы движемся снова.

Огонь по кромке сцены, я — внутри нее, словно запертая в этом огненном кольце и не представляющая, что делать дальше. «Языки» пламени словно становились все выше и выше, выше и выше, от всполохов освещения, помогающего нам в танце, что-то вспыхивало в груди. Снова и снова. Раз за разом.

Словно внутри меня замкнуло какой-то провод, и сейчас он искрил, ударяя своим напряжением по каждому нерву. Пульс тоже ускорялся, и я едва успевала ловить дыхание, в кружении, идущем по нарастающей.

Миг — и мне почти удалось вырваться за черту пламени, но в это мгновение Огонь метнулся ко мне. Я «не успела» отпрыгнуть, и он перехватил меня за талию. Рывком притянул к себе, и на этот раз мы закружились вместе. Пламени во мне в одно мгновение стало больше, я даже не успела понять, как это произошло — только что отдавала себе отчет в происходящем, и вот уже меня куда-то несет.

В дикий, какой-то звериный танец, где пульс в каждой клеточке тела, а каждая клеточка тела — как мини-костер. Рывок, взгляд — и я снова на свободе.

Расстояние вытянутой руки, и мы кружимся, не отпуская взгляда.

Вокруг нас кружится зал, а сверху осыпаются теперь уже огненные блески, создающие ощущение, что мы танцуем в летящих от языков пламени всполохах, рассыпающихся обжигающими искрами.

Сближение — почти прикосновение пальцев — и снова назад.

Прыжок!

Кружение, кружение, кружение, от которого сердце заходится в безумном ритме.

Прикосновение: ладонь Огня ложится на мою талию, а дальше попытка вырваться заканчивается новым взлетом, в котором он подхватывает меня над сценой. В этот момент мир действительно переворачивается, и когда я «лечу» я почему-то снова прикипаю взглядом к ВИП-ложе, которая словно магнитом затягивает мой взгляд, меня — все глубже, глубже, глубже, словно кто-то скользит по моему телу огненными лентами — даже не по телу, а над, в каких-то миллиметрах, заставляя кожу покрываться мурашками в ожидании обжигающего прикосновения.

Это длится мгновение: и вот я уже снова стою, а после мы с Огнем кружимся вместе.

Все быстрее, быстрее, быстрее — рука к руке, пока не взлетаем уже вместе, а после, едва коснувшись носками сцены, я откидываюсь на него и замираю. В тот самый момент, когда затихает последний всплеск музыки, а его руки крест-накрест ложатся на мои бедра.

Короткая тишина взрывается аплодисментами, мы с партнером расходимся, чтобы поклониться, потом снова сходимся, держимся за руки. Люди даже поднимаются из-за столиков, они хлопают так, что, кажется, я сейчас оглохну. На моей памяти вообще никогда нас так долго не «не отпускали», это действительно больше похоже на балет, то есть на тот балет, который на большой сцене, о котором я всегда мечтала.

— Огонь!

— Это было просто волшебно!

— Шикарно!

Из зала летят комплименты от гостей, а я почему-то снова цепляюсь взглядом за ВИП-ложу. Их в Грин Лодж несколько, по умолчанию они закрыты стеклами, которые можно опустить. При желании, разумеется, музыка «транслируется» в ложу так же, как если бы ее посетители находились в зале, можно даже регулировать громкость и интенсивность, но большинство гостей все равно предпочитают опускать стекла, чтобы погрузиться в атмосферу. Сегодня — исключение именно та ложа, с которой у меня странный неконтакт, или, наоборот, контакт?

Я отрываю от нее взгляд так резко, как если бы для этого реально пришлось разорвать некое прикосновение. К счастью, публика нас все-таки отпускает, и мы уходим.

— Это было мощно, — говорит мне уже в коридоре мой партнер Пейт, он же «Огонь». — Надо будет как-нибудь повторить.

— Надо будет, — соглашаюсь я. Ныряю в свою гримерную, по совместительству раздевалку и комнату отдыха. Голова все еще слегка кружится, я пытаюсь собраться с мыслями, но в крови продолжает бурлить огонь. После выступлений обычно много адреналина, но сегодня что-то с избытком, я бы сказала, это даже перебор.

Потому что, будучи абсолютно трезвой я чувствую себя как после пузырьков веоланского. Еще больше я становлюсь «пузыристой»,

когда мне начинают стучать в двери — привозят цветы от гостей ресторана, которые они заказали вот прямо сейчас!

Сказать, что я в шоке — значит, ничего не сказать, то есть мне привозили букеты раньше, но в таком количестве никогда. Никогда до этого дня, хотя я и сама чувствую, что мое выступление в этот раз было вообще другим. Я всегда танцевала искренне, но сегодня словно раскрылась на полную, и это «на полную» до сих пор покалывает искрами пальцы и меня всю.

К счастью, сегодня выступление у меня одно, и, к тому моменту, как я заканчиваю переодеваться, в дверь снова стучат. Я уже мысленно прикидываю, как мне тащить такое количество цветов и куда их ставить — при учете того, что в моем ведре бессовестно прописался букет от неизвестного дарителя, но, когда открываю дверь, за ней не цветы.

За ней вальцгарды.

И один из них говорит:

— Риам Этроу, вы поедете с нами.

Дорогие читатели!

Я прочитала ваши чудесные слова-пожелания (и даже поздравления в стихах!), и хочу сказать, что я безмерно тронута!

Благодарю за ваши эмоции и за этот неиссякаемый поток солнечной радости и счастья, в котором я оказалась, читая ваши поздравления! ♥

Также хочу сообщить, что на этой неделе на роман будет открыта подписка.

Чуть позже вывешу блог, где расскажу обо всем подробнее.

Всех люблю!

Ваша Марина

Глава 11.2

Можно ли отбиться от вальцгардов букетами? Это была первая мысль, которая пришла ко мне в голову — видимо, эйфория от танца все еще дурманила кровь. Вторая была уже гораздо более практичной: за мной пришел черный чешуйчатый дракон. Дождался, пока я отобьюсь от Карида, и пришел. Почему в моих мыслях вообще так много слова «отбиться»?

— Меня в чем-то обвиняют? — осведомилась я.

— Нет, — отвечал тот вальцгард, что повыше.

— Хорошо, — я мило улыбнулась. — В таком случае я никуда с вами не пойду, потому что это — нарушение моих гражданских прав, и вообще до свидания!

Я захлопнула дверь так быстро, что растерявшиеся от моего напора вальцгарды вообще не поняли, что это было. Хотя может быть и поняли, но мне было не до вальцгардов, в смысле, вальцгарды были меньшим злом. Не нужно обладать выдающимися дедуктивными способностями, чтобы понять, кто их за мной прислал. Но почему сейчас? Неужели и правда ждал, пока я закончу с судом? С губ сорвался нервный смешок, а потом меня бросило в холодный пот.

Ответ напрашивался сам собой: он здесь. Он не просто здесь, он на меня смотрел, когда я танцевала. Вот кто был в той самой ВИП-ложе! Теперь понятно, почему меня на сцене так драконоило. Взгляд заметался по не сказать чтобы большой комнатке гримерной, совмещенной с костюмерной и много чем еще. Почему здесь не как в театре, а? У известной прима-балерины Далаи Мьерис, например, был тайный выход из гримерной — после того, как влюбленная толпа чуть не снесла основную дверь и прима-балерину вместе с ней. А здесь куда мне, спрашивается, выходить? В вентиляционную шахту?

Я даже задрала голову, рассматривая вышеобозначенную шахту, но во-первых, это было как-то слишком по-шпионски, а во-вторых, мне нужны дополнительные инструменты, чтобы размагнитить открывающую ее панель. Или нет?

Подтащив стул к косметическому столу, я вскарабкалась на него и ткнула в панель, которая под моим прикосновением радостно ожила. «Разблокировать», — вспыхнула надпись, и я только-только успела обрадоваться, когда на ней высветился код.

— Что?! Да вы издеваетесь!

— Не веришь, Аврора, я то же самое подумал, когда увидел тебя. Хотя мне искренне жаль, что ты успела переодеться.

Дракона твоего за ногу!

Я дернулась и полетела со стола. Прямо на Вайдхэна, который радостно меня поймал.

— Пустите! — дернулась я.

— Ты правда собиралась туда залезть? — поинтересовался он, рассматривая вентиляционную шахту почти с тем же интересом, с которым ее рассматривала я. Правда, когда я ее рассматривала, я

никого к себе не прижимала, и уж тем более так властно. Откуда он вообще взялся?! В смысле, как он сюда вошел так, что я не заметила?

— Отпустите! — повторила я. — Или...

— Опять будешь пинаться? — он посмотрел на меня сверху вниз. Обладая таким ростом на балерин вообще сложно смотреть иначе, но у Вайдхэна в принципе талант.

— Хотите проверить? — поинтересовалась я.

Не то чтобы я рассчитывала, что у меня второй раз получится сбежать так же или что он действительно снова позволит себя ударить, но надо же как-то время потянуть? Пока в голове туда-сюда мечутся мысли, а от пояса-захвата его руки на талии по телу растекаются огненные искры, снова заставляющие меня превращаться в ходячее пламя, как тогда, на сцене?

— Что я по-настоящему хочу проверить, так это насколько ты громкая в постели, Аврора.

Я моргнула.

— Вы правда считаете, что это то, что каждая женщина мечтает услышать?

— А ты правда думала, что я тебя просто так отпущу? — он сказал это настолько спокойно, что меня пробрало. Даже после суда, Карида и всего вот этого вот, что казалось мне настоящим кошмаром, хотя настоящий кошмар сейчас стоял передо мной.

— Я закричу, — предупредила я.

— Вперед.

Он вообще непробиваемый, что ли?!

— Бери сумку, Аврора, — он неожиданно меня отпустил. — И поедем.

— Куда?

— Ко мне.

Это прозвучало даже не как приказ. Просто как констатация факта. Наверное, это нормально — для иртхана, во власти которого в Рагране абсолютно все (даже я, как ни печально это признавать), но для меня это совершенно точно было не нормально! Должно быть, на моем лице отразились все мои мысли, или они там отразились хотя бы частично, потому что в темных глазах Вайдхэна сверкнули еще и разбавленные знакомым цветом огня черные искры.

— Чтобы между нами больше не возникало недоразумений, — произнес он, — предлагаю тебе просто сразу принять тот факт, что я хочу видеть тебя своей.

Да. Про громкость в постели и то получилось не так эффектно.

— А если этого не хочу я?

— Если бы не хотела, меня бы здесь не было.

Что?

— Ты отзывалась на мое пламя с самого начала, Аврора, — по-прежнему непробиваемо пояснил этот... дракона кусок. — И отзываешься сейчас. Сегодня, когда ты танцевала, ты это чувствовала. Чувствовала мое пламя, хотя я к тебе даже не прикасался. Скажешь, нет?

Не знаю, как у него с дипломатией, но с переговорами все на высшем уровне. Я даже почувствовала себя странно, на миг окунувшись в не столь далекие воспоминания: когда под его взглядом во время танца я стала натянутой нитью, сквозь которую текло бесконечное пламя, как через фитиль свечи.

— Вы как-то воздействовали на меня пламенем?! — ахнула я.

— Нет. Это так не работает.

— А как это работает?

— Это неважно.

— Вот тут вы правы. Это неважно. Для меня это все неважно, и...

— Достаточно того, что это важно для меня, — Вайдхэн открыл дверь.

Галантный какой!

— Меня дома ждет сын, — я вцепилась в сумку, как если бы она могла меня защитить.

— У твоего сына теперь отличная няня, Аврора.

— Откуда вы...

— А у тебя был отличный адвокат. Доминик Чожмак. Ты правда хочешь, чтобы я перечислял все, что произошло в твоей жизни за последнюю неделю?

— Я не понимаю.

— Тут нечего понимать. Все, что касается моей любовницы, всегда будет мне известно.

— Я не ваша любовница!

— Пока нет, — Вайдхэн наградил меня коротким взглядом и кивнул на открытую дверь, — но сегодня ты ею станешь.

Дорогие читатели!

Сегодня вечером по поводу подписки появится блог.

В нем я расскажу о графике выкладки, сроках завершения и в принципе обо всем, что можно ждать от подписки по этой истории и от самой истории ;)

Так что вечером проверяйте обновления и заглядывайте ко мне в блог, чтобы быть в курсе.

Глава 12

Вальцгарды никуда не делись: они молчаливо застыли в коридоре, который сегодня был непривычно пуст. У нас в *Грин Лодж* постоянно кто-нибудь здесь бегал, либо из артистов, либо из гримеров — у нас выступают приглашенные певцы и группы, обязательно каждый вечер живая музыка — музыкальная ложа находится прямо в зале, справа от сцены. Тем не менее сейчас было так тихо, словно ресторан закрылся, и я понимала, почему. Здесь действительно никого нет. Их просто выгнали. Не представляю куда. Из-за меня. А еще из-за меня они не могут сделать грим или выйти на сцену, а следовательно, могут лишиться оплаты за целый вечер!

При мысли об этом меня вынесло из знакомой комнаты с такой скоростью, что Вайдхэн наверняка изумился моей покладистости и желанию стать его любовницей как можно скорее. Просто ему никогда не приходилось голодать и думать, откуда взять лишний норрит. Я спешила убраться из *Грин Лодж* так быстро, как только могла, настолько торопилась, что на выходе через знакомый служебный вход — разумеется, тоже пустой, даже охранника не было, зато были еще четверо *вальцгардов*, чуть не подвернула ногу. Споткнулась, лодыжку обожгло, и Вайдхэн подхватил меня под локоть:

— Осторожнее.

— Не делайте вид, что вам не все равно.

— Мне определенно не все равно. Мне нравится, как ты танцуешь.

Если бы можно было его повторно пнуть, я бы пнула, сейчас же просто отняла локоть и поспешно села во *флайс*, дверцы которого не поднимались вверх, как у большинства современных машин, а

раскрывались, как пасть дракона вправо и влево. Дракона, желающего меня сожрать.

Чтоб он подавился!

И он, и все его драконы: и тот, что пониже, и тот, который просто машина. Внутри пахло им — истинно мужским парфюмом, горьковато-острым, как крепкий тоньяс с кофейными нотками, кожаным салоном и роскошной жизнью. Сиденья располагались напротив друг друга — по два, и стоило Вайдхэну опуститься рядом со мной, как я перепрыгнула на противоположное по диагонали.

Следом во флайс заглянул один из вальцгардов и протянул мне плащ:

— Риам Этроу, это ваше.

— Он ей не нужен. — Вайдхэн забрал мой плащ и сбросил на соседнее сиденье, откуда я только что убежала. Коснулся вмонтированной в подлокотник панели и посмотрел на меня в упор. — Иначе бы ты его постоянно не забывала.

Я посмотрела на свой родной плащик, потом перевела взгляд на иртхана.

— Объясните про пламя.

— Что именно?

— Каким образом вы сделали вывод, что я откликаюсь на ваше пламя.

Дверцы уже давно закрылись, перегородка, отделяющая нас от водителя поднялась.

— Тебя это не касается.

— А что меня касается? В какой позе вы будете меня трахать?

— Любишь грубить, Аврора?

— Учусь разговаривать на вашем языке. Не считая того, что вы меня похитили...

— Ты пошла со мной добровольно.

Я глубоко вздохнула, досчитала до десяти. Не помогло.

— Да! Я пошла, потому что вы перекрыли весь ресторан. Потому что люди из-за меня могут лишиться работы, остаться без заработка. Но вам ведь плевать на такие мелочи, верно? Равно как и на то, что я не сидела бы здесь, если бы вы не были правителем Раграна, просто и откровенно злоупотребляющим своими полномочиями!

— Полномочия — ограниченные права, в своде законов Раграна прописано, что правящий не ограничен в своей власти и может принимать любые сколь угодно выгодные ему решения единолично. К тому же, зачем нужна власть, если ей не пользоваться?

— Не боитесь ее лишиться?

— Не боюсь. Любого, у кого есть страхи и слабости, можно зацепить или прижать. У меня нет ни страхов, ни слабостей, а величайшую в мире силу — власть, слабостью делают только идиоты или те, кто ее не достоин.

— Считаете себя достойным?

— И миллиард рагранцев тоже.

— Вы просто не предлагали им стать вашими любовницами.

— На всех меня не хватит.

— Какая жалость!

Наш разговор явно себя исчерпал, поэтому я сдернула свой плащик с сиденья, закуталась в него и отвернулась: тонированные стекла помимо прочего были еще и очень плотными, наверняка из суперпрочного стекла. Я забыла, как оно называется, но оно выдерживало даже удар лазерного луча и было надежнее огнеупорного, которое ставили в высотки из-за драконов. Правда, усовершенствованные щиты вряд ли пропустят в город хотя бы одного зверя, тем не менее это было обязательное условие для получения разрешения на строительство. Любая стройка (какой бы этажности ни предполагалось здание) проводилась с использованием ультрасовременных суперпрочных материалов. В случае обнаружения несоблюдения технологий или попытки удешевить материалы, все могло закончиться очень и очень плачевно, поэтому, когда около года назад у какой-то строительной компании нашли нарушения, полетело очень много голов. В смысле, компания закрылась, все руководство посадили чуть ли не пожизненно. Это тоже была новая статья, появившаяся после прихода к власти Вайдхэна, и ни одна апелляция со стороны адвокатов, ни просьбы жен или мужей руководящего состава не были удовлетворены.

Тогда мнения разделились: одни считали, что это слишком жестоко, другие — что правильно: наша страна еще помнила трагедию Мериужа. Налет, почти разрушивший город, унесший сотни тысяч жизней. Тогда многие небоскребы схлопывались под огненным

дыханием драконов, как игрушечный конструктор, из-за несоблюдения технологий строительства. Правящим в те годы был отец Вайдхэна, и именно на него спустили всех наблов. Как выяснилось, совершенно незаслуженно, но в то время разбираться не стали. Вайдхэну удалось восстановить его доброе имя и доброе имя своей семьи не так давно.

Что, впрочем, не мешало ему самому вести себя как дракона кусок.

Я выдернула себя из ступора, в который меня вогнало все происходящее и достала свой старенький смартфон. Набрала Нию:

— Ния, привет. Мне придется задержаться на работе, ты сможешь остаться с Ларом подольше? Можешь вообще сегодня переночевать у меня, и я тебе обязательно заплачу.

— Аврора, мне отлично платят на работе! — возмутилась няня. — Разумеется, я задержусь, даже не думай. Все хорошо?

— Все, — соврала я. — Дай мне пожалуйста Лара. Не уверена, что успею вернуться до того, как он заснет.

— Да, конечно. Лар, слушай. Это мама.

— Ма-а-ама! — донесся из трубки радостный крик, и на сердце сразу стало тепло, в груди разлилось счастье, я улыбнулась.

— Привет, драконенок!

— Ма-ам! Я соскучишься!

— Я тоже скучаю, очень-очень. Но мне придется немного задержаться, а я хотела, чтобы ты знал, что я тебя очень люблю.

— Как?

— Выше неба!

— Пфы, — донеслось довольное из трубки. — Я тебя то-же! Офень!

— Как?

— Выфе неба!

— Слушайся Нию и, если она попросит, ложись спать. Хорошо?

— Хофофо... хо-ро-шо!

— Умница, — я поцеловала трубку, попрощалась с Нией и нажала отбой.

Только сейчас почувствовала на себе пристальный взгляд Вайдхэна, от которого в кончиках пальцев опять заискрило, сжала кулаки и спросила:

— Что?

Его какой-то слишком глубокий взгляд в одно мгновение стал привычно-снисходительно-иртханским.

— Ничего. Мы на месте.

Глава 12.1

Флайс и правда застыл: оказывается, я даже не заметила, как мы прилетели. Куда именно, было непонятно, потому что со всех сторон был залитый огнями Мериуж. Справа, слева, по диагонали — я это обнаружила, когда дверцы флайса разошлись и мы вышли на просторной полукруглой площадке, на которой не было больше никого, кроме нас и флайсов охраны. Индивидуальная парковка. Личная парковка правящего. Перед входом в его личный пентхаус. Роскошную стеклянную двухуровневую квартиру, у дверей которой выстроились вальцгарды.

Несмотря на высоту, от которой захватывало дух, как и от вида, ветра здесь не было — очевидно, впустив нас, тут же сомкнулся силовой щит. Я подавила желание повосхищаться красотой города — в таком районе и правда было чем восхищаться. Ленточками огней, текущих между высотками. Самими высотками, в которых совершенно другая жизнь, не такая, к какой привыкла я. Ночной жизнью, которая здесь просто кипела, наполняя знакомый с детства город новой энергией. Сильной, мощной, живой.

Да, я бы с удовольствием повосхищалась, если бы не обстоятельства, но Обстоятельство было слишком близко. И, к тому же, снова подцепило меня под локоть, направляя в сторону стеклянных дверей. С квартирой я погорячилась, конечно. Это был настоящий дом в доме. То есть реально дом: стеклянный холл раскрывался лестницами, уходящими наверх. Наверху эти лестницы соединялись площадкой второго этажа, роскошная дизайнерская люстра (наслоение сдвинутых в параллельных плоскостях друг от друга светящихся колец) давала столько света, что было вообще без разницы, день сейчас или ночь.

Мебель ультрасовременная, все в черно-белом цвете, никаких вырвиглазных декоров. На стенах — голографические корпусные панно, виды залитого дождем ночного Мериужа, из-за чего огни расплывались кляксами.

— Сюда, — плащ у меня опять отобрали, и Вайдхэн увел меня вправо за лестницу. За ней, как выяснилось, отлично скрывалась

высоченная широкая арка, сквозь которую мы и попали на кухню. Где на высоком столе, окруженном барными стульями, уже был накрыт ужин. Такого я не ожидала, поэтому запнулась прямо у арки и остановилась, а в следующий момент раздался какой-то дикий скрежет и верещание. Я едва успела обернуться, когда мимо меня пронеслась мощная черная туша и закрутилась вокруг Вайдхэна, хлопая метровыми крыльями, подпрыгивая и вирча.

— Дрим, сидеть.

Виар плюхнулся на попу и заколотил хвостом с такой силой, что, казалось, мраморной плитке сейчас придет конец. Это существо было гладко-кучерявым, в смысле, шерсти у него было очень мало, и она была скручена в тугие колечки. Когда поднимались чешуйки, поднималась и шерсть, поэтому сейчас он напоминал кого-то с очень короткой стрижкой после неудачной долговременной укладки. Полностью черный, с одной только полоской рыжины на передней лапе и ярко-оранжевыми глазами, он переминался с лапы на лапу и на удивление умилительно вирчал.

— Ты знаешь правила. На кухню во время еды не заходим, — только Вайдхэн умел выражаться так, словно льдину жует.

Вирчания стало меньше, виар опустил голову.

— На выход.

— Он же вам обрадовался! — не выдержала я, когда, сложив крылья, мимо меня прошлепали очень печально и скрылись где-то за лестницей.

— Она.

— Она?

— Это девочка.

— Тем более! Девочки любят ласку.

— Всем нужна дисциплина. Бойцовским виари — особенно.

— Какое счастье, что я не ваша виари! — я в сердцах поставила сумку на барный стул. Зачем — непонятно. — Что это?

Обвела взглядом накрытый стол.

— Зачем?

— Это ужин. Или, если хочешь подробностей, еда. Ее едят.

— Да неужели?

— Руки можно помыть там, — Вайдхэн кивнул в сторону двух раковин, вырастающих над рабочими поверхностями столешниц.

— Можно, да?

— Не дерзи, Аврора.

Сказала бы, я кто здесь дерзит, но боюсь, двумя словами это не ограничится. Поэтому, подтянув рукава водолазки, направилась к раковинам. Кухня была очень просторная, от рабочих поверхностей стол, за которым нам предстояло есть, отделяло метра три, а то и четыре. Как говорит Зои, хоть в гратхэнд[1] играй, и все тоже оформлено очень гармонично. Правда, стекла стало меньше, зато больше металла и камня. Готовить здесь было бы одно сплошное удовольствие! Не говоря уже о том, как здорово, что есть где развернуться и при этом не треснуться бедром о какой-нибудь ящикек, столешницу или стол.

Как в барах, здесь бокалы висели ножками вверх, а чуть поодаль в специальных ячейках устроились вина, одну такую бутылку вина Вайдхэн вытащил после того, как ополоснул руки рядом со мной. При этом задев меня бедром! Я резко отступила и сунула руки под сушилку. Брызги полетели в разные стороны, в том числе мне в лицо.

— Присаживайся, — он отодвинул для меня стул как раз напротив панорамных окон. По сути, здесь вся дальняя стена была панорамной, и смотреть бы через нее не пересмотреть: вид на ночной город открывался просто огонь!

— Нет, — я отточенным жестом накрыла бокал, когда Вайдхэн попытался налить мне вина. — Я не пью.

— Я не заставляю тебя пить, Аврора. Это просто легкая приправа к ужину.

— Совсем.

— Именно поэтому вчера твой друг покупал веоланское?

Я замерла на стуле.

— А вы не шутили, когда говорили про то, что вам будет известно обо мне все. Но во-первых, это все еще вмешательство в частную жизнь, во-вторых, вы не знаете, пила ли его именно я, а в-третьих, с друзьями я отмечала то, что мой сын остается со мной. С вами мне отмечать нечего.

Его взгляд потемнел так, что закрывающая бокал рука стала слабенькая, как перышко. В меня ударил звериный тяжелый взгляд, а в следующий момент он просто убрал мое запястье и добавил вина в мой бокал. После чего наполнил свой.

— За нашу встречу, Аврора.

Его рука оказалась подозрительно близко от моей, а учитывая, что он уже успел снять пиджак и остался в одной рубашке, прикосновение вышло бы не менее интимным, чем то, у раковин. Поэтому я отодвинулась и сложила руки на груди.

Темные глаза Вайдхэна потемнели еще сильнее. До черноты.

— За нашу встречу, — повторил он, глядя на меня в упор, и по ощущениям от этого милого тоста вино должно было выпрыгнуть из бокала и влиться в меня само. К счастью, оно этого не сделало, и, окончательно констатируя свое нежелание пить, я отодвинула бокал.

— Наша встреча то, что скорее стоит запить с горя. К моему величайшему сожалению, я не выбираю этот способ расслабиться, поэтому оставьте себе. Мне не нужен ваш ужин, мне не интересна ваша компания. Вы привезли меня сюда, чтобы кормить и отмечать наше знакомство, или все-таки перейдем к тому, зачем вы меня сюда на самом деле привезли?!

Вайдхэн поставил свой бокал так резко, что раздался жалобный звон, а несколько капель вина взлетели в воздух и растеклись бордовыми кляксами по столешнице. В меня снова ударило знакомой уже силой черного пламени — так резко, что из груди выбило дыхание, а в следующий момент правящий поднялся.

— Как скажешь, — его ладонь легла на мою талию так быстро, и я так быстро слетела со стула, как если бы меня сдуло ураганным ветром Олиеттских пустошей. — Переходим к тому, зачем я тебя сюда привез. Раздевайся, Аврора.

[1] Известная спортивная игра, по которой ежегодно проходят мировые чемпионаты. Так же допускается как командная игра на Соурские игры.

Глава 13

— *Раздевайся.* В машину. Ужинать. Пить вино. Вы со всеми женщинами так общаетесь, или это исключительно мне так везет? — я шагнула к нему вплотную. Правда, из-за этого пришлось задрать голову, иначе я бы смотрела ему в грудь в районе сердца. Не уверена, правда, что оно там есть, а если и есть, то наверняка черное, как его пламя. — Хотите, чтобы я разделась — раздевайте сами. Трахать тоже будете сами, я вам помогать не собираюсь!

— Вот как, — это прозвучало очень холодно. Для черного пламени я бы сказала с перебором, а в следующий момент он кивнул. — Хорошо. Подними руки.

— Что? — опешила я.

— К сожалению или к счастью, я не знаю других способов снять водолазку, кроме как через голову. Рвать ее на тебе в лучших традициях театральных постановок я тоже не собираюсь, поэтому подними руки, Аврора. Раньше начнем — раньше закончим.

От бесконечно бесчувственных интонаций в его голосе меня бросило в дрожь. Я прекрасно понимала, что он сделает со мной все, что захочет, ему для этого не нужно мое разрешение или мое желание. При мысли об этом почему-то стало ужасно обидно и горько, как будто я была вещью или куклой, просто вещью или куклой, которая понравилась правящему ирлтану, и которую тот захотел.

— Долго мне еще ждать? — взгляд в упор, слова как удар пламени.

Я бы попятилась, но сзади оказалась столешница, которая врезалась мне в спину. Взгляд Вайдхэна с каждым мгновением становился все более страшным, и я просто сама, рывком выпуталась из водолазки. Пальцы дрожали, когда я расстегивала юбку сзади, но с ней я тоже справилась. А вот с бельем оказалось сложнее, я просто обхватила себя руками, не в силах расстегнуть бюстье, стянуть колготки или, что страшнее всего, трусики. Особенно под этим темнеющим взглядом, в котором разгорались искры, заставляющие меня дуреть. Он отказался говорить, как на меня действует его пламя, но сейчас на кухне словно выключили вентиляцию и на максимум включили обогрев. Губы мгновенно пересохли, кожа стала чувствительной, как во время высокой температуры.

Да что со мной творится, во имя неба?!

— Все, Аврора. Белье тоже. Снимай.

— Нет, — сорвалось с моих губ, и Вайдхэн пожал плечами.

Одним движением развернул меня к себе спиной, щелкнул застежками и отшвырнул бюстье в сторону. Его ладони легли на мои бедра, явно собираясь потянуть вниз колготки вместе с трусиками, и я дернулась.

— Не надо. Я сама.

Ему все равно. Он все равно меня разденет и сделает все, что собирался, так какая разница. Чем меньше будет его прикосновений — тем лучше! Я выпуталась из остатков одежды, сбросила туфельки и вздрогнула, коснувшись босыми ступнями пола. После того жара, в который я окунулась, мрамор показался мне сейчас просто ледяным, и эти ледяные иглы на контрасте вонзились в кожу, заставив меня вздрогнуть и задрожать.

И это при всем при том, что менее горячо не становилось, напротив. Мне казалось, что воздух становится густым и горячим, как в эпицентре пламени, поэтому каждый вдох давался с трудом. Чтобы не показаться трусихой, я резко повернулась — и наткнулась на взгляд, в котором не осталось ничего человеческого. Мне не доводилось раньше сталкиваться с иртханами настолько близко, поэтому сейчас я просто стояла и смотрела в глаза, которые располосовали звериные зрачки. Эти зрачки, о которые билось оранжево-черное пламя, сгущающееся с каждой минутой и все больше превращающее Вайдхэна в зверя. У него даже скулы заострились, словно подчеркнутые каймой чешуи, в одно мгновение мне показалось, что иртхан сейчас швырнет меня на столешницу и прямо так и возьмет, вместо этого он отступил. Крылья носа хищно дрогнули, когда он протянул мне руку.

— Надевай туфли, Аврора.

— Ч-что?

— Надевай. Туфли.

Может, если бы у меня была эффектная эротичная шпилька, это выглядело бы не так странно, но сейчас это было просто дико, особенно диким было то, когда он повел меня обратно, через арку. В разгоряченную, обожженную его даже мимолетными прикосновениями кожу впивался прохладный воздух, не говоря уже о том, что я испытывала, когда представляла какого-нибудь вальцгарда, стоящего на страже жизни этого монстра. Вальцгарда, который может меня увидеть!

Я даже подавила желание зажмуриться, но в холле никого не оказалось. Никого не оказалось и на площадке второго этажа, куда мы поднялись. Вайдхэн толкнул дверь спальни, отрезая ею часть комнаты и панорамного окна, и указал на кровать.

— Вы оставите меня в покое? — еле слышно спросила я. — После того, как это случится?

Черное пламя полыхнуло так, что я чуть на задохнулась. На миг показалось, что вместо иртхана передо мной сейчас раскроется огненный вихрь, в котором я сгорю не то что до косточек, до порошочка.

— Посмотрим, — сухо произнес он. Сухо, как действительно могло бы говорить пламя, с треском пожирающее все вокруг. — На кровать. Лицом вниз.

— Пожалуйста, — предприняла еще одну попытку до него достучаться. — Не делайте этого.

— На кровать, Аврора.

Я сейчас умру. По крайней мере, мне так показалось — ничего более унижительного в моей жизни еще не было. Потом я вспомнила про Лара, про то, что выиграла суд, и сын остается со мной, и сразу как-то стало легче. В конце концов, это просто секс, а я буду изображать бревно. Кому понравится бревно? Никому! Тем не менее каждый шаг до постели казался мне невыносимо длинным, а каждый вздох — невыносимо громким.

Я все-таки до нее дошла. Остановилась. Поняла, что не могу.

Просто не могу! Я потом не смогу смотреть в глаза Лару, а на себя — в зеркало.

— Можете меня арестовать! — выдохнула резко, сжимая кулаки. — Можете предъявить обвинения в том, что я пыталась проникнуть в Ровермарк. Можете делать все, что угодно, но по своей воле я с вами спать не буду!

Выпалив все это на одном дыхании, так же резко обернулась и замерла. В спальне никого кроме меня не было.

Глава 13.2

Что?

От такого поворота событий я просто опешила. Даже посмотрела в сторону закрытой двери, ведущей, очевидно, в ванную. Правда, прячущийся в ванной Вайдхэн, стеснительно снимающий трусы, мне представлялся с трудом, но чем дракон не шутит. Приблизившись, распахнула ее и уставилась на такую же пустую полутемную ванную. Полутемную, потому что с моим появлением включился мягкий свет,

который слегка подсветил просторную душевую кабину, раковину и полочки, на которых лежали полотенца и стояли всякие пузырьки.

Да он издевается!

К счастью, на вешалке за полками висел халат, его я и сдернула, завернулась в него, потуже затянув пояс, после чего выглянула в коридор.

Никого.

Больше того, я даже не слышала его голоса, как если бы он вышел поговорить или просто ответить на срочный важный звонок. Ну и что мне теперь делать?

Чувствуя себя не просто странно, а полной идиоткой, я громыхнула дверью и направилась по уже знакомому пути вниз. Оказалось, в шоке я пропустила много всего интересного — например, вмонтированные в стену светильники, напоминающие драконий цветок. Драконьим цветком называли стеклянные кристаллы в пустоши, которые образовывались из песка под дыханием драконов. От высоких температур песок превращался в стекло, кристаллы спаивались от пламени, и такими вот красивыми стеклянными наростами торчали в небо прямо посреди безжизненных пейзажей. Особенно много их было в Лархарре, но и у нас тоже встречались. Светильники же представляли собой наполовину «вмурованные» в стену цветки, за счет специальной подсветки словно раскаленные драконьим дыханием здесь и сейчас.

Помимо необычных светильников на стенах еще было много картин. Красивые, ничего не скажешь, по ним становилось понятно, что Вайдхэн любит ночные мегаполисы. И дождь. Я это выяснила, когда прошла по коридору вправо, дабы увидеть хотя бы одну приоткрытую дверь, где может находиться правящий. Увы, все двери были плотно закрыты, на втором этаже царила такая тишина, которую можно резать ножом. Зато, когда я дошла до конца влево, выяснила, что оттуда открывается вид на бассейн, устроившийся на улице за высоченными панорамными окнами, и огромную гостиную, в которой не то что в гратхэнд играть можно, можно массовые мероприятия устраивать. Перегнувшись через перила, я оценила настоящий домашний кинотеатр, диван, светильники и прочую роскошь, владельца которой здесь тоже не наблюдалось.

Конечно, он мог быть где угодно, включая тот факт, что его могли настигнуть мои лучи поноса, и сейчас Вайдхэн, скрючившись, сидел в одной из этих роскошных спален, за плотно закрытыми дверями. Эта мысль вызвала кратковременную улыбку, которая тут же погасла, стоило вспомнить, как я здесь оказалась.

Пришлось возвращаться. Я все-таки спустилась вниз, оглядела по-прежнему пустынный холл и шагнула в арку, за которой осталась моя одежда. Надо собрать ее, и...

— Я уже думал, ты никогда не придешь. — Вайдхэн сидел за столом с бокалом в руке, лениво перекачивая вино со стенки на стенку, из-за чего оно ловило блики верхнего света и становилось удивительно красивым, насыщенно-красным.

Правда, вся красота вина и остальная мигом выветрились у меня из головы, когда я увидела свою одежду: ее сложили в обратном порядке. Повесили на спинку стула сначала водолазку, потом юбку, потом колготки, бюстье, и сверху, как флаг, красовались трусики.

К щекам прилила кровь, особенно когда Вайдхэн указал бокалом на стул.

— Садись, Аврора. Или так и будешь стоять в дверях?

Щеки запылали еще сильнее. То есть все это время, вот все — он действительно надо мной издевался?!

— По-вашему, это смешно?! — спросила я, сжимая кулаки.

— Да нет, мне не смешно с самого начала.

— С самого начала чего?

— Нашего с тобой знакомства.

— Я на наше знакомство не напрашивалась! — подлетела, сгребла одежду в охапку, стараясь спрятать нижнюю деталь туалета.

— Как по мне, так совсем наоборот, — он посмотрел на меня в упор. — Но мы на этот счет в мнениях не сходимся, не так ли?

— Вы прекрасно знаете, как я оказалась в Ровермарке! Все? Удовлетворили свое любопытство? Теперь я могу идти?

— Любопытство — по поводу чего? — он окинул меня взглядом с головы до ног.

Если бы можно было сильнее вспыхнуть, я бы вспыхнула.

— Мне не хотелось бы думать, что ты посчитала меня мужчиной, который берет женщин силой, — Вайдхэн поставил бокал на стол и

взгляд его стал опасным, — но ты именно так и подумала, не так ли, Аврора?

Если я брошу в него трусами, это опять будет воспринято как заигрывание?

— И вы оскорбились до глубины души и решили меня наказать, — я подавила желание бросить в него еще и бюстье, а сверху полить вином. Стоило вспомнить, как меня трясло, когда я раздевалась, а уж когда поднималась в его спальню, так захотелось и бутылкой в него запустить! Определенно, рядом с ним находиться не стоит, он на меня плохо влияет. — Ненавижу вас!

— Ненависть — это не совсем то, что ты ко мне испытываешь.

Я открыла рот, потом все-таки его закрыла.

— Это вам тоже ваша служба безопасности на хвосте принесла? — осведомилась язвительно.

— Нет. Это ментальная сила глубоководных драконов, мы очень тонко чувствуем эмоции людей. Как я уже сказал, Аврора, не отзывайся ты на мое пламя так остро, тебя бы здесь не было. А теперь садись.

— Без приказов у вас общение не получается?

— Нет.

Хлопнуть дверью (конечно, входной, арка была без двери) хотелось безумно. Развернуться, переодеться где-нибудь в уютном уголке и потребовать, чтобы меня отвезли обратно, но, во-первых, я не была уверена, что с ним это сработает, а во-вторых... во-вторых, захотелось как следует отомстить ему за то, что он заставил меня пережить. Поэтому я разжала руки, позволив одежде скользнуть вниз: без разницы уже, один раз на полу валялась, еще полежит, продефилировала к стулу, уселась на него, закинув ногу на ногу и произнесла:

— Хорошо. Один ужин — и, если я попрошу, вы просто отвезете меня домой.

Глава 14

— Уже ставишь условия, Аврора?

— Ну не все же вам ставить условия, — я облокотилась о стол и прямо, в упор посмотрела на него. — Так что?

На миг показалось, что в темных глазах мелькнула насмешка. Впрочем, в том, что касается его умения насмехаться, я ни разу не

сомневалась. Особенно после того, что он провернул.

— А если я откажусь?

— Если откажетесь — я просто сразу уеду домой.

Он прищурился.

— Нет? Тогда я пошла одеваться.

— Хорошо.

Хорошо? Надо было одеваться сразу?

— Но у меня тоже есть условия.

— О таком мы не договаривались.

— А как ты хотела, Аврора? Договор — будь то письменный договор, или любое устное соглашение — это всегда компромисс двух сторон. Хочешь уйти — я не стану тебя задерживать. Но если останешься на ужин, и, если я почувствую, что ты меня хочешь, я тебя не отпущу.

Да, со скромностью у него все в порядке. С ее отсутствием, в смысле, полным и безоговорочным. И это не считая того, что его самомнение размером с дракона, которое, когда Вайдхэн ходит по гостиной, полирует макушкой его высоченные масштабные потолки. С другой стороны, я почему-то действительно реагирую на его пламя, и как это самое пламя может на мне сказаться, я предугадать не могу.

— При условии, что вы не будете использовать пламя. Вообще. Если хотя бы капелюшечку его отпустите — сделка аннулируется.

— Ты уверена, что правильно выбрала профессию? — он хмыкнул. — Сдается мне, Доминику есть чему у тебя поучиться.

— Это врожденное, — я подперла руками подбородок. — Никакого пламени. Договорились?

— Договорились, — Вайдхэн кивнул.

Что? Вот так просто? Где-то подвох?

Какое-то время я молча смотрела на него, но его лицо оставалось бесстрастным. Настолько бесстрастным, насколько оно вообще может быть, больше того, в глазах — абсолютно человеческих — не осталось ни следа пламени, никакого жара я не чувствовала, и в целом все было на удивление, подозрительно спокойно. Наверное, пора было расслабиться, но мне почему-то не расслаблялось.

Он же словно это почувствовал, потому что поднял бокал.

— Теперь ты попробуешь вино сорокалетней выдержки, или мне снова придется тебя уговаривать?

— Попробую, — я все-таки подняла бокал.

Пить я не собиралась, а вот просто пригубить — навык, полученный на корпоративах в строительной компании, чтобы меня не домогались на тему «почему не пьешь» — пожалуйста. Вкус остался на губах, на удивление мягкий, но при этом с такими яркими ягодными нотками, что по первому впечатлению мне в бокал налили компот. Ароматный, терпкий, но при этом совершенно безалкогольный.

— По-моему, вас обманули, — заявила я. — Это не вино сорокалетней выдержки, это просто свежесваренный компотик.

По губам Вайдхэна скользнула улыбка: именно скользнула, как тень — раз — есть улыбка, два — уже нет. При всем при этом губы у него были очень красивые, даже учитывая резкость мужских черт и линий. Запнувшись об эту мысль, я глотнула вина уже по-настоящему, поперхнулась и закашлялась.

— Это вино из региона Нираз, — произнес Вайдхэн, дождавшись, пока я справлюсь со своей поспешностью. — Находится неподалеку от Веолани, где делают самое известное в мире игристое. Ты знала, почему драконы не трогают виноградники, Аврора, и когда впервые появилось вино?

Я бы хотела ответить, что знала, но увы, нет. Мне как-то не доводилось интересоваться виноградниками, поэтому я покачала головой.

— Виноградная лоза напоминает им о гнезде, которое сами драконы собирают из массивных колючих веток, они считают, что за этой лозой скрываются дети. Будущие драконята. Множество гнезд драконов на территории Раграна создавались именно в зарослях дикого винограда, поэтому они никогда не тронут то, что напоминает им о детях. Это инстинкт.

Я поставила бокал.

— Но драконы же живут в пещерах?

Вайдхэн покачал головой.

— Драконы живут везде. Они любят пространство и воздух, пещера для них скорее убежище или место, куда они уходят умирать. Сейчас их гнезда преимущественно на высоких отвесных скалах с широкими каменными площадками, хотя раньше были в долинах и в низинах, занавешенных зарослями диких виноградников. Наверх они ушли, когда после появления иртханов люди обрели возможность

выходить из-под земли. Каменная высота для них — их новая территория.

Я неосознанно хрустнула брускеттой и поняла это только тогда, когда почувствовала нежный вкус сливочного сыра и солоноватую остринку морепродуктов. Морепродукты! С ума сойти. Их же в нашем мире почти невозможно достать! И, кажется, я пропустила тот момент, когда брускетта переселилась с огромного блюда на мою тарелку. Явно не без помощи ирхана.

— Очень вкусно, — сообщила я под взглядом Вайдхэна и почему-то опять покраснела. Отложила брускетту. — Так что там с вином и с драконами? Я знаю только, что родина вина и веоланского — Рагран.

На его тарелке уже красовалась гора всего самого разного, в том числе и салат с морепродуктами.

— Что тебе положить, Аврора?

Я окинула взглядом стол, едой с которого можно было накормить десятерых. Здесь были и закуски, и горячее — на специальном подносе с подогревом, накрытое крышкой, и салаты, и всякие блюда, названия которых я даже примерно не представляла.

— Горячее, — сказала я, и на моей тарелке тут же возникла аппетитная дымящаяся горка овощей и мясных ломтиков, которую Вайдхэн полил умопомрачительно пахнущим горячим соусом, примостившимся в металлическом соуснике на подносе с подогревом. Он с этим управлялся так ловко, что я бы ни за что не поверила, если бы не увидела сама. Мне всегда казалось, что правящих обслуживает либо безразмерный штат прислуги, либо вышколенные официанты. В тот момент, когда я об этом подумала, он коснулся моей руки — когда к темному соусу добавлял еще и светлый.

Я не успела отдернуть пальцы, и меня прошило, обожгло внезапностью этого прикосновения, как если бы я дотронулась до огненно-горячей поверхности.

Глава 14.2

Впрочем, лучше бы я дотронулась до нее, потому что такой реакции на поверхности у меня не было: такой, когда одно короткое касание прошибает током, и этот разряд проходит по всему телу.

— На чем мы остановились? — уточнила я, убирая руку под благовидным предлогом: взять вилку. Второй взять нож и приниматься за еду.

— Вино и драконы.

Плохо сочетаются. Проверено. Иначе с чего мне так реагировать на прикосновения совершенно незнакомого мужчины, который для меня никто и привлекательным мне не кажется!

— Да. Вино и драконы, — многозначительно повторила я. — Итак?

— Первые виноградники — не дикорастущие, а именно те, из которых делали вино, появились у Антарго Лодаррского. Ему и его воинам приходилось путешествовать между городами сквозь пустоши в те годы, когда люди только-только осмеливались выходить на поверхность. Это были еще времена до возникновения Огненных земель, и именно тогда, в долгих походах, появилось первое вино. Появилось случайно, из размятого дикого винограда, сок которого использовали как добавление к травяным напиткам для вкуса. Одна бутылка случайно закатилась под тряпки на все время путешествия, и обнаружил ее слуга, разбиравший повозку.

— Ему повезло?

— И да, и нет. Он выпил почти всю бутылку, с непривычки очень быстро захмелел. Поскольку прислуге не полагалось никаких крепких травяных напитков — его тут же притащили к распорядителю, который очень быстро распорядился.

— По поводу чего?

— Чтобы его наказали плетью. Правда, предварительно выяснил, где тот взял запрещенный напиток, и остатки попали к Лодаррскому. Тот попробовал...

— И решил делать вино?

— Нет, скривился, выплюнул первое вино прямо на пол и сказал: что за гадость.

Я фыркнула.

— Потом до него дошли слухи про слугу, которого выпороли за пьянство, и он решил получше присмотреться к этому напитку. Первые попытки делать вино из дикого винограда проваливались по понятной причине — на вкус, предполагаю, действительно был полный отстой. Зато потом, когда одному из советников Антарго пришла в голову мысль, что если за виноградом ухаживать и растить, ягоды могут получаться более крупными, возможно, более сочными и с другим вкусом, все же появились первые виноградники.

— Получается, виноградники... то есть вино изобрел не Лодаррский? — уточнила я.

Лодаррского изучали в школе, он был одним из известнейших иртыханов древности, с которого началась цивилизация Раграна. Помимо этого, еще и самым большим деспотом, которого только можно представить: поскольку он стал иртыханом в числе первых, немногим позже пустынных шаманов, то обладал практически безграничной властью, а еще у него было шестьсот семьдесят жен и наложниц.

— Нет.

— Как звали советника?

— Увы, этого мы уже не узнаем. Лодаррский очень ревностно относился к тому, что придумывалось и изобреталось не им — он считал, что все, кто существует, существуют благодаря его милости и силе иртыхана, и что все, что создано, принадлежит ему. Поэтому он приказал казнить советника, а его имя и любое отношение к виноградникам вымарать отовсюду, где оно вообще могло фигурировать.

— Какой чудесный мужчина!

— Про шестьсот семьдесят жен и наложниц ты, разумеется, знаешь?

Я кивнула.

— Но вряд ли знаешь о том, что с женщинами он развлекался, мягко говоря, довольно нетрадиционно. Неудивительно, что его зарезала одна из наложниц. Тем самым ножом, которым он вырезал на телах своих женщин и жен узоры.

Да, такую информацию в школе не рассказывали: я даже вилку отложила, чтобы не поперхнуться еще раз.

— Веоланское значительно моложе, — тем временем продолжал Вайдхэн, — и в его истории, к счастью, нет выпоротых слуг, казненных советников и жен с узорами на телах.

— Это радует, — я осторожно подцепила тонкий ломтик мяса вилкой и отправила в рот.

— Здесь все тоже было не так просто, но оставим эту историю на потом. Расскажи о себе, Аврора.

— Что именно? — приподняла бровь. — Вы же знаете обо мне все.

— Я не знаю о том, что ты любишь в сексе.

Ломтик мяса я уже прожевала, а вот овощные кусочки пошли не туда. Мне пришлось как следует прокашляться, прежде чем я подняла взгляд на по-прежнему невозмутимого Вайдхэна и спросила:

— Для вас это в порядке вещей?

— Что именно?

— Задавать малознакомой женщине такие вопросы.

— Не так давно ты уверяла, что я знаю о тебе все.

— Не перекручивайте! — вилка возмущенно звякнула о каменную столешницу: черный мрамор с темно-золотыми прожилками отлично вписывался в интерьер кухни, а вот я совершенно не вписывалась в компанию этого... ирлхана без комплексов! — Я знаю вас всего два раза...

Вайдхэн хмыкнул, а я прикусила язык.

— Вы вообще о чем-то другом думаете?!

— Мне много о чем приходится думать, Аврора — по роду деятельности. Но рядом с красивой, соблазнительной женщиной я точно думаю не о драконах, не о вине и даже не о политике. Я думаю о том, как буду снимать с нее одежду. Медленно, нежно и упоительно.

Он сказал это так, что краска снова плеснула мне на щеки и побежала по всему телу вскипевшей кровью, как будто я не слегка пригубила вино, а выпила полбутылки, как тот слуга, и теперь на бровях подползала к распорядителю.

А-А-А-Аврора! Переключаемся, переключаемся! Он же только этого и ждет!

Я потянулась к графину и плеснула себе воды в стакан, выпила залпом.

— После кашля, — пояснила ему. И тут же добавила: — Я считаю неэтичным говорить на такие темы с мужчиной, которого почти не знаю.

— Хорошо. Что ты хочешь обо мне знать?

Что? Вот так просто?! Ну нет.

— Расскажите мне про свою первую любовь, — произнесла я. — Какой она была?

— Нет, — это прозвучало резко и очень холодно.

Настолько холодно, что впору проверять, не в Ферверне ли мы, где снега укрывают города и пустоши чуть ли не десять месяцев в году,

а тепло приходит исключительно чтобы немного подразниться.

— Ну нет так нет, — я пожала плечами. — В таком случае, про секс мы тоже не разговариваем.

Странно, но кажется, после этого моего замечания он и сам не горел желанием говорить про секс. И вообще про что бы то ни было в принципе: мы на удивление синхронно жевали и не смотрели друг на друга. Не скажу, что я очень сильно расстроилась, хотя отчасти, наверное, все-таки да. С Вайдхэном оказалось интересно разговаривать — и про драконов, и про вино. Сейчас, когда мы оба молчали, на кухне снова стало неуютно.

Еще неуютнее стало в тот момент, когда мы закончили есть: в меня бы при всем желании не влезло больше ничего кроме того, что он уже положил мне на тарелку.

— Ты выиграла, Аврора. — Это прозвучало ну очень неожиданно.

Если честно, тем неожиданнее, чем я вообще могла себе представить — по моему мнению, такие как Вайдхэн никогда не признаются в проигрышах.

— Но прежде чем тебя отвезут домой, хочу предложить еще один раунд. Не сегодня. Завтра или послезавтра.

Да, я была права. Не умеют.

— Хотите отыгаться? — уточнила я, глядя ему в глаза.

— Разумеется.

Разумеется. Его правящему всеиртханейшеству стало неожиданно скучно, а тут такая интересная дичь нарисовалась. Мимо охраны бегают, с боем прорываются в кабинеты Ровермарка. Интересно, какая она в постели? Не уверена, что я точно угадала ход его мысли, но проверять совершенно не хотелось.

Поэтому я промокнула губы салфеткой и спрыгнула со стула.

— Простите, но нет. Я не из тех, кто играет в такие игры, риамер Вайдхэн. Вы дали слово правящего, и, согласно ему, я теперь свободна от вашего общества. Не так ли?

Взгляд его снова полыхнул, но теперь уже он мог использовать пламя так или иначе. Меня окатило им с головы до ног, встряхнуло от яростной силы, а после мне указали на арку.

— Переодеться можешь в спальне.

— Благодарю.

Переоделась я быстро, и, когда спустилась, в холле уже стоял вальцгард, держа мой плащик наперевес, врасстопырку. Мне оставалось только в него запрыгнуть — в плащик, разумеется, и поблагодарить за помощь. Потом меня проводили ко флайсу, уже к другому, в котором тоже пахло дорогой отделкой и элитным парфюмом, но заднее сиденье было обычным, двойным. Еще здесь не было перегородки, поэтому я могла видеть плечи водителя и ершик коротко стриженных волос. Взгляд тоже — в зеркале заднего вида, но на меня взглянули лишь единожды, когда произнесли:

— Добрый вечер, риам Этроу. Я отвезу вас домой.

— Добрый вечер.

Его имени я не знала, а представляться он не торопился, поэтому этим наше общение и ограничилось. Флайс мягко оторвался от посадочного места и пошел вверх сразу же, без движения к проводному рукаву, как поднимались со всех парковок простые смертные. Правда, Вайдхэн от простого смертного был далек так же, как я от него. От его жизни. От политики и от всего, что могло произойти в моей жизни, согласись я сегодня провести с ним ночь.

Нет, мы с ним родились на разных полюсах, и пусть все так и остается. Я даже толком не прикасалась к Черному пламени, но уже успела обжечься. А если бы прикоснулась... нет, один раз полыхнуть до неба, чтобы после сгореть дотла — это точно не про меня.

Поэтому сейчас я в последний раз посмотрела на отдаляющийся пентхаус и отвернулась, а, спустя мгновение, флайс уже развернулся к аэромагистралам, и теперь чтобы посмотреть на квартиру Вайдхэна, мне пришлось бы свернуть шею. Шея была мне дорога, поэтому я не смотрела. Вот только почему-то до сих пор чувствовала на себе странный, пронизывающий взгляд. Как если бы он стоял там, внизу, и смотрел на меня.

Глава 14.3

Черное пламя Раграна

Сколько раз за сегодняшний вечер он стоял в полушаге от того, чтобы взять эту женщину — прямо там, на кухне, или в спальне, или по дороге в спальню, или везде, во всех этих местах, а потом еще продолжить в душе — не перечить. Она, похоже, на самом деле не понимала, как на него действует, но он не хотел так. Поэтому просто стоял и смотрел, позволяя холодному воздуху поздней осенней ночи

скользить по разгоряченной коже. Смотрел, как флайс уносит ее все дальше, дальше и дальше. В тот район, в ту жизнь, которая несоизмеримо далека от него.

Гораздо дальше, чем несколько лет назад, хотя и в те годы эта жизнь была от него далека, просто тогда он считал иначе. Думал, что сможет получить, завоевать женщину, которой нет до него никакого дела. При мыслях о *ней* по венам всегда бежал огонь ярости, но сегодня мимолетные воспоминания отзывались лишь тонким эхом раздражения. Временами ему казалось, что справиться с чувствами к *ней* не получится никогда, но сегодня даже справляться ни с чем не пришлось.

Кроме сумасшедшего безудержного желания сделать Аврору Этроу своей. Делать ее своей снова и снова, до тех пор, пока упрямое выражение неприятия на ее лице не сменится осознанием того, что она тоже этого хочет. Пока с ее губ вместо резких саркастичных слов не будут срываться стоны и крики наслаждения. Пока она не назовет его имя...

И вот эта мысль уже совершенно точно была лишней. Он почувствовал, как она врезалась в силу пламени, металлическим обручем стягивая полыхающую в нем мощь. Одно лишь прикосновение к этой женщине способно было вывести его из себя, и это точно был отклик пламени. Отклик зверя, который своей растущей с каждым днем силой сводил его с ума.

Отклик сильнейшего из драконов мира на самую обычную женщину.

Быстрый набор. Всего два гудка.

— Трин, — его секретарь знала, что на связи надо быть всегда, в любое время суток, — выясни, когда Ландерстерг сможет со мной переговорить. Это срочно.

«Верт»[1] отправился в карман брюк, а сам он продолжал смотреть в небо, где флайса, уносящего ее, уже, разумеется, не было видно. Когда на такой высоте отключаешь щит, ветер начинает разъяренно хлестать порывами, даже если внизу безветренная погода. Здесь, наверху, его территория, но здесь наверху еще и территория драконов. В том прошлом, о котором он говорил с Авророй сегодня, драконы с трудом признавали, что земля больше не принадлежит им. Тем не менее силу первым иртвахам они передали добровольно.

Именно силу, не кровь, как было с матерью Ландерстерга, хотя многие считали, что это одно и то же.

Меньше всего ему хотелось общаться с ним, и еще меньше — видеть ее. Его жену.

«Расскажите мне про свою первую любовь. Какой она была?»

Надо признаться, Авроре здорово удалось его осадить. Нет, она вряд ли знала о том, что его первой любовью стала Лаура Хэдфенгер, ныне Лаура Ландерстерг, первая ферна Ферверна. Тем не менее удар получился отличным и отрезвляющим, гораздо более действенным чем ледяной душ или ветер, под порывами которого он сейчас стоял.

— Риамер Вайдхэн? Поднять щит?

Чтобы это спросить, вальцгарду пришлось повесить голос под свистящими порывами ветра, и он осознал, что стоит здесь довольно долго. Несмотря на силу иртехана, несмотря на военную выправку говорившего, тот уже выглядел, мягко говоря, замерзшим, и он кивнул. Развернулся и направился обратно в холл, напоследок поймав легкое колебание щита, отрезавшего парковку от стихии.

Ее запах. Когда он впервые почувствовал ее запах — тонкий, фруктовый аромат на коже с какими-то простенькими нотками недорогих, но не резких духов — из груди словно выбило воздух. Своих женщин иртеханы чувствуют как драконы, всеми органами чувств разом: начиная от эмоций и силы взаимного притяжения и заканчивая ароматом, прикосновениями, звучанием голоса, отдающимся вибрациями в собственной груди.

Проблема заключалась в том, что Аврора Этроу не могла быть его женщиной. У иртеханов, как и у драконов, основа взаимного притяжения — притяжение пламени. С этого начинается возможная совместимость, без пламени ничего не получится. Да, может быть страсть, может быть зажигательный секс, но не более. Притяжение: безумное, животное, звериное — это не про людей.

Аврора Этроу — человек. Он проверял ее родословную по таким каналам, о существовании которых знают немногие, в ее прошлом не было никаких тайн. Никаких роковых исчезновений, никаких экспериментов над людьми, ни-че-го. Она родилась в обычной неблагополучной семье, не имеющей никакого отношения ни к иртеханам, ни к драконам. Девушка с самым заурядным прошлым.

Девушка, которая почти стала его наваждением.

Ключевое слово «почти». Больше он этого не допустит.

«Верт» завибрировал в кармане, и он ответил сразу:

— Слушаю.

— Риамер Вайдхэн, ферн Ландерстерг готов переговорить с вами сейчас. Мне связать вас, или вы сами наберете?

— Наберу сам. Спасибо.

Тогда, когда в Рагране, или, если быть точным, в Мериуже уже глубокая ночь, в Хайрмарге, столице Ферверна, расцвет дня. Он на мгновение замер, вспоминая все годы, проведенные в северной стране: его жизнь большей частью прошла именно там, именно там была открыта его первая практика, именно там он стал известным на весь мир кардиохирургом, на имя которого ехали со всего мира. Сотни спасенных жизней и единственная, собственная, оказалась обманом. От и до.

Торнгер Ландерстерг ответил еще быстрее, чем Трин — после первого гудка.

— Вайдхэн. Чем обязан такой чести?

Что ни говори, а отношения между ними никогда не были теплыми, насколько вообще могут быть теплыми отношения с правящим самой холодной страны мира, не говоря уже о том, что они были соперниками.

— Мне нужен доступ ко всей информации о глубоководных, которая у тебя есть.

— Разведка плохо работает?

Иногда у Ландерстерга просыпалось чувство юмора. Такое же дремучее, как заснеженные леса фервернских пустошей.

— Отвратительно, учитывая наше с тобой соглашение о предоставлении любой информации о глубоководных по запросу и моем полном невмешательстве в твою страну.

— Думал, ты вообще никогда не спросишь.

— Раньше повода не было.

— Сейчас появился?

— Что, разведка плохо работает?

Ландерстерг хмыкнул.

— Это не телефонный разговор, Вайдхэн. Я бы предпочел обсудить это в личной беседе.

— В личной так в личной. — Он и не думал, что они станут обсуждать это по телефону. — Когда?

— Когда ты сможешь быть в Хайрмарге?

— Через пару часов устроит?

— Через пару часов у меня совещание, через пять — вполне.

— Договорились.

Он нажал отбой и посмотрел на часы. Осталось пять часов до встречи со своим прошлым.

[1] Самый известный мировой бренд смартфонов.

Глава 15

— Аврор-р-ра, — рычание моего имени прокатилось по телу очередной обжигающе-яркой лаской. Такими же обжигающе-яркими были и прикосновения: когда каждая клеточка превращается в оголенный пульсирующий нерв. Его ладони скользили по моей коже, пробуждая чувствительность. И чувственность.

Сколько у меня никого не было?

С той самой ночи. С той самой ночи, как Карида стал моим первым. И единственным.

Вот только все мысли о Кариде растворяются и меркнут, стоит взглянуть в затягивающие черные топи, какими сейчас кажутся глаза Вайдхэна. Клубящееся в них черное пламя придает его облику не просто что-то звериное, а что-то по-настоящему хищное и притягательное. Настолько притягательное, что, когда его руки ложатся на мою грудь, а сильные пальцы сдавливают и перекатывают чувствительные вершинки — кажется, мне уже достаточно одного этого прикосновения, чтобы содрогнуться от горячего, растущего внутри наслаждения.

— Нет, — упрямо говорю я. Или выдыхаю. Вместо стона, который, кажется, пламенем клубится в груди — как клубятся в черных глазах огненно-колющие искры, словно оторвавшиеся от языков пламени брызги, раскаляющие ночь.

— Нет? — взгляд темнеет сильнее, ночь сгущается. — Ты мне проиграла, Авро-р-ра, — даже само мое имя звучит так, что отзывается во мне, в груди, разрастаясь острым тягучим жаром.

— Проиграла — тогда делайте это быстро! — упрямо говорю я и упираюсь ладонями ему в грудь, как будто на самом деле могу оттолкнуть дракона.

Но я не могу, а черное пламя, бьющееся в его глазах как запертое в клетке, с силой ударяет в меня. Ударяет, выплавляя из головы все мысли. Все до единой, кроме безумного желания впитаться в резкие, жесткие, но такие красивые губы, которые почти касаются моих. Но лишь для того, чтобы выдохнуть:

— Как скажешь, Аврор-р-ра, — вслед за пламенем в меня ударяет рычание, а после он резко разводит мои бедра и — одним рывком, на каком-то сдавленном выдохе — мы становимся единым целым. Мне казалось, это будет больно, еще больнее, чем было с Каридом — после такого долгого перерыва, но эти мысли тоже теряются, растворяются, тают, сгорают во всепоглощающем окутывающем нас пламени.

Нет ни крупицы боли, лишь долгое сладкое чувство.

Чувство растянутости, чувство полного единения, а еще чувство, что кроме нас и полыхающих вокруг черных лент, скрывших от меня комнату, не осталось ничего больше. Есть только мы и наше дыхание, застывшее, как и мы на мгновение в едином порыве. А после срывающееся с губ рывками в такт движениям, обжигающим, плавящим, сумасшедше-яростным.

И я, сначала выдыхая, позволяю вырваться из себе первому стону.

За ним — второму...

Глубокий взгляд, ударяющий в меня, ударяет так же остро, как каждое движение, там, внизу.

— Мне нравится, когда ты такая, Аврор-р-ра, — произносит он. — Мне нравится, когда ты кричишь... подо мной.

И ритм нашего единения превращается в танец пламени. Такой же безумный, рваный и дикий, не сдерживаемый ничем. Под моими пальцами — литые мышцы, кажется, сотканые из силы огня, его ладони на моих бедрах, и ленты пламени окутывают нас нестерпимым жаром. Все плотнее, скользя по коже, обжигая и заставляя содрогаться в ожидании большего.

Когда оно приходит — вспыхивая, взрываясь во мне таким безумием наслаждения, что в груди просто не хватает воздуха на стон, а после его становится столько, что выдох взрывается криком, я вздрагиваю всем телом. Дрожу и рассыпаюсь искрами пламени — снова и снова, снова и снова, снова и снова...

— Ма-ам!

Пальцами вцепляюсь в простыни.

— Ма-ма!

Резко открываю глаза. Что?!

На постели сидит Лар и смотрит на меня:

— Мама! Ты так кфичала, и я как настояфий муфчина пфишел тебя спасти!

Глава 15.2

Щеки все еще пылали, не говоря уже о том, что творилось со всем телом. Пришлось приложить ладони к лицу, чтобы хоть немного унять жар, но не получалось.

— Ты меня уже спас, драконенок, — обняла сына и тут же его отпустила. Посмотрела на часы: раннее утро, за окнами по-осеннему темно, рассвет еще часа через два.

— Пфавда? — Лар расплылся в улыбке.

— Правда. Кто тебе рассказал про настоящих мужчин? — спросила, чтобы немного отвлечься самой. Слишком ярким был этот сон, но, что самое странное, еще и очень реалистичным. Я всем телом чувствовала текущие по нему ласки, и огонь, врывающийся в меня, и... не только огонь. На этом моменте я покраснела и порадовалась тому, что в комнате темно — только редкий свет от окон соседних домов и пытается дотянуться, но тщетно.

— Даг! И Зои. Зои сказала Дагу: ты у меня нафтояфчий муфчина! А я спфосил, что это. Спро-сил! Что это. Даг сказал — настояфчий муфчина всегда спасает жен-щин! И помогает им! Вот!

— Чудо ты мое расчудесное, — я улыбнулась. — Спать больше не хочешь?

— Нет!

Лар положил игрушечного драконенка рядом, а сам вскочил и принялся от души прыгать на моей постели. Обычно я такое не поощряла, но сейчас только смотрела, как веселится мой сын. Я помнила все наши совместные дни, помнила, как и что было до мелочей. С ним. Но не со мной. Про себя я почти не помнила, что-то делала на автомате (например, когда забрасывала вещи в стиральную машинку или убиралась), а что-то — по необходимости: работа, танцы. Вчера, пожалуй, впервые за долгое время я вернулась в танец по-настоящему. Всем сердцем. Искрила, горела, полыхала на сцене.

До вчерашнего дня все мои чувства, вся моя любовь сходились на Ларе, но именно угроза его потерять, именно счастье от того, что я

обрела его вновь, помогло мне чувствовать так ярко, так остро, так огненно.

Вот только что, спрашивается, это было? Во сне.

— Ну все, хватит! — я попыталась схватить сына, который явно вознамерился пропрыгать дырку в моей постели, но Лар, заливисто хохоча, отпрыгнул в сторону. — Лар!

— Уи-и-и-и!

— Лар, — повторила уже строже, но сын и не думал униматься. Попыталась перехватить — отбежал в ноги и принялся прыгать там.

— Ну все! Сейчас я тебе...

Я сделала вид, что пытаюсь перехватить его слева, а потом быстро поймала справа. Под оглушительный визг опрокинула на постель, щекоча живот и подмышки.

— Кто хулиган?! Драконенок самый большой хулиган!

Лар заливался смехом, брыкался, визжал, верещал, а я продолжала его щекотать, улыбка у меня при этом у самой была до ушей. Отсмеявшись, отпустила сына, и он схватил игрушку, выставил ее перед собой, как щит.

— Спать не хочешь — иди к себе. Одевайся, — скомандовала я, и Лар, показав мне язык, сорвался с постели и убежал в свою комнату. Я же крикнула ему вслед: — Приду через десять минут и проверю.

Я приучала его к самостоятельности с тех самых пор, как он научился твердо стоять на ногах: и ему, и мне это нравилось. Ему нравилось то, что он сам одевается — это же так круто, особенно круто стало, когда однажды это увидела Зои и умилилась вслух. Потом Лар даже стягивал кофточку при ней, чтобы надеть ее снова и показать, как он умеет. Что же касается меня, я всегда была за то, чтобы мой ребенок сам мог одеться даже сейчас. Да, временами приходилось по десять раз его переодевать, когда Лар умудрялся надеть свитер или брючки наизнанку задом наперед, но это того стоило. А какой радостью сияли его глаза, когда у него все получалось с первого раза!

Ненадолго оставшись одна, я все-таки откинулась на подушки, снова прижала ладони уже не к таким горячим щекам. Сон не желал выветриваться из головы, больше того: наяву он все больше раскрывался томительно-сладкой пульсацией внизу живота. Тело стало чувствительным — невыносимо-чувствительным, настолько, что мне

до одури хотелось себя касаться, чтобы продлить эти сумасшедшие ощущения. Вместо этого я вскочила, наскоро умылась, расчесала и стянула волосы в хвост, быстренько переделась в домашнее — лосины и майку, и направилась в комнату к сыну.

Несмотря на то, что я сказала ему «десять минут», я всегда давала Лару достаточно форы. Достаточно для того, чтобы одеться и уже скучать в ожидании, когда же я появлюсь, а не торопиться, попадая мимо штанин и рукавов.

— Я готов! — крикнул Лар, стоило мне войти.

Сегодня он все надел правильно — разве что маечка чуть задралась наверх, и я улыбнулась:

— Классный драконенок! Зубы готов чистить?

— Да! — Лар кивнул.

— Тогда вперед. В ванную.

Ванная у нас была одна, я подтянула ногой детскую подставку, чтобы он мог дотянуться до раковины, и Лар на нее взобрался.

— Щетка. Подставляй!

Лар дотянулся до своей щеточки и повернул ее щетинкой вверх.

— Р-р-р-р-р! Грузовой флайс с пастой прибыл, — я повернула тюбик с детской пастой пипкой вниз. — Доставку готовы принять?

— Да!

— Тогда принимайте!

Почистив зубы, мы направились на кухню, где я усадила Лара в его высокое кресло и повернулась к нему.

— Так. Времени у нас сегодня просто с самую высокую гору. Можем приготовить печенье. Или мини-сэндвичи. Что будем готовить?

— Печенье!

Ну кто бы сомневался.

Пока я делала тесто, Лар развлекался с формочками, переставляя их в одному ему известном порядке.

— Мам! А Ния сегодня придет?

— Сегодня я дала ей выходной. Мы с тобой только вдвоем, — раскатала тесто на противне.

— У... — произнес сын, передвигая формочку дракона к формочке горы.

— Хочешь, чтобы она пришла?

— Да!

— Завтра, дорогой. Что у тебя тут?

— Дфакон... дракон летит к го-ре!

— И что у него там.

— Другой дракон!

— Что они будут делать?

— Драться!

Две формочки и правда столкнулись со звяканьем, «гора» чуть было не улетела на пол, к счастью, я ее вовремя поймала.

— Давай-ка лучше попросим двух драчунов помочь нам сделать печенье. Чтобы оно было не только вкусным, но и красивым. Почему они вообще подрались?

Лар фыркнул:

— Из-за горы!

— Зачем из-за нее драться?

— Дфакона два! А го-ра одна!

— Но ведь гора большая. Ее на двоих вполне хватит.

— Нет! Дф... дракон хочет, чтобы гора была только его!

Я подперла подбородок ладонью.

— Ладно. Хочешь повырезать фигурки?

— Да!

Следующие полчаса мы вырезали фигурки на нескольких противнях, потом я загружала их по очереди в духовку и одновременно готовила кашу. Кашу надо было съесть до печенья, так же, как и детские мясные рулетики. Себе на скорую руку соорудила сэндвич, и, когда мы наконец добрались до печенья (я с кофе, а Лар с молоком), на улице было уже светло. Я проверила погоду — сегодня обещали облачность без дождя и довольно-таки слабый ветер, а это значило, что можно пойти погулять на детскую площадку. Не сейчас, а через часок, когда хотя бы относительно разогреет.

— Почитаем книжку или будем собирать фразы из кубиков? — спросила я, когда закончила мыть посуду.

— Книжку!

Кубики Лар не любил. Ему больше нравилось погружаться в сказочные миры, чем что-то там собирать, хотя с буквами он уже подружился, и слова собирал правильно, и даже простые фразы. С цветами и формами у него тоже все было в порядке, все детские задачки на логику он щелкал как орешки. Впрочем, чтение книжки я

тоже старалась не делать пассивным, а понемногу, по одному-по два предложения в день приучала его читать, благо, во всех детских книжках была встроенная функция «кубиков», когда слова и фразы из рассказов можно было собирать прямо внутри книжки, а потом приятный женский голос их повторял.

Мы почти закончили читать, и я собиралась уже предложить Лару погулять, когда мой смартфон «распелся» голосом Сибриллы Ритхарсон, известной фервернской певицы. Она пела как на фервернском, так и на аронгарском, и, хотя в случае фервернского я ни слова вообще не понимала, мне было в удовольствие слышать эти резкие, сильные рычащие интонации в невероятно мощном, наполненном безумной энергетикой голосе. Разумеется, перевод названия и текста этой песни я уже давно посмотрела в сети — «Свобода на крыльях» — но стояла она у меня на общий звонок. То есть на незнакомые номера.

— Да? — ответила, поднося трубку к уху и зажимая ее между ухом и плечом, чтобы одной рукой держать планшет, а другой перелистнуть страницу, чтобы показать Лару голографические картинки.

— Риам Этроу? — раздался в трубке смутно знакомый голос с акцентом.

— Да.

— Простите. Надеюсь, что не рано. Просто я только сейчас решила вам позвонить... Меня зовут Наррина дель Рандаргим. Я мать Кариды. Я знаю, что о многом прошу, но не позволите ли вы мне перед отъездом увидеть внука?

Глава 15.3

Хаймарг, Ферверн

Черное пламя Раграна

— Ни разу? — уточнил он.

В слова Ландерстерга все еще верилось с трудом. В то, что ни разу с того дня, как все произошло, глубоководные больше не подходили к берегам Ферверна.

— Ни разу, — подтвердил тот. — Я лично пытался их позвать, но отклик нулевой. Мы исследовали ближайшие к нашим берегам воды и не обнаружили ни следа ни единого глубоководного. Похоже, мы исчерпали их доверие.

В Рагране сейчас была глубокая ночь, в Ферверне — разгар дня. Он перевел взгляд на полыхающие под ледяным солнцем высоты, которые отлично просматривались с высоты Айрлэнгер Харддарк, главного небоскреба Севера. Отсюда были видны даже заснеженные пики вершин, теряющихся в бескрайних ледяных пустошах. Хотя он мог поклясться, раньше его зрение было не настолько хорошим даже несмотря на то, что он родился чистокровным ирлэндцем.

— Похоже на то, — подтвердил он, возвращаясь обратно в залитый солнцем кабинет, где все было в стальных оттенках. Точь-в-точь как костюм Ландерстерга. Странно было это осознавать, но от былых чувств к тому, кто стоял между ним и Лаурой — ярости, помноженной на ненависть — ничего не осталась. Осталась только глубокая, как бездонная пропасть, черная пустота. Наверное, так и бывает, когда внутри тебя долгое время живет ненависть к тому, кто стал для нее всем.

— Поэтому все, что у нас было на тот момент: результаты экспериментов фервернского правительства, наработки Кроунгарда, все, что было изъято из допустимых к сохранению результатов исследования и создания нейросети — было и осталось нашими единственными источниками.

Все это, к пещерным наблам, совершенно не поможет ему в его вопросе. Все, о чем говорил Ландерстерг — наработки экспериментов бывшего северного правительства, труды его отчима, Кроунгарда Эстфардхара, которого признали виновным в организации заговора мирового масштаба, приговорили к пожизненному заключению, все результаты работы по нейросети (возможности управлять всеми драконами мира через ретранслятор): частичные, потому что по решению Мирового сообщества основная часть их была уничтожена как потенциальная угроза мировому порядку — во всем этом не было ответа на его вопрос.

Почему внутри него такая буря по отношению к самой обычной женщине.

— Странно, что ты не сообщил мне этого раньше, — хмыкнув, произнес он.

— Странно, что ты раньше не спрашивал. — Ландерстерг пристально на него посмотрел.

— Мы с тобой не сказать что дипломатично попрощались.

— Что есть то есть.

Сейчас, когда между ними не было иных правящих сторон Мирового сообщества, которые, вне всяких сомнений, являлись смягчающей прослойкой дипломатического взаимодействия, общения не получалось. Резкие ледяные паузы не были для него сюрпризом, а пустота внутри — отнюдь не гарант того, что они смогут сдвинуться с той самой точки, которую поставили по видеосвязи. Много лет назад.

— Поэтому ты не сказал мне об этом во время звонка, — произнес он, постукивая пальцами по подлокотнику. — Тебе нужен был я. В Хайрмарге. Хочешь проверить, откликнутся ли они на меня.

Ландерстерг скупно улыбнулся.

— В проницательности тебе никогда не было равных.

— Не думаю, что тебя беспокоит исключительно отсутствие глубоководных у берегов Ферверна или их погружения.

Чешуя глубоководных, больше напоминающая броню, способная под воздействием черного пламени в моменты опасности сливаться воедино в панцирь, сила их разума, особенности строения черепа и костной системы в целом — позволяли им погружаться на такие глубины, на которые нет хода ни человеку, ни ирлхлану даже в самой навороченной современной технике, и впадать там не то в транс, не то в спячку, на время которого приостанавливались почти все жизненные процессы.

— Тебе тоже не хватает знаний, Ландерстерг, — произнес он, глядя на него в упор. — Почему? Что случилось? Что-то с ней?

Вопрос сорвался с губ раньше, чем он успел его поймать, а лучше бы успел. Потому что на реакцию Ландерстерга: похолодевший до синевы неба в дни критических минусов взгляд — ему было наплевать, не наплевать было на собственный налов интерес: *что с ней*. Который, как оказалось, по-прежнему жив.

— Предлагаю не задавать друг другу неудобных вопросов, — сухо отозвался правящий Ферверна. — Полагаю, и тебя, и меня это взаимно устроит.

Он отпустил подлокотники, которым грозило расплавиться под ладонями, и поднялся.

— Насколько я понимаю, нам предстоит полет в пустоши.

— Одер, вызови флайс с двойным сопровождением, — коснувшись коммуникатора, попросил своего бессменного секретаря

Ландерстерг. После взглянул на него: — Ты вполне можешь подождать здесь.

— Я вполне могу подождать в приемной.

Впрочем, в приемной он не остался, направился по коридору в сторону небольшой полукруглой площадки, главной достопримечательностью которой был ледяной «водопад», стекающий по стене и рассыпающий искры-брызги прямо внутри нее. Разумеется, почувствовать их было нельзя, зато можно было на них смотреть. Хорошее очищение мыслей, в которых снова фигурировала она.

Лаура Ландерстерг. Лаура Хэдфенгер.

Ее имя на долгие годы стало для него странным и диким наваждением, он даже пару своих любовниц умудрился назвать именно им. По иронии судьбы одна из них была Лаурой, поэтому ей было без разницы. А второй, кажется, было без разницы, как ее называют. Лишь бы подольше оставаться в постели правящего. После *Лауры* он всегда выбирал женщин, с которыми его связывал исключительно секс. Попытка поставить в то же самое уравнение Аврору Этроу изначально была ошибочной, но еще более ошибочно было думать, что она на такое согласится.

Эта женщина была другой. Она готова была биться за своего сына, а не крутить задницей перед ним, пусть даже он мог решить все ее проблемы по щелчку пальцев. Собственно, он и решил, и почти проговорился об этом, но Аврора была на взводе и ничего не заметила. К счастью.

Ему не нужна ее благодарность, тем более секс в благодарность.

Ему нужна ее страсть.

Полное погружение в него, растворение без остатка. Почему именно ее?

Он не знал. Но именно поэтому он сейчас стоял в Айрлэнгер Харддарк, в столице Ферверна.

— Ты готов? — голос Ландерстерга совсем рядом прозвучал неожиданно.

Но еще неожиданнее оказалось осознание того, что Лауру Хэдфенгер-Ландерстерг из его мыслей вымыл не водопад. А мысли об Авроре Этроу.

Глава 16

— Ты все сделала правильно, — сообщила мне Зои. Зажав телефон между плечом и ухом, я одной рукой переворачивала детские котлетки, другой мешала овощи, которые тушились рядом.

— Думаешь?

— Уверена!

Еще бы я была так же в этом уверена. Наррина мне ничего плохого не делала (да, выступала на стороне Карида в суде, но в разговоре призналась мне, что понятия не имела о такой ужасной фальсификации и до сих пор в шоке). Сейчас я даже могла ее понять. Представить, что твой сын ведет себя как пещерное наблище, твой сын, которого ты прикладывала к груди, носила на руках, который заливисто хохотал от твоей щекотки...

Я перевела взгляд на Лара, полностью увлеченного новыми игрушками. Сегодня мы купили ему набор игрушечных флайсов для самых маленьких — «для самых маленьких» их отличало то, что они были покрупнее, и что детали у них не отрываются, поэтому их нельзя засунуть в нос, в рот или в ухо.

— Судя по паузе, Ава кушает себя на пару со своей совестью, — голос Зои вернул в реальность.

— Я думаю. Ну что случится, если они всего один раз увидятся? Завтра вечером она уже будет в Лархарре.

Я накрыла котлетки крышкой, поставила их и овощи на «единичку» и наконец-то смогла взять телефон нормально.

— Ава, она хотела отнять у тебя Лара!

— Не она, а Карид.

— Вот именно! Не забывай, чья она мать — еще начнет говорить про него что-нибудь, ты потом от Лара не отцепишься. Он и так очень хочет «подружиться» с папой, которому... — Зои осеклась. — Ладно. Давай лучше сменим тему. Дага повысили, представляешь?

— Правда? — я широко улыбнулась.

— У-у-у-у, БУМ! — я оглянулась на сына, у которого случилась «катастрофа». Один флайс от столкновения с другим отлетел на пол, и я его подняла. Вернула Лару.

— Да, правда! Только что мне звонил, представляешь?! Теперь он большой начальник, руководит всеми парковщиками. Ну и зарплата, соответственно, в разы выше, — по голосу становилось понятно, что Зои очень довольна.

— Поздравляю! — искренне сказала я, улыбаясь. — Очень рада за вас!

— А я-то как рада! — я включила видеосвязь, Зои проделала то же самое, и я увидела, что подруга улыбается. — Правда, есть одна засада. Он раньше работал посменно, теперь будет работать полную рабочую неделю с двумя выходными. Не представляю, как быть с Кати. У меня же тоже график.

— Ты всегда можешь оставить ее у меня. Дома либо я, либо Ния, — сказала я. — Лар будет счастлив. И социальную няню тоже никто не отменял, если захочешь.

— Ну посмотрим. Не хочу доверять ее чужим непроверенным тетям.

— Я тоже так думала, пока не познакомилась с Нией.

— Тебе просто повезло, — фыркнула подруга.

— Зо-и! — это мой сын, оторвавшись от игры, увидел подругу.

— Привет, настоящий мужчина! — воскликнула Зои. Я успела рассказать ей о том, как Лар прибежал меня спасать, правда, о том, от чего, умолчала. Не была уверена, что о таком стоит рассказывать. Особенно — о Вайдхэне. Учítывая, что у нас с ним ничего нет и не будет.

— Пливет! — Лар махнул рукой и снова ушел в игры с машинками, а я вернулась к котлеткам. Они были уже готовы, оставалось только дожидаться овощей, поэтому я выключила одну «единичку» и отставила сковороду на ненагретую конфорку. Открыла овощи, помешала, попробовала и поставила на тройку. Так будет быстрее.

— В выходные будем отмечать, так что имей в виду, — предупредила Зои. — Ой! У меня Кати кричит...

И правда, из-за ее спины донесся оглушительный рев.

— Оторвала кукле голову, — скептически произнесла подруга, демонстрируя пострадавшую куклу. Кати продолжала надрываться, размазывая по лицу слезы, и Зои нахмурилась. — Ладно. Пойду. Чинить и успокаивать.

— Конечно. — Я пожелала подруге отличного вечера и отключилась, спустя несколько минут уже был готов ужин.

Овощи Лар ел неохотно, зато в котлетки был просто влюблен, но у нас с утра еще остался весомый инструмент воздействия — печеньки,

поэтому овощи пошли на ура. После ужина я быстренько помыла посуду, и мы пошли смотреть мультики. У нас было ограничение: не больше часа в день, но сегодня днем мы их не смотрели, поэтому вечером получилось сорок минут. Обычно я старалась сдвинуть все просмотры на день, но сегодня как-то так вышло, что мы больше играли, читали, гуляли и даже сходили в магазин игрушек.

Поэтому мультики остались на вечер, а мне оставалось надеяться, что Лар нормально заснет. Пришлось придумывать расслабляющие игры, а после читать ему только при свете ночника — не по книжке с голографическими картинками, естественно, с экрана смартфона. Когда сын заснул в обнимку с игрушечным драконом, я осторожно выскользнула из его комнаты, как всегда, оставив дверь открытой.

Устроилась в комнате у себя за столом, включила ноутбук.

Я не оставляла надежды найти новую работу, поэтому в свободное время просматривала вакансии, но сегодня, едва открыв браузер, наткнулась на новость «Бенгарн Вайдхэн возвращается из неофициального визита в Ферверн. Что скажет пресс-служба?»

И, сама не зная зачем, вместо порталов по поиску работы, кликнула именно на эту ссылку.

Глава 16.2

В общем-то ничего интересного я там не нашла, это была короткая скупая статья о том, что правящего Раграна застали выходящим из индивидуального телепортационного окна из Ферверна. Представив, как дракон выходит из окна — там так и было написано — я почему-то хихикнула, а дальше шла информация о том, что Вайдхэн не планировал никакого визита в Хайрмарг, и что либо это было что-то очень срочное, либо что-то очень секретное.

Ну и его фото крупным планом.

Зацепившись за мужественный профиль, я почему-то опять не смогла закрыть страницу, а еще вспомнила сегодняшний сон. Рычание, рвущееся из его груди, и то, как он выдыхал мое имя:

— Аврор-р-ра.

Щеки запылали, как будто все это было на самом деле, я приложила к ним ладони и закрыла глаза. С чего, спрашивается, мне вообще думать про Вайдхэна в таком ключе? А почему бы нет?

Так, все!

Я захлопнула ноутбук, решительно поднялась, и... так же решительно вернулась на место. Вбила в поисковик «Бенгарн Вайдхэн история жизни». На тот момент, когда он пришел к власти, его история крутилась везде где только можно, но поскольку я была далека от политики, а главное — поскольку на тот момент мне вот-вот предстояло родить, мысли у меня были точно не о новой власти и не о том, как сложилась его жизнь. Единственное, что я помнила, так это то, что его отец тоже был правящим во времена того страшного налета, и что его подставили.

На этом все.

Сеть предлагала множество вариантов, где можно почитать о его жизни — включая и желтую прессу, но я выбрала официальный сайт журнала «Хайдн», знаменитого тем, что они писали исключительно о политике и о личностях, так или иначе имеющих отношение к политике или к тем, кто имеет отношения с личностями, имеющими отношение к политике. Чем «Хайдн» отличался от остальных, так это тем, что у них никогда не публиковались непроверенные факты, а все интервью, биографии и прочие сведения были из первых уст или от пресс-службы.

Поэтому информацию о нем я открывала без боязни увидеть заголовок в стиле: «От Бенгарна Вайдхэна восемью черными драконятами беременна бывшая жена замглавы Фияна». Открыла — и углубилась в чтение.

Вайдхэну было два года, когда случился этот налет, и когда во всем обвинили его отца: в том, что вливал себе кровь драконов, что строго запрещается в современном мире, в том, что допустил случившееся, в том, что вовремя не среагировал и не смог остановить драконов, что привело к такому числу жертв. На самом деле он действительно вливал себе их кровь, но не по своей воле: его сознание поломал один из особо приближенных, который в будущем стал отчимом Вайдхэна. Именно он через ментальные приказы заставлял правящего выкачивать из драконов кровь и убивать, что и привело к налету. Как бы там ни было, в то время всех наблов повесили именно на его отца, его старшая сестра исчезла, а мать вместе с тем самым отчимом бежала в Ферверн, чтобы спасти себя и ребенка.

Долго их семейная идиллия не продлилась, мать Вайдхэна угасла без отца. Не так давно, когда иртханы решили дать информацию о себе

в открытый доступ, она хлынула в мир просто потоками, поэтому тема про угасание была мне понятна. Иртханы, как и драконы, способны создавать пары при полном совпадении огней, мать и отец Вайдхэна были парой, поэтому после смерти супруга она угасла. Это означало, что пламя в крови иртхана сходит на нет, все жизненные процессы замедляются, а потом и вовсе останавливаются, и наступает естественная смерть.

Что касается самого Вайдхэна, его основательно помотало по миру с отчимом-дипломатом — перед тем, как он осел в Ферверне и открыл свою частную клинику. По специальности он кардиохирург, закончил медицинский факультет ХГУ[1]. На его операции были очереди и записи за полгода, но потом случилась эта история с его отчимом, который решил устроить мировой переворот. Конкретных подробностей именно в этой статье не было, и я поставила себе заметку почитать, когда будет время.

Зато Вайдхэн оказался в самом центре этого заговора. Он и правящий Ферверна, Торнгер Ландерстерг с супругой (тогда еще невестой, Лаурой Хэдфенгер). Вайдхэн получил серьезное ранение, и медики с ним попрощались, но глубокоководные драконы предложили для его спасения свою кровь. Этот факт в статье выделяли особенно, именно потому что получить кровь глубокоководного дракона считалось... ну не знаю, примерно из разряда легенд. Пламя в их крови не поддавалось никаким известным законам, оно вело себя непредсказуемо, но главное — чтобы получить признание и спасение от лидера глубокоководных драконов, его личное одобрение, нужно было представлять из себя нечто гораздо большее, чем просто раненого иртхана.

Уже в другой статье на сторонних ресурсах эту тему тоже активно обсуждали, выдвигались предположения, что именно особенность профессии Вайдхэна — спасение жизней, сыграло в этом не последнюю роль. Предположений было множество, а в комментариях было множество самых разных мнений. В частности, о том, что нами правит иртхан с непредсказуемым пламенем, которое как бомба с неисправным таймером.

Прыгая со ссылки на ссылку, я добралась до комментария одного из проигравших Вайдхэну на выборах соперника, иртхана достаточно древней в Рагране фамилии — Норгэма Эттхардэ. Он говорил, что эта

ошибка рано или поздно обойдется Раграну очень дорого, и что здесь речь не о честной борьбе, а о том, что из себя представляет кровь и пламя того, кто стоит у власти.

Я настолько погрузилась в чтение, что в себя пришла, когда у меня уже начинали слипаться глаза, но оторваться было практически невозможно. Так я дочитала о том, что именно мировой заговор позволил Вайдхэну раскрыть всю историю своей семьи, восстановить имя отца и обрести сестру, которая скрывалась в Фияне и до сих пор живет там.

Захлопнув ноутбук, я в каком-то легком трансе отправилась чистить зубы и принимать душ, а после, переодевшись, какое-то время стояла в дверях: смотрела на спящего Лара. Вайдхэн был в его возрасте, когда его жизнь осыпалась пеплом, когда он лишился семьи, когда место его отца занял какой-то чужой мужчина, который, к тому же, все это и сломал.

Разглядывая свое спящее солнышко, я думала о том, насколько ему не хватает отца.

Не хватает большой семьи.

Да, Даг, Зои и Кати в каком-то смысле его семья, но не совсем. Чем взрослее он будет становиться, тем отчетливее будет это понимать. Отец... да, с отцом ему не повезло. Но я не имею права... нет, не так. Я не должна лишать его встречи с бабушкой, которая от всего сердца хочет с ним познакомиться.

Я вернулась к себе и взяла смартфон. Звонить уже было поздно, поэтому я написала Наррине в мессенджер: «Мы можем встретиться завтра утром. У меня дома или на детской площадке».

Приложив телефон к панели зарядки на стене (он тут же к ней примагнитился), я нырнула под одеяло и выключила свет. Миг — и дисплей «ожил» ответным сообщением в мессенджере. Я дотянулась, сняла его с зарядки и прочитала: «Разумеется, я завтра у вас, Аврора! Напишите, пожалуйста, адрес».

[1] Хайрмаргский Государственный Университет

Глава 16.3

— Карид был очень послушным мальчиком, — задумавшись, Наррина согнула красивую салфетку, потом ее расправила. — Я бы никогда не подумала, что он на такое способен... Простите, Аврора.

Вам, должно быть, не доставляет никакого удовольствия говорить о моем сыне.

Я промолчала. Удовольствия говорить о Кариде мне действительно не доставляло, но и говорить об этом прямо его матери, которая все и так понимает, я тоже смысла не видела. В зале суда мне было не до этого, но сейчас я изучала ее каждое мгновение, подмечая каждый жест. Каждую деталь. Наррина оказалась очень приятной женщиной, ростом чуть выше меня с умопомрачительно густыми волосами, аккуратно уложенными после недавней стрижки. Кожа у нее была смуглая, как и у всех, кто родился в Лархарре, а глаза — темные, как ночь.

Правда, не настолько темные, как ночь Вайдхэна. И как то, что уже вторую ночь подряд творилось в моих снах и было больше похоже на помешательство. Сегодня я, к счастью, Лара не разбудила, зато проснулась сама — содрогаясь от сладкого удовольствия, вцепившись пальцами в край одеяла.

Похоже, мне надо к психологу. Или к сексологу. Или к тому и к другому, потому что объяснить это логически я не могла, да и в целом, если быть откровенной, мне никогда не снились такие сны. Эротические мечты, конечно, были — как у любой женщины, но такие... когда по коже скользят откровенные ласки, которые я чувствую, как реальные — нет. Это, мягко говоря, перебор.

По крайней мере, для меня это был перебор. Особенно в отношении Вайдхэна.

— Аврора? — негромкий голос Наррины вернул меня в реальность.

Эта женщина и говорила, и двигалась мягко — плавно, грациозно, без какой-либо спешки. Карид в самом начале нашего знакомства рассказывал, что женщины в Лархарре учатся угождать мужчинам и быть женственными, тогда как женщины всего остального мира ударяются в бизнес, карьеру и мужчин ни во что не ставят. Что касается Наррины, она действительно не работала, о чем успела рассказать мне за обедом. Всю свою жизнь посвятила мужу и сыну, которых безумно любила.

Она же пригласила нас с Ларом и Нией в очень дорогой ресторан — в качестве извинения за действия сына, и чтобы порадовать внука. Внуку, правда, было все равно: он едва успел свой детский супчик и

сырные шарики, как тут же побежал в без преувеличения роскошную детскую игровую зону, в такое время пустующую. Ния отправилась с ним, а мы с Нарриной остались вдвоем. И, наконец-то, могли говорить откровенно.

— Да. Я задумалась, — призналась честно.

— Понимаю. Вы считаете моего сына законченным мерзавцем, но Карид не такой. Он просто запутался.

— Вы были правы. Я не хочу о нем говорить.

Наррина кивнула.

— Лар чудесный мальчик. А вы чудесная мама. Ему очень повезло.

— Надеюсь.

— Можете мне поверить, — Наррина поднесла бокал со свежавыжатым соком к красиво оформленным губам. — Это так.

— Благодарю.

У нас с ней не возникло особой близости, но она на это и не рассчитывала. Лар к ней тоже особого интереса не проявил, хотя я все утро объясняла ему, кто такая бабушка. Его гораздо больше интересовал папа, который почему-то не приходит с нами дружить, и я впервые за долгое время солгала. Сказала, что папа занят, уехал по делам далеко-далеко, а когда вернется — неясно. Лар расстроился, и, возможно, именно поэтому при знакомстве с Нарриной вообще спрятался за меня и смотрел драконом. Потом, правда, когда мы вчетвером гуляли на детской площадке, и Наррина помогала Ние раскачивать его на сеточных качелях, он сменил гнев на милость, но все равно шел к ней неохотно.

Как впоследствии выяснилось из разговора с Нарриной, я даже не особо сыну и солгала. После случившегося — в частности, после подкупа в телекоммуникационной компании, Карида ждал уже совсем другой суд. Его сместили с занимаемой им должности в считанные часы, а после суда он планировал вернуться в Лархарру, потому что в Раграде ему уже ничего не светило.

Злорадства я по этому поводу не испытывала, но и сожалений тоже. Карид знал, на что шел, больше того — он заставил меня пройти через весь этот кошмар, а случись так, что я бы отказалась признавать отцовство, наверняка бы заставил и Лара. Да что там, если бы не Доминик, мы бы с Ларом уже прощались, а Карид и его белобрысая

торжествовали бы, подписывая документы о передаче родительских прав.

При мысли об этом внутри снова полыхнула ярость, и я отвернулась.

Надо признаться, не вовремя: за соседний зарезервированный столик усаживался Вайдхэн. С роскошной темноволосой спутницей.

Глава 16.4

Прежде чем все немногочисленные в таком, мягко говоря, дорогом заведении посетители пооткрывали рты, в зал вошли вальцгарды и, рассредоточившись по нему, заняли свои места. Мне же резко расхотелось есть, пить, не говоря уже об общении с Нарриной, и все остальное. Администратор, провожавший Вайдхэна с его женщиной к столику, уже удалился, и теперь ничто не загораживало мне обзор.

Лучше бы загораживало! Потому что после моих «веселых» снов я смотрела на этого мужчину и чувствовала, как внутри рождается странное, дикое, незнакомое чувство. Хотя что в нем незнакомого — помешательство! Помешательство четвертой категории. Иначе с какой радости мне разглядывать эту девицу и оценивать ее внешность? Прическа более чем офисная — тугой длинный хвост, костюм, шпильки высоты «сверни ноги».

— Аврора, это же Бенгарн Вайдхэн? — кажется, Наррина тоже не могла поверить в такое стечение обстоятельств, потому что, забыв про тонкости этикета, во все глаза пялилась на сидящую за столом пару.

Я же испытывала крайне смешанные чувства — даже просто глядя на Вайдхэна, который раскрыл меню (этот ресторан был одним из немногих мест, где меню было можно посмотреть не по кодам, а на специальных листах). Это был признак статусности заведения, в свое время даже генеральный менеджер Грин Лодж раздумывал на тему, не расщедриться ли на такие, но это было действительно очень дорого, эксклюзив, плюс бумага — материал на вес золота, поэтому от идеи руководство моего ресторана отказалось. Оборудовать сцену для балета и платить нам было и то дешевле.

Мои крайне смешанные чувства стали еще более смешанными, когда он коснулся ее руки, хотя сидели они друг напротив друга. Мне казалось, что внутри меня рождается костер, пусть даже никаких реальных воспоминаний нас не связывало. Кроме тех, где я ходила

голая по его дому-квартире, и где он меня раздевал. Но во снах эти пальцы так откровенно скользили по моей коже, что она даже сейчас чувствовала их ожоги, и вспыхивала, как вышеупомянутая бумага от огня.

Кажется, мне нужно в туалет.

— Невероятно, — произнесла Наррина восхищенно, теперь уже полностью «вернувшись» ко мне. — Если бы я только могла представить, приглашая вас сюда... такое совпадение! Торрет будет вне себя, когда узнает. И еще пожалеет, что не пошел со мной.

Торрет — ее муж, отец Карида, по словам Наррины тоже хотел познакомиться с внуком, но у него по этому поводу были сомнения. В частности, сомнения на тему того, что он готов встречаться со мной, поэтому он не пошел, отложив встречу «до лучших времен».

— Простите, — я промокнула губы салфеткой и поднялась. — Мне нужно отойти.

— Конечно-конечно, — закивала Наррина. — Мне заказать десерты на всех? Или выберете, когда вернетесь?

Что я могла сказать? Я не вернусь? Испарюсь, вылезу в туалете через окно, сбегу через заднюю дверь или через кухню?

— Закажите на свой вкус, — попросила я, направляясь в противоположную сторону.

Как можно дальше от Вайдхэна. Как можно дальше от его спутницы. Что самое парадоксальное, он на меня не смотрел, ни разу не взглянул. С другой стороны, почему он должен смотреть на меня? Вокруг таких людей, то есть иртханов, вертится весь остальной мир, они полностью сосредоточены на себе и вряд ли рассматривают других людей за соседними столиками. Это другие рассматривают их.

И думают о своих странных снах.

Проходя мимо игровой комнаты, где Ния с Ларом играли в мягких шариках в большом бассейне, я помахала им. Потом все-таки заглянула, чтобы сказать:

— Наррина заказывает десерт. Минут через пятнадцать возвращайтесь за столик.

— Хорошо, — широко улыбнулась няня. — От десерта мы точно не откажемся. Правда, Лар?

— Плавда!

Я кивнула и поспешно ретировалась туда, куда шла. У меня даже голова закружилась от наплыва эмоций, поэтому, вцепившись в роскошный мрамор, обрамляющий раковину, я несколько раз глубоко вздохнула. Потом еще. И еще. Раскрасневшаяся, с совершенно ненормально сверкающими глазами я смотрела на себя из отражения и явно не собиралась успокаиваться.

Драконы! Да что со мной творится такое?

Пришлось побрызгать на ладони холодной водой и приложить их к щекам. Щеки сотрудничать отказывались, глаза тоже — сверкали, как фары флайса в ночи. От возбуждения.

Нет, это вообще нормально, так реагировать на мужчину, с которым тебя ничего не связывает? На мужчину, который, между прочим, пришел в ресторан с другой! И лапал ее за руку.

«Ну не за ногу же», — ехидно подсказал внутренний голос, и я посоветовала ему заткнуться. К счастью, мысли про другую подействовали отменно, и я, еще раз ополоснув лицо (благо, макияжа на нем не было от слова совсем, можно себе позволить), промокнула его и руки сипроновыми полотенцами и вернулась за столик.

— Смотрите, что я нам заказала, — развернула ко мне меню Наррина. — Вот это пирожное...

Она что-то рассказывала про сочетание каких-то тонких вкусов, а у меня вместо инстинкта размножения включился инстинкт первобытной самки, то есть оценка второй женской особи в радиусе действия. Я украдкой пялилась на сидящую за столиком женщину, с идеальным макияжем «только что от визажиста», в костюме, блузке и туфлях, которые стоят, я подозреваю, больше, чем я получаю за месяц на выступлениях. Да что там, одна брендовая заколка на ее волосах, наверное, стоит столько, сколько я получаю за вечер.

Сравнение выходило не в мою пользу по всем фронтам, хотя бы даже потому, что я была в той самой блузке, которую надевала в суд, и в брюках, которые не надевала уже года три, последний раз носила их до беременности. Они просто были в моем гардеробе, потому что мне приходилось бережно относиться к одежде, не представляя, когда получится в следующий раз купить что-то действительно стильное.

— А вот это детский десерт. Здесь пониженное содержание...

Ну ладно, предположим, брюки у меня классика. Учитывая, что остались они от костюма, в котором я ходила на работу в

строительную компанию, позорными их не назовешь.

— Зато вкус отменный, — закончила «экскурсию» в заказанное Наррина, и я выпрыгнула в реальность.

Кажется, мне стоит пересесть. Спиной к Вайдхэну и к его спутнице, чтобы на них не смотреть. Вообще.

— Да, чудесно, — сказала я, — у вас чудесный вкус, Наррина.

Женщина просияла, а я снова поднялась.

— Хочу Лара посадить вместе с Нией, — прокомментировала свои действия.

Как раз в это время официант принес нам десерты, и мне пришлось чуть отодвинуться в сторону. Благодаря этому я заметила идущих к нам Лара и Нию, а сын, увидев меня, отнял руку у няни и устремился вперед, как дракон к добыче.

— Мама! Ма-ам!

Вот теперь Вайдхэн повернулся ко мне. Его спутница тоже. И все остальные. А Лар, остановившись рядом со мной, уставился на правящего и выдал:

— Бездарн Гадхэн!

Глава 17

Можно я прямо сейчас провалюсь сквозь пол, пожалуйста? Последний раз я себя так чувствовала в детском саду на утреннике, перед праздником Смены времен. Это был переход из века в век и зимнюю Перемену Года праздновали с особым размахом. В моей группе была девочка, которая позавидовала моему красивому наряду и наступила на его шлейф. Если бы это было платье, то она бы просто кувыркнулась, а не как показывают в кинокомедиях. Увы, это были отдельная блузочка и отдельная пышная юбочка, поэтому кувыркнулась я. Сначала. А потом поднялась в одних трусиках и колготках.

Смеялись все, кроме меня. Мне было не смешно. Я рыдала, наверное, дня два с перерывами, маме пришлось покупать мне куклу и замороженный крем в стаканчике, чтобы хоть как-то успокоить.

— Привет, — прервал поток моих не самых лучших детских воспоминаний Бездарн Гадх... тьфу, Бенгарн Вайдхэн! Он, оказывается, уже успел подняться и присесть рядом с Ларом, который мгновенно попятился, собираясь прятаться за меня. Сын так

реагировал на всех незнакомых, но сейчас вдруг остановился, внимательно посмотрел на правящего.

— Пливет, — ответил серьезно.

— Как тебя зовут?

— Лаф... Лар Фетроу!

— Ну что ж, приятно познакомиться, Лар, — Вайдхэн протянул ему руку. В этот момент, кажется, замерли все — из тех, кто не замер до этого момента. Потому что мой сын протянул ручку и вложил ее в ладонь Вайдхэна.

После чего правящий ее пожал. Осторожно, я видела, но Лар, кажется, пришел в неопиcуемый восторг, потому что вместо того, чтобы прятаться, указал на меня.

— А это моя мама! Афрора Фетроу!

Вайдхэн наконец-то перевел взгляд на меня. Поднялся — и у меня резко поднялось давление. Кажется. Потому что зашумело в ушах, и сердце заколотилось как сумасшедшее о ребра.

Что он сейчас сделает?

Что скажет?

Он же не может при всех ляпнуть, что мы уже знакомы, и что моего сына и всю мою родню он уже заочно знает очень хорошо. Наверное, лучше, чем они сами.

— Приятно познакомиться, Аврора, — после короткой паузы, в течение которой я боролась с желанием проглотить собственный язык или сказать что угодно, только чтобы нарушить давящее молчание, произнес ир்தхан. — У вас чудесный сын.

— Взаимно, — ответила я. — Благодарю.

Короткий взгляд, от которого давление стало еще выше, а кровь побежала не по венам, а под кожей, превращая меня в живой факел — и он кивнул Лару:

— А у тебя чудесная мама. Береги ее. — После чего вернулся за столик.

Я, выдохнув воздух или собственное сердце, усадила сына, только после этого опустилаcь на стул, пытаюсь глубоко дышать и хоть как-то выровнять не к месту зачастивший пульс.

— Невероятно! — шепнула мне Наррина, хотя с тем же успехом могла сказать громко: ир்தханы на слух не жалуются.

Насчет «невероятно» я, пожалуй, с ней даже была согласна, открытым только оставался вопрос, почему правящий, обычно ведущий себя, как... Гадхэн, сейчас повел себя так. Но самое главное, что мне с этой «невероятностью», особенно с ее частью про сны и моей реакцией на него, делать.

Глава 17.2

Как бы там ни было, именно сейчас мне оставалось только сидеть, общаться с Нией и Нарриной, наблюдать за с интересом вертящимся Ларом (сын разве что шею не свернул, высматривая, что же там делает «Бездарн Гадхэн»), всей кожей чувствуя присутствие вышеупомянутого Гадхэна. То есть Вайдхэна.

То, что они со спутницей ушли быстрее нас, я поняла по скисшему Лару, по взглядам Наррины и Нии. Еще по слабеющему в груди огню, который вскоре превратился в крохотную искорку, а спустя несколько минут и вовсе потух.

— Какой интересный мужчина! — теперь уже Наррина говорила громче. — И женщина с ним тоже очень красивая. Как думаете, это будущая первая леди Раграна?

Я поперхнулась кофе и чуть не выплюнула пенку взбитых сливок прямо в десерт. Почти нетронутый — под всеми этими перекрестными огнями мне едва ли хотелось есть, я чуть-чуть поковырялась ложечкой в кисло-сладком муссе и попробовала подложку-печенье. Чего не скажешь о Ларе: сын умудрялся не только высматривать, что происходит, но и весьма быстро, с помощью Нии, есть.

— Вряд ли, — улыбнулась няня. — Она больше похожа на пресс-секретаря.

Да. Пресс-секретарь. Пусть лучше будет пресс-секретарь.

Я промокнула губы салфеткой и все-таки вернулась к десерту и кофе.

— В любом случае, очень красивая пара, — вздохнула Наррина и повернулась к Лару: — Понравился десерт, малыш?

— Я не малыш! — Лар нахмурился.

— Да кто же ты еще? Малыш и есть, — Наррина снисходительно улыбнулась и потянулась к нему, чтобы поправить волосы, но Лар мотнул головой и отодвинулся.

— Лар взрослый, — пояснила я, прежде чем она продолжила в том же духе. — Он все делает сам. Правда?

— Плавда! А еще я нафтоячий муфчина!

Ния едва сдержала улыбку, Наррина же, напротив, поджала губы. Видимо, в ее систему координат не вписывалось мое воспитание. Как бы там ни было, комментировать она не стала, мигом переключилась на рассказы про Лархарру, про ее столицу Айоридж и о том, насколько там чудесно, даже зимой тепло.

— Я была бы очень рада видеть вас в гостях. Скажем, на Перемену года... приезжайте, я вам все покажу. Сводим Лара в самый большой детский парк континента...

— Не думаю, что у меня получится, — перебила я, глядя, как у сына загорелись глаза. В Айоридже действительно располагался самый большой детский парк «Вандер Лэнд», о котором писали, рассказывали, восхищались, да я сама неоднократно любовалась его фотками в соцсетях, представляя, как бы там понравилось моему сыну, но... Но. Ехать в Лархарру, к матери Карида на Перемену года — это слишком. Особенно учитывая, что там еще и Карид будет, с наибольшей вероятностью. Что может привести к попыткам нас сблизить, и вот чего я совершенно точно не хочу — так это изображать из себя вежливость и учтивость. После того, что он сделал в суде, обратного пути уже нет. Хотя по большому счету, его не было уже тогда, когда он отказался от нас.

— Что ж, очень жаль. Но если вдруг соберетесь в Лархарру, мой номер у вас есть, Аврора.

— Да, разумеется.

После этого мы как-то очень быстро завершили обед. Ния с Ларом пошли вызывать флайс, а я осталась, чтобы окончательно попрощаться с Нарриной.

— Спасибо за то, что согласились провести со мной время и познакомить с внуком, — из-за стола я поднялась первой, и женщина последовала моему примеру. — Для меня это очень важно.

— Благодарю за чудесный обед, — я кивнула. — Желаю вам хорошо добраться домой.

Так мы и разошлись, на этой допустимой для всех дистанции, которую Наррина всеми силами пыталась сократить, но не получилось.

Что касается меня, у меня теперь не получалось выкинуть из головы Вайдхэна. После снов-то не получалось, а после встречи в

ресторане — тем более. Я глубоко вздохнула, пытаюсь справиться с чувствами. Во-первых, что значит «не получилось»? Значит, не очень старалась. Мы с ним не подходим друг другу, как бы ни хотелось пнуть ближайшую стену при таких мыслях, ему действительно больше подходит та женщина, с которой он пришел. Во-вторых, с чего бы мне вообще пинать эту стену? Никаких отношений между нами не было: кроме того, что он собирался сделать меня своей любовницей.

Девочкой на одну ночь, Аврора!

То, что он умеет общаться с детьми, это еще ничего не значит. Он привык общаться на публику, а трогательное общение с маленьким ребенком в ресторане — что может быть лучше для политических рейтингов?

В таких мыслях я пребывала, пока мне помогали одеться в ресторане: здесь не просто подавали верхнюю одежду, очень приятный молодой человек помог мне надеть плащ, и, когда я застегнулась и поправила волосы перед зеркалом в полный рост, подал мне оставленную на высокой стойке сумку.

Эти же мысли крутились у меня в голове, пока мы летели домой, да и последующие несколько дней спонтанно всплывали то там, то здесь. Потому что сны не прекратились, и из-за этого я ходила рассеянная, постоянно возбужденная, не имеющая ни малейшей возможности как-то это выключить.

Снотворное я не пила по причине того, что у меня маленький ребенок, но сильно сомневаюсь, что оно могло мне помочь. Похоже, помочь мне мог только Бенгарн Вайдхэн, и, судя по содержанию моих сновидений, вполне определенным образом. Когда я думала об этом, у меня начинали полыхать не только щеки, но и все внутри. Причем в том самом внутри, где по-хорошему, полыхать не должно было! Низ живота превращался в огненный цветок желания, а пульсация напоминала о том, о чем я не вспоминала до встречи с Вайдхэном уже очень и очень долго.

Между тем как его свидетельств о присутствии в моей жизни вообще не осталось. На работе на меня не косились, никто не задавал никаких вопросов — будто того визита и не было вообще никогда, будто ради меня не перекрывали целый коридор. Или даже крыло. Танцуя, я взлетала над сценой, но не испытывала и сотой доли тех огненных чувств, которыми полыхала в тот вечер.

Оставалось только надеяться на то, что это пройдет так же, как и началось — само собой. Большие надежды я возлагала на праздник в честь повышения Дага, собраться с друзьями для меня сейчас будет самое то. Возможно, меня просто переклинило из-за сильных эмоций, и теперь все, что мне нужно — переключиться.

Поэтому к друзьям я летела как на крыльях, с подарочным тортиком из темного шоколада с кофейно-ореховой прослойкой — любимое лакомство Дага, и бутылкой веоланского. Ния сказала, чтобы я не задумывалась о времени, что она уложит Лара спать, а потом откроет мне дверь, чтобы мы его не будили, и я решила, что сегодня оторвусь по полной.

Так отдохну, что ни про каких Вайдхэнов (и их пресс-секретарей) уж точно больше не буду вспоминать!

— Приве-е-ет! — Зои открыла мне дверь, широко улыбаясь. Обняла, как обычно — так, что чуть ребра не хрустнули. У ее мужа объятия и то были попроще, он всегда крайне осторожно меня обнимал.

— Поздравляю! — протянула ему пакет с тортиком и веоланским. — Это тебе!

Протянула — и вспомнила наш с Вайдхэном разговор за ужином. Об истории создания вина и о том, что веоланское мы так и не обсудили.

Да что же это такое, а!

— Спасибо, Снежинка, — изумленно улыбнулся Даг. Он называл меня так, когда был взволнован или слишком расчувствовался. — Не надо было...

— Надо было, — я похлопала его по плечу. Ну или куда дотянулась. — Ты мой лучший друг. Могу я поздравить лучшего друга?

— Поддерживаю, — прозвучал совершенно незнакомый мне голос, и я удивленно выглянула из-за широкой груди Дага.

В прихожей стоял молодой светловолосый мужчина. Смотрел на меня и улыбался.

Глава 17.3

— Добрый день, — поздоровалась я. Так и подмывало спросить: «Я вас знаю?» — потому что по ощущениям он меня знал.

— Кьер Ломеро, — тут же поправился Даг, указав на мужчину, — мой коллега. Аврора Этроу. Моя подруга.

— Мужчина и женщина дружат. Как занятно, — произнес блондин, из-за чего вызвал дикое желание наступить ему на ногу. — Приятно познакомиться, Аврора.

Руки мне он не протянул, просто смотрел, как на... женщину. Снисходительно немного, и с таким очевидным в глазах «Женщина нужна, чтобы ее...»

— Не верите в то, что мужчина и женщина могут быть друзьями? — уточнила я, пока Даг помогал мне снять пальто: сегодня неожиданно похолодало даже днем, не говоря уже о том, что ближе к ночи стало совсем зябко.

— Если честно, нет.

— Пойдемте уже отмечать, — немного нервно заметила Зои: ей явно не нравилось, куда вырывается этот разговор. Откровенно говоря, мне тоже не нравилось, и откуда у Дага взялся такой загадочный друг, я тоже не понимала.

Тем не менее сейчас мы все вчетвером переместились в гостиную, где по такому случаю накрыли стол, а манеж Кати перекочевал в спальню. В квартире друзей тоже было две комнаты: кровать Кати стояла в их спальне рядом с кроватью родителей. Сейчас дочка подруги прыгала в своей, вцепившись в поручни и дожидаясь, пока ее заберут.

— Помою руки, — прокомментировала я свой уход и направилась в ванную. Если честно, я думала, что мы будем втроем, поэтому сейчас немного удивилась. Разумеется, я не была знакома со всеми коллегами Дага, но раньше он никого из них не звал домой. Мужской компанией они частенько где-то собирались, но совсем не с коллегами, а с друзьями. Этих мужчин я знала, и на день рождения Дага они приходили с женами. Один — его одноклассник, они дружили чуть ли не с начальной школы, со вторым познакомились на предыдущей работе, во флайсомастерской.

Этого Ломеро я видела впервые и, если честно, он мне не нравился.

С другой стороны, нравиться мне он и не обязан, а я не к нему пришла.

Я вернулась к тому моменту, когда все уже расселись за стол. Мебели у друзей было не сказать чтобы много, поэтому стол придвинули к дивану, и на нем, предсказуемо, уже сидела Зои с Кати на руках. Детский стульчик стоял рядом пока не востребоваанный, а меня, как выяснилось, решили посадить с Ломеро.

В следующее мгновение выяснилось, что он еще и стул собирается для меня отодвинуть.

— Благодарю, — сдержанно прокомментировала я, опускаясь за стол. Последними сели мужчины.

Квартира друзей была совсем небольшая, но очень уютная. Плазменный визор остался за моей спиной, как и полки-лесенки, украшенные декоративными статуэтками и наградами Зои с разных курсов парикмахерского мастерства. Над головами друзей над диваном, висела модульная голографическая картина, изображающая шторм в Зингсприде — курортном городе Аронгары. Я невольно вспомнила о картинах Вайдхэна и ущипнула себя за запястье.

Хватит уже о нем думать, Аврора!

— Та-ак, — произнес Даг, откупоривая бутылку веоланского: не ту, которую принесла я, та отправилась в холодильник охлаждаться, а та, которая успела охладиться до моего прихода. — Погнали!

С легким хлопком пробка вышла из бутылки, и к ней тут же с громким:

— Да-ай! — потянулась Кати.

Веоланское зашипело, обволакивая бокалы своим игристым пузырьковым настроением, а я почувствовала на себе пристальный взгляд блондина и повернулась к нему. Внешность для рагранца у него была не очень характерная: светлые волосы, серо-голубые глаза. Ростом он хорошо выше меня, конечно, не такой высокий, как Вайдхэн...

Тьфу!

— Сегодня мы здесь отмечаем мое повышение, — Даг широко улыбнулся. — Поэтому простите, ребята, но первый тост будет не за дружбу, не за любовь и не за прочие высокие материи. Сегодня он за меня, единственного, неповторимого и удачливого! Ура!

Я едва пригубила игристое, разве что почувствовав на губах терпкую кислинку, тут же вернула бокал на место.

— Ну что все замерли? Угощайтесь! — Зои указала на заставленный вазочками и тарелками стол.

— Аврора, что тебе положить? — Кьер посмотрел на меня.

Я, уже собиравшаяся подтянуть к себе сырную тарелку, отдернула руку.

— Вот эти два вида сыра. Вон тот салат. И, пожалуйста, рулетик под названием «когда мы успели перейти на ты».

— Драконы, как серьезно, — фыркнул он. — Ты в курсе, что у напряженных женщин проблемы с оргазмами?

Я не поперхнулась, потому что у меня во рту ничего не было, зато поперхнулся снова пригубивший веоланское Даг. Закашлялся, Зои даже пришлось стучать мужа по спине.

— У мужчин, которые так общаются, — заметила я, — проблемы с уважением личных границ, и вот это уже гораздо серьезнее.

Я самостоятельно положила себе и сыр, и салат, и, пока Ломеро не успел втянуть меня еще в какой-нибудь разговор, отправила в рот первый кусочек еды.

— Да, кстати, про удачливость Даг не шутил, — поспешно заметила Зои. — Он когда ходил в отдел кадров насчет тебя узнавать, его там заметили, веришь?!

— Да. Именно я рекомендовал его на новую должность, — заметил Ломеро, не позволив мне и слова вставить. — Как ответственного и перспективного работника.

Глава 17.4

Зои замерла с бокалом и перевела взгляд на Дага. Даг сделал вид, что увлечен салатом. Что касается меня, я буквально чувствовала на себе пристальный взгляд Ломеро, очевидно, желающего меня раздеть и разложить на столе. Как иначе можно объяснить этот липкий взгляд, который, как лазерная указка, постоянно движется в районе моей груди, чтобы ненадолго подняться на лицо, скользнуть по губам, а после — откровенным призывом врезаться в глаза.

Нет, с этим определенно пора что-то делать.

— Я рада, что вы увидели то, что для меня не секрет — ответственность у Дага в крови, — заметила я, — кроме того, трудолюбие, усердие и умение все схватывать на лету. И я рада, что вы нашли в себе силы выделить это и отметить его как ценного и перспективного сотрудника, который вне всяких сомнений достоин

своей новой должности. Но я буду еще больше вам благодарна, если вы прекратите пялиться на мою грудь, потому что иначе моя рука может дрогнуть, и вам придется отстирывать штаны от салата.

Ломеро перестал ухмыляться, а вот у меня желание обрушить на него салат не исчезло. Была бы возможность, завалила бы его этим салатом с головы до ног, чтобы одна голова торчала. И в рот неспелую маларрнелу[1], чтобы заткнулся наверняка. Представив себе эту картину, я даже невольно улыбнулась, что от него не укрылось.

— Считаете возможным говорить руководителю друга такие вещи, Аврора? — холодно поинтересовался он.

О, мы уже на «вы».

— Просто поддерживаю разговор, — я потянулась за тарталеткой. — И говорю с вами на вашем языке. Чтобы мы наверняка друг друга поняли.

Ломеро собирался что-то сказать, но видимо, в его системе координат произошел сбой, потому что вместо очередного комментария про напряженных женщин и оргазмы этот шовинист с замашками плейбоя не самого высокого разлива чуть ли не залпом выпил бокал веоланского, со звоном обрушив его на стол. Даг тут же поспешил наполнить его снова.

— Кстати, Аврору тоже можно поздравить, — нарушил тяжелое молчание друг. — Она недавно выиграла суд, у нее хотели отнять ребенка. Бывший из Лархарры. Поэтому она несколько... на взводе.

Что?!

— Вот как, — снисходительно хмыкнул Ломеро. — Авроре повезло, что суд был в Рагране. В Лархарре законы всегда на стороне отца. Считается, что отец сможет воспитать ребенка даже без матери, а вот мать, воспитывающая сына без отца — это парадокс.

— Даже если женщина может сама себя обеспечить? — поинтересовался друг.

— Даг! — рыкнула Зои, но он только от нее отмахнулся.

— Женщина, которая может обеспечить себя сама? Ты имеешь в виду этих злых замученных работой существ, у которых под строгими юбками звенят колокольчики?

Из какого вообще века вылезло это нечто?! Поинтересоваться сим фактом я не успела, потому что Ломеро неожиданно сообщил:

— Деньги должен зарабатывать мужчина. У меня, например, два высших — юридическое и эйчар менеджмент. Этого вполне достаточно, никому не нужен дома еще один ответственный работник вместо нормальной женщины.

Он это серьезно?!

— Для юриста вы слишком откровенно разбрасываетесь словами про оргазмы и про то, что женщины должны сидеть дома. Никогда не привлекались за харрасмент? — не удержалась я. — Или за яркие высказывания про права женщин?

— Здесь все свои, — блондин посмотрел сначала на Дага, потом на меня. — Или я не прав? Тогда охотно расскажу еще о себе. Моя мать родилась в Ферверне, работала журналисткой. Но когда вышла замуж за отца, уволилась и занималась только моим воспитанием.

С чем совершенно не справилась.

К счастью, мне хватило воспитания не сказать это вслух.

Я не стала отвечать вообще, и разговор больше не клеился. Зои молчала, Даг пытался вывести жену на какие-то шутки, но она только наградила его яростным взглядом и так скрежетнула вилкой по тарелке, что он замолчал. А после и вовсе поднялась, прижимая к себе Кати:

— Пойдем. Поможешь мне горячее достать.

Даг хотел возразить, но потом все-таки пошел за ней, что касается меня, я тоже встала и отошла к окну. На улице перед домом собрались несколько флайсов и несколько флайри, они стояли вперемешку, кто как поставил, затрудняя и без того насыщенное вечернее движение.

— А я ведь прекрасно знаю таких женщин, как ты, Аврора. Немало их видел.

Я закатила глаза, пожалев о том, что не взяла тарелку с собой. Салат я почти съела, а вот несколько жирных закусок на него все-таки можно было стряхнуть. Возможно, вырасти я изнеженным цветочком, как меня многие представляют (внешность обманчива), я бы сейчас краснела, бледнела и заикалась, но у меня была хорошая школа жизни. И школа в не самом благополучном районе, где встречались парни и похуже. Поэтому сейчас я повернулась к нему лицом и спросила в упор, глядя в глаза:

— Что в моем «нет» вам непонятно?

— Возможно, то, что твое «нет» — это просто желание набить себе цену? — он усмехнулся. — На самом деле ты мечтаешь выбраться из этой нищеты, кататься на дорогих тачках, и чтобы мужчина все решал за тебя.

Я отвлеклась на громкий голос Зои, донесшийся с кухни, поэтому пропустила момент, когда его ладонь по-хозяйски легла мне на талию.

— В любом случае, я ведь легко могу все переиграть. Даг сейчас на испытательном сроке, так что сама понимаешь...

— Понимаю. Что передо мной самый настоящий набл!

Я уперлась ладонями ему в грудь и оттолкнула, Ломеро врезался в подоконник и раздул ноздри.

— Думаешь, я этого не сделаю? Вышвырну твоего дружка на помойку, да еще и с такими рекомендациями, что работу себе он больше нигде не найдет. Разве что уборщиком. Да и то, если повезет. Твоя подружка этому очень не обрадуется, а уж ее дочка тем более.

Какой же скот!

— Думаю, Даг обрадуется, если ему не придется работать с тобой, — процедила я, резко разворачиваясь и направляясь на кухню. Ломеро не позволил: догнал, перехватил меня за талию.

— Не обрадуется. А знаешь, почему? Потому что его должность — это сделка за встречу за тобой. Хочешь стать причиной увольнения друга? Чтобы все его старания прошли зря? Не хочешь. Я так и знал.

Я очешуела от его слов настолько, что на мгновение замерла, а в следующее мгновение его губы уже ворвались в мои, он даже попытался просунуть свой язык мне в рот. Сдавив в объятиях так, что мне стало нечем дышать. На миг, а после ладони вспыхнули как от прикосновения к раскаленной сковородке. Я с силой ударила его в живот, и раздался вой. Такой дикий, что у меня по коже прошел мороз. Ломеро свалился на пол, скрутившись рогаликом.

— Чем ты меня ударила? — взвыл он уже оттуда. — Ларрка[2]!

Окончательно очешуевшая я посмотрела на свои ладони. Совершенно нормальные ладони, а в гостиную уже влетели Зои и Даг.

— Что здесь произошло?! — Голос подруги взлетел на несколько октав сразу.

— Этот... коллега пытался меня лапать! — выплюнула я.

— Что?! — теперь Зои почти закричала, и ответом ей стал громкий плач Кати. Это мгновенно отрезвило и привело в себя. Ничто

так не отрезвляет, как плач ребенка.

Что касается подруги, она прижала дочку к себе и шагнула к Ломеро.

— Пошел вон отсюда, — процедила она.

— А ты меня не приглашала, детка. — Скривившись, тот наконец убрал руки от живота и поднялся. — Правда, Даг?

— Даг! Скажи ему! — Глаза подруги сверкнули.

Что касается Дага, он замер. Переводя взгляд с жены с дочкой на меня и обратно.

— И вообще. Кое-кому не помешало бы извиниться. Хорошо так.

— Я. Ухожу. — Я показала Ломеро выразительный жест, наглядно демонстрирующий, куда он может засунуть свой характер вместе со своим содержимым, после чего развернулась и вышла в коридор.

Зои вылетела вслед за мной.

— Ава! Я понятия не имела... я...

— Все в порядке, — заверила ее. Хотя конечно, в порядке ничего не было, меня до сих пор трясло. — Нам просто надо немного успокоиться и поговорить чуть позже.

Я накинула пальто, быстро надела ботинки и вылетела за дверь. От Дага я такого не ожидала, но и от себя тоже. Как я со своим ростом — полтора метра в прыжке — смогла свалить здорового мужика, который основательно выше меня, шире в плечах, да и вообще... Прислонившись к стене в лифте, рассматривала свои ладони, как будто они могли дать мне ответ, но ответа на них не было. Наверное, просто перенервничала и двинула ему в солнечное сплетение. Попала в болевую точку.

Не наверное, а точно.

Вон, до сих пор горю, щеки как факелы. Я читала, что на адреналине люди способны на невероятные поступки, которые впоследствии даже наука не может объяснить. Поэтому сейчас глубоко вдохнула. Выдохнула. Вдохнула. Выдохнула.

Только на первом этаже, перед выходом из подъезда опомнилась. И вытащила смартфон, чтобы заказать флайс.

[1] Фрукт фиолетового цвета. В спелом виде отличается сладким вкусом, сочностью и плотной корочкой, которую сложно вскрыть без брызг. В неспелом виде кожура очень тонкая, а мякоть невыносимо кислая.

[2] Самка дракона. Ругательство.

Глава 17.5

Черное пламя Раграна

— Какой будет приказ, риамер Вайдхэн?

Знал бы он сам, какой будет приказ. За последние два с половиной года не усомнившийся ни в одном из своих решений, принимавший их быстро, расчетливо, взвешенно. Правда наблова отчима, однажды сказавшего ему крайне полезную вещь: «Когда у тебя нет слабостей, тебя нельзя зацепить», — крутилась в голове в последнее время практически постоянно.

Это была не только его правда. Это была правда, проверенная временем и десятками правящих. Тот, в чьем окружении есть слабое место, слабая точка, на которую можно нажать, невыносимо, отчаянно уязвим. Да что там говорить, он сам это испытал на себе. Ни разу не задумывавшийся раньше о высоких жестах, он шагнул за Лаурой Хэдфенгер в пустоши, понимая, что оттуда уже не вернется.

Тогда его кровь, его энергетика, его пламя считались отравой: между драконами всего мира существует телепатическая связь, а его отец убивал драконов. Вливал себе их кровь. Это потом выяснилось, что делал он это под воздействием его отчима, но даже этот факт для драконов не имел никакого смысла. Его бы превратили в ледяной столп без малейших сожалений, тем не менее...

Тем не менее он пошел за ней.

Потом случилось все то, что случилось, и теперь, после признания глубокоководными фервернскими, драконы видят в нем не просто лидера, одного из сильнейших, но все это не отменяет того факта, что еще случилась Аврора.

Аврора Этроу, которой не было в его планах, и уж совершенно точно в его планах не было чувствовать ее на расстоянии. Глубоководные фервернские не вышли на связь, и это стало — нет, не разочарованием, скорее подтверждением факта, о котором говорил Ландерстерг. Их больше не интересуют люди. Их больше не интересуют иртыханы. Они сделали все, что хотели и ушли подальше из вод, где их мог кто-либо достать. Сейчас велись переговоры, и вопрос будет повторно подниматься на следующем заседании Мирового сообщества — о том, чтобы все страны объединили силы, средства и оборудование для поисков затаившегося вида. Ландерстерг склонялся

к мнению, что просто и быстро это не будет, и в кои-то веки он был с ним абсолютно согласен.

А еще, стоя на расходящемся разломами снега берегу, у бурлящей ледяной воды, облизывающей земли Ферверна серо-синими пенными языками волн, он чувствовал, что прошлое ушло безвозвратно. Словно разом, под ударом клыков оборвалась связующая его с этой страной нить. Со страной, со всем, что осталось в снегах, и с Лаурой Хэдфенгер. Это было первое, что он ощутил, а второе — странным образом внезапно накотившее возбуждение, застучавшее пульсом в ушах.

Стянувшееся в паху всей силой желаний, пламенем заискрившее в каждой клеточке тела. Это было настолько живо, настолько отчетливо, что образ Авроры Этроу перед глазами вспыхнул в дымке огненно-черного вихря. Он с трудом удержался от того, чтобы не раскрошить смартфон в кармане или не отдать команду быстрого набора прямо сейчас — чтобы узнать, с кем она (в Мериуже было раннее утро), или, что еще хуже — забыв про Ландерстерга, просто шагнуть в телепорт, ворваться в ее квартиру, в ее ночь, ворваться в нее.

Помешательство пришло и ушло.

Чтобы на следующую ночь повториться, но уже в Рагране.

И снова.

И снова.

И снова.

Он знал, что у нее никого нет — ему докладывали каждый ее шаг, каждый телефонный разговор, и только это и заставляло оставаться на месте. Выжидать. Строить теории. Пытаться понять, что это, как с этим справиться... и как отпустить женщину, которая так и не подпустила его к себе.

Поэтому приказ он поставил на паузу коротким:

— Позже.

Поэтому смотрел на переливающийся огнями город, опираясь ладонями о перила собственной смотровой площадки.

Встреча в ресторане стала последней каплей: он полетел туда, чтобы узнать, что на уме у Наррины дель Рандаргим. По крайней мере, так проще было себе объяснить, почему деловой обед с пресс-секретарем проходит именно здесь. Дель Рандаргим суежилась, но именно больше суежилась, чем представляла из себя угрозу —

сладковато-мерзкий оттенок эмоций страха ни с чем не спутаешь, и в ней его не было.

Зато в Авроре Этроу было все: тонкая горчинка пламенного желания, раскрывающегося так ярко, что впору идти за ней в дамскую комнату, блокировать замок и делать то, что любят вставлять в горячие сцены вайшеррских кинолент. Смущение, отразившееся соблазнительным, будоражащим оттенком вплетенным в ее чувственность. И совершенно, умопомрачительно светлая нежность, солнечная любовь к ребенку, который назвал его:

— Бездарн Гадхэн!

Дракон его знает, как можно испытывать такую ошеломительную нежность и любовь, но его затопило ею целиком. Накрыло с головой, и в этот момент все стало окончательно сложно, потому что Аврора Этроу открылась ему с совершенно другой стороны. Теперь он не просто хотел эту женщину, он захотел сделать ее своей навсегда.

Вот так: без единого поцелуя, без какой-либо интимной близости, даже без возможности к ней прикоснуться. Не считая того случая в кабинете, когда он в самом деле счел, что это — ее способ пробиваться по жизни. Да, он видел ее обнаженной, но это было все равно что любоваться произведением искусства, не имея возможности до него дотронуться.

Хотя все, что ему надо было сделать — это приказать привезти ее к себе. Снова.

Да, она говорила, что видеть его не хочет, но ее тело говорило о другом. Аромат ее эмоций говорил о другом, поэтому всего один приказ отделял его от того, чтобы сделать ее своей по-настоящему.

Один приказ и мысли о том, что за этим последует.

Неизученная природа фервернских глубоководных, способных сопротивляться ментальному воздействию любого иртхана, могла воздействовать на нее как угодно. Могла воздействовать на него как угодно: если несколько коротких встреч привели к такой связи, то чем может обернуться секс? Не говоря уже о том, что ей придется как минимум ставить харргалахт[3] — пламя отзывалось на Аврору самым непредсказуемым образом, а как примет харргалахт черного пламени обычная женщина, предугадать невозможно. Его ранее никто не ставил. Никто не изучал его воздействия. Можно ли его ставить вообще?

И последнее.

При такой глубине проникновения друг в друга она точно станет его слабостью, а слабости ему не нужны. Ни сейчас, ни потом. Возможно, это решение он уже принял не так давно в ресторане.

«А у тебя чудесная мама. Береги ее».

Или чуть позже, когда доклад о том, что Аврора встречается у друзей с мужчиной, который не женат, и которого наверняка пригласили именно для нее. Он даже досье его изучил со всеми входными и выходными данными: стандартный среднестатистический менеджер-управленец, единственной отличительной чертой которого был тот факт, что все его романы с женщинами очень быстро заканчивались по причине невыносимого характера.

Ревновать там было не к чему, никакой угрозы он не представлял — все ее новые контакты рассматривались под лупой, проверялись и перепроверялись по сотне раз. Ревновать не стоило, но дракон угрожающе рычал при одной лишь мысли о том, что к ней приблизится кто-то другой, а потом... его слишком резко ударило ее разочарованием даже на расстоянии. Отчет пришел незамедлительно: Аврора просто ушла. Сбежала с дружеской вечеринки, села во флайс, вернулась домой. К сыну и к Ние.

С няней — перед созданием агентства, перед тем как отправить эту женщину присматривать за ее сыном — он беседовал лично, лично выбрал именно ее кандидатуру по характеристикам, по досье, по эмоциям.

Он принимал непосредственное участие в ее жизни слишком долго, но сейчас стоит остановиться. Оттолкнувшись от металлических перил, он коснулся гарнитуры.

— Снимите слежку за Аврой Этроу, — произнес отрывисто. — За дель Рандаргимом следить, пока не покинет страну.

Супруги дель Рандаргим уже были в Лархарре, что же касается их сына, осталось окончательно закрыть эту страницу.

И все.

С наваждением по имени Аврора Этроу тоже будет покончено.

Навсегда.

[3] Магическая печать, ставится обычным женщинам для того, чтобы во время близости иртханы могли не сдерживать свое пламя, и оно не причинило им вреда.

Глава 18

Два месяца спустя

Огромный торговый центр Эсфери Молл в восемьдесят семь этажей переливался огнями и праздничными украшениями. В воздухе крутились голограммы реклам, протянулись красочные гирлянды с шарами, бантами, драконьими цветками и другими игрушками. На их фоне делали селфи все кому не лень, микроблогеры записывали видео в специальных фотозонах — те, кто не успел урвать студию, на фудкорте тоже творилось нечто невообразимое. До ночи Перемены года оставалось всего-ничего, какая-то неделя, поэтому по эскалаторам текли людские реки, стеклянные скоростные лифты сновали между четырьмя ярусами, тоже полностью забитые.

— Мама! Длакон!

Глаза Лара сверкнули, и я невольно обернулась. Раз в час в Эсфери Молл взлетал праздничный дракон, об этом даже сделали репортаж и писали во всех СМИ. Вот и сейчас, голографический зверь, очень похожий на настоящего дракона — мощного, со сверкающей ало-оранжевой чешуей, с рычанием взмыл ввысь, чтобы пролететь между этажами, подняться под самый присыпанный снегом купол, а после снова устремиться вниз, сесть рядом с фонтаном и «заснуть» до следующего часа.

Разумеется, все присутствующие поприлипали к стеклянным поручням в несколько рядов, а я подхватила сынишку на руки.

— Смотри, какой красивый!

Глаза сына сверкали, как чешуя раскрывшего прямо над нами крылья зверя. Он задрал голову и затаил дыхание, вцепившись ручками в мое плечо, а я невольно улыбнулась. Все-таки даже хорошо, что Ния попросила сегодня днем выходной: теперь разговоров будет только об этом драконе. Изначально я не хотела брать Лара с собой, но у няни что-то случилось дома, она обещала освободиться как можно скорее и сразу же меня набрать. Поэтому после обеда мы с Ларом выдвинулись в торговый центр вместе.

Времени на покупку подарков и последние приготовления оставалось не так много: во-первых, в ресторане поставили совершенно сумасшедший график, выступления каждый вечер. Я бы, может быть, отказалась, но управляющий пообещал двойную оплату, и отказываться было глупо. Ну и отношения тоже портить не хотелось —

пока никто не спешил брать меня на другую работу несмотря на то, что попыток найти что-то еще я не оставляла.

Дракон зарычал, Лар завертелся, хлопая в ладоши, и, как назло, в сумке завибрировал телефон.

— Слушай, — без перехода затараторила Зои, — я сейчас в супермаркете, тут все печенье для лирасу расхватали. Уже в третьем, между прочим! Нигде не могу найти, представляешь? А ты сегодня в Эсфери собиралась, посмотри там в Галтоне. Он же весь первый этаж занимает, у них могли еще остаться.

Я покосилась на сына.

— Я сейчас с Ларом. Не знаю, как он будет себя чувствовать, может устать. Но если получится, забегу.

— А, — Зои вздохнула. — Ясно. Я вот в обеденный перерыв побежала, надеялась ухватить. Но нет, бесполезно.

— Я посмотрю, — успокоила подругу.

К счастью, мы с друзьями достаточно быстро объяснились по поводу той неприятной ситуации. Выяснилось, что, когда Даг приходил по поводу моего трудоустройства, этого придурка Ломеро в самом деле заинтересовало мое резюме. Только не как сотрудника, а фотографией и тем, что я мать-одиночка — вроде как подъехать проще. Он походил-подумал и решил, что будет неплохо, если Даг нас познакомит, а взамен пообещал посодействовать в его повышении.

— Я честно представить не мог, что он такой придурок, — оправдывался друг. — Ну и растерялся конечно...

Он сам позвонил мне на следующий день, чтобы извиниться и объяснить, что произошло. Впоследствии Ломеро ему все-таки подгадил, и испытательный срок Даг не прошел.

— Ну да и ладно, проблем меньше, — сказал он, — на своем месте всяко лучше, чем быть обязанным такому засранцу.

Больше мы к этому вопросу не возвращались, зато активно обсуждали, как будем отмечать Перемену года. Собраться решили у них, потому что на моей съемной квартире арендодатель был категорически против компаний, к тому же, собирались прийти родители Дага и Зои и ее старшая сестра, которая вообще редко куда-то выбиралась. Компания обещала быть разношерстной, но веселой, детей мы сразу после фейерверка договорились уложить спать, а после продолжать праздновать.

— Спасибо. Будем надеяться, что мы его найдем, это печенье, — Зои вздохнула. — Ух, у меня на работе не продохнуть.

— Естественно, перед праздниками все прихорашиваются.

— Да что же они заранее-то не прихорашиваются, а? Еще эта ларрка Кейси отказалась выходить на смену перед праздником, в итоге я одна пашу, делаю прически практически до последнего.

— Вот же... — я сама расстроилась. Лар потянулся к смартфону, чтобы поговорить с Зои, и я ссадила сына с рук. — Слушай, ну я тогда приеду пораньше. Помогу с салатами и остальным.

— Да готовить-то там будет кому... устану просто, как набл последний.

Я вздохнула.

— Могу я чем-то помочь?

— Я к тебе Кати с утра привезу, хорошо? Ния же у тебя работает в этот день?

— Да.

Сама подруга так и не решилась на социальную няню. Призналась, что не готова доверять дочь какой-то незнакомой женщине и даже весь мой удачный опыт с Нией ее не впечатлил.

— Ну вот так тогда и поступим. Все, я побежала, а то мне уже кто-то названивает.

Подруга отключилась, а я посмотрела на Лара, который показывал в сторону отдела с игрушками. Вообще-то мы приехали за новыми зимними ботиночками, а себе я хотела выбрать новое белье и платье, ну и еще докупить по мелочи всякого для праздника. В том числе украшений.

— Игрушки потом, — сказала строго.

— Ну ма-ам...

— Никаких мам. Ты же помнишь, что я говорила, когда мы поехали вместе?

Лар вздохнул, потупился и кивнул.

— Тогда пойдем. Если все успеем, зайдем еще выбрать подарок Кати и тебе.

Сын просиял, и я улыбнулась тоже. Разумеется, подарок для него у меня уже был, но тот будет сюрпризом. А сегодня пусть действительно выберет себе что-нибудь сам для праздничного настроения. Заодно и решения будет учиться принимать — попрошу

его помочь с подарком для Кати. Навигатор освободился, и я шагнула к нему, чтобы найти нужные мне секции, когда услышала:

— Аврора?! Аврора, какой сюрприз! — обернувшись на знакомый голос, невольно замерла: ко мне спешила Наррина дель Рандаргим.

Глава 18.2

Да, сюрприз удался. Я успела только поздороваться, как на меня уже обрушился восторженный шквал комплиментов: о том, как я хорошо выгляжу, о том, как прекрасно выглядит Лар, и какие мы вообще молодцы, что все время вместе, мама и сын.

— А вы? Как вы оказались в Рагране? — спросила я, когда поток комплиментов иссяк.

— Ох, ну... это долгая история, — Наррина посмотрела на меня. — Я очень захотела отпраздновать Перемену года в каком-нибудь снежном климате, но не очень жестком, как в Ферверне, и не в очень дорогой стране, как в Аронгаре. Поэтому мы с Торретом остановились на Мериуже, решили устроить себе необычный праздник. Он сейчас отдыхает в номере в гостинице, а я приехала выбрать для него подарок. Не поможешь мне?

От такого предложения я даже слегка опешила: да, мы были знакомы, и она вроде как бабушка Лара, но ее мужа я в глаза не видела. К тому же, ее присутствие по-прежнему напоминало мне о суде.

— Карид тоже приехал с вами? — спросила несколько напряженно.

— Карид? Нет, он остался в Лархарре. Мы с ним... не то чтобы общаемся в последнее время. — Наррина грустно вздохнула. — Он... мы не сошлись во мнениях. Особенно после его возвращения...

Она осеклась и опустила глаза, в которых заблестели слезы.

— Мне очень жаль, — тихо сказала я.

— Мне тоже, — она глубоко вздохнула, кивнула мне. — И я понимаю, сейчас все заняты. Бегают по своим делам. Не буду вас отвлекать.

Поправив темные волосы, женщина уже хотела уйти, когда я мягко коснулась ее руки.

— Я очень рада была вас видеть. Лар?

— Я тоже, — согласился сын. Хотя его куда больше интересовал наш поход по магазинам, и он принялся тянуть меня за руку. — Мам?

— Все забываю спросить. Ты нашла другую работу, Аврора?

— К сожалению, нет, — я улыбнулась и добавила: — Но я не унываю. Обязательно найду.

— Да, да. Конечно. Просто в Рагране с этим сложно, насколько я знаю. Мест всегда не хватает, а желающих много, — Наррина достала смартфон, скользнула пальцами по дисплею, потом взглянула на меня. — Если хочешь, мы можем посидеть на фудкорте, пока ты бегаешь по отделах. Так будет быстрее, а я все равно не тороплюсь.

Предложение было заманчивым, но вряд ли Лару оно понравится. Он и так уже прыгал, вцепившись в мою руку:

— Ма-ам! Ма-ма! По-шли!

— Благодарю, но нет, — отказалась решительно. — Лар слишком привязан ко мне.

К тому же, я не уверена, что его темперамент способен вынести кто-то еще, кроме меня и Нии.

— Хорошо, — кивнула она. — Ну тогда... с наступающими праздниками, Аврора.

— И вас с наступающими праздниками. Всего вам самого замечательного.

Наррина уже собиралась ответить, когда у меня снова завибрировал смартфон. В этой суете я бы скорее всего даже не заметила, если бы сумка не задержалась в такт прыжкам Ларра с другой стороны.

— Одну минуту, — я едва глянула на экран: незнакомый номер, хотела сбросить вызов, но передумала. Недавно мне с незнакомого номера звонил Даг, у него разрядился аккумулятор во флайсе и смартфон, и он попросил у кого-то на улице телефон, чтобы позвонить. Связался со мной, потому что не смог дозвониться до Зои. В итоге я предупредила подругу, что ее муж застрял на какое-то время, и она успела привезти Кати ко мне перед работой.

— Слушаю?

— Аврора Этроу? Вы оставляли на нашем сайте свое резюме. Солластар Эйд.

— Ма-ам!

Дурдом.

— Лар, тише. Простите пожалуйста, я с маленьким сыном в торговом центре. Можете говорить погромче?

— Да. Наша компания готова пригласить вас на собеседование...

— Мам! Мам! Мам!

— Простите. Я сейчас успокою сына. На какой номер можно вам перезвонить?

— Я подожду.

Поставила вызов на удержание и присела рядом с Ларом:

— Ты что творишь, маленькое чудовище? — Знает же, что когда я говорю по телефону, меня лучше не дергать.

— Ничего, — сын расплылся в улыбке.

— Ничего? Мы с тобой о чем говорили? Как нужно себя вести, когда я занята?

— Аврора, — я уже успела забыть про Наррину, хотя бы потому, что она деликатно отошла чуть подальше. — Какой-то важный звонок? Давайте я с ним побуду, пока вы поговорите.

Я вздохнула.

— Хорошо.

— Куда ты хочешь, Лар? — Наррина наклонилась к нему.

— В игрушки! — сын снова указал на желанный отдел.

Я бросила взгляд на отдел, который отлично просматривался с места, на котором мы стояли.

— Только не покупайте ему ничего, — предупредила Наррину.

— Совсем ничего?

— Совсем.

Лар, судя по его довольному лицу, вообще не расстроился от моего «совсем», потому что радостно потащил бабушку на драконьей тяге к отделу. Подпрыгивая и на что-то уже показывая, явно собираясь уговаривать Наррину ему это купить. Я покачала головой и снова вернулась к звонку.

— Да. Простите. Вы хотели пригласить меня на собеседование. Когда?

— Завтра в полдень. Вас устроит?

— Да, разумеется.

— Ниграйз доверн, сто восемнадцать, корпус В, шестнадцатый этаж. С собой вам потребуются документы, пропуск на вас будет уже оформлен. Нам требуется офис-менеджер в отдел продаж, но это вы и так знаете. Нужно будет вести аналитику, отвечать на звонки, планировать и координировать менеджеров и руководителей направлений.

— Хорошо. Завтра в полдень я у вас.

— Тогда до встречи, Аврора.

— До встречи.

Я нажала отбой и чуть было не запрыгала на месте, как Лар. Солластар Эйд, одна из последних компаний, в которые я отправляла свое резюме, предлагала очень хорошие условия, в том числе и полный соцпакет. Если мне все-таки удастся туда устроиться, я смогу всерьез задуматься об ипотеке. И тогда следующий год мы будем встречать, возможно, уже в собственной квартире!

Улыбнувшись, сунула телефон в сумку и развернулась к отделу игрушек, маячившему впереди разноцветными гирляндами, детскими флайсами, огромными подарочными коробками. Взгляд скользнул по нему и невольно зацепился за расположившуюся справа романтически-снежную фотозону. Там среди искусственного снега и украшений, на узорчатых качелях целовалась парочка. Влюбленные, они обнимались так, что даже меня бросило в жар.

Впрочем, меня сейчас бросало в жар при одном взгляде на парочки, потому что сны про Вайдхэна не прекратились. Они повторялись с завидным постоянством, от которого впору было на стенку лезть. Если бы он сделал хотя бы сотую долю из того, что со мной происходило во снах, в реальности... На этой мысли я натурально споткнулась и поспешно отвела взгляд от целующихся.

Кровь снова забурлила, как ненормальная, хотя ненормальная тут — это я!

Кто еще постоянно видит сны такого содержания об одном и том же мужчине? Так же я сказала и психологу, к которому все-таки пришла на консультацию. На что женщина ответила, что мне пора завести себя парня.

— Что? — уточнила я, потому что после ее слов мне показалось, что я ослышалась.

— Вы не думали о том, чтобы начать с кем-то встречаться, Аврора? — повторила она.

— Нет!

— Возможно, стоит об этом задуматься. Ваш организм — организм молодой женщины, таким образом сигнализирует вам о том, что...

В общем, к психологу я больше не ходила. Пила легкий травяной настой на ночь, чтобы лучше спать. Иногда срабатывало, иногда нет. Я даже новости смотреть перестала и перенастроила ленту так, чтобы политика и все что с ней связано обходило меня стороной. Правда, это тоже помогало сомнительно, но я надеялась, что однажды это пройдет. Недавно даже начала думать, что психолог была права и что, возможно, мне стоит снова попробовать и начать хотя бы ходить на свидания.

С этой мыслью я ускорила шаг и почти шагнула в отдел игрушек, когда мне навстречу вылетела Наррина. Раскрасневшаяся, с трясущимися руками.

— Аврора! — воскликнула она, вцепившись в меня. — Лар! Он исчез.

Глава 18.3

Мир пошатнулся, я стряхнула руки женщины и влетела в отдел.

— Лар! — заорала так, что от меня шарахнулась какая-то девушка, а консультант подбежала ко мне.

— Риам, я вас прошу...

— У меня сын пропал, — рыкнула я. Так, что она чуть ли не по стойке смирно вытянулась.

Наверное, это был самый мой страшный кошмар, вот только сейчас он воплощался наяву, он стал реальностью.

— Лар!

Отдел был не слишком большой, не сетевой гипермаркет игрушек, которых в центре было бесчисленное множество, но я все равно бестолково металась между полками в надежде, что Наррина просто слепая и не видит его. Он же маленький, мог затеряться.

Он же...

Нет, нет, нет! Пожалуйста, нет!

Чувствуя, как внутри все сжимается, вылетела из отдела, наткнулась взглядом на Наррину, которая бросилась ко мне.

— Нам надо в администрацию, Аврора. Они объявят по громкой связи...

Она что-то еще говорила, а мой взгляд метался с фотозоны на стеклянные поручни, от них — дальше, вдоль рядов, сквозь людей в надежде отыскать моего мальчика. Нет, его не было. Его не было, не было, не было, и сердце колотилось в таком бешеном ритме, что

зашумело в ушах. В глазах потемнело, и тут рядом опять возникла Наррина:

— Ты слышишь, Аврора! Пойдем! Нам нужно в администрацию!

Усилием воли вытряхнула себя из адреналинового транса и кивнула.

— Да. Пойдем.

У меня перед глазами все плыло, а руки дрожали, поэтому именно Наррина искала на голографическом навигаторе, куда нам надо идти, на какой этаж. Потом мы вместе шли к лифтам, и я, чувствуя, как меня продолжает трясти, глубоко дышала. Мне нужно было нормально разговаривать с администрацией и охраной. Мне нужно было все объяснить и все показать. Все рассказать...

Хотя что я могла рассказать?

Это Наррина его потеряла. Она его потеряла!

— Что произошло? — постаралась по максимуму отбросить эмоции.

— Я все расскажу в администрации, давай поторопимся...

— Ты все расскажешь мне, — сказала я. — Мне это совершенно не мешает идти.

Хотя, если говорить точнее, бежать. Переходы, лифты и бесконечные ярусы торгового центра уже просто мельтешили перед глазами, но мы наконец-то были на нужном этаже. И наконец-то двигались в сторону административного офиса.

Наррина поджала губы.

— Аврора, не груби, пожалуйста. Я ведь тоже переживаю.

— Чтобы не переживать, не надо было оставлять моего сына без присмотра.

— Да я на минуту отвернулась! Чтобы оплатить... — Она подняла пакет с логотипом бренда.

— Я же сказала: ничего ему не покупать! — рывкнула я.

Хотя орать, по-хорошему, надо было на себя. Надо было... зачем я отпустила его с ней?! Как я могла?

При мысли о том, что мой потерявшийся малыш где-то бегает по торговому центру, совсем один, стало не по себе. Еще больше не по себе стало от того, что... он же совсем маленький! Неужели его никто не увидел? Никто не спросил — где твоя мама? Это же тоже должны были сообщить охране! И объявить по громкой связи!

Охранник, дежуривший у перехода в административное крыло, нахмурился:

— Риам, вы заблудились?

— Нет, у меня пропал сын. Мне надо его найти. Это срочно! Он маленький, ему два... — Понимая, что опять впадаю в истерику, снова глубоко вздохнула: — Пожалуйста. Нам нужно...

Охранник даже больше ничего спрашивать не стал, нас быстро проводили в администрацию, меня усадили в одном из кабинетов на диванчик и тут же принесли кофе, воды и две пластинки мгновенно действующего успокоительного. Их нужно было наклеить на запястье, чтобы снять стресс, но я даже не посмотрела в их сторону. Наррина объясняла, как все произошло, а я пыталась справиться с головокружением и постоянно ускользающей от меня мыслью.

Какой-то дикой, тревожной мыслью, которую никак не могла поймать.

— Все, — Наррина опустилась рядом со мной на диван. — Они сейчас объявят по громкой связи, и нам останется только ждать. Если не поможет, будут смотреть камеры, но я уверена, что его кто-нибудь приведет. Просто надо подождать, Аврора.

Я отвернулась от нее.

— Возьми пластинку, пожалуйста, — она подняла крохотный лекарственный конвертик. — И прости меня. Я даже не представляла...

Мне хотелось заткнуть уши. Зажать их, чтобы не слышать ее голоса, закрыть глаза, чтобы не видеть ее. Вместо этого я вскочила и подошла к девушке-секретарю, которая сочувственно на меня посмотрела:

— Могу я чем-то еще помочь, риам Этроу?

— Могу я чем-то помочь? — повторила ее же слова. — Что я могу сделать, чтобы ускорить поиски моего сына? Может, я вместе с охраной...

Секретарь покачала головой:

— Вам сейчас лучше просто успокоиться. Все посты уведомили, вашего сына ищет вся служба безопасности Эсфери Молл. Поверьте, ребенок никуда отсюда не денется. Я больше чем уверена, что минут через десять вы уже встретитесь, — девушка поднялась из-за стола, указала мне на диван. — Подождите, пожалуйста. Все будет хорошо.

«Подождите, пожалуйста».

«Просто надо подождать».

«Нам останется только ждать».

Она произнесла это слово два раза, и в меня словно древним тараном ударило, выбивая из груди воздух вместе с адреналином и биением сердца.

Подождать. Сколько нам ждать? Полчаса? Час?

А ведь мы теряем драгоценное время! Время, за которое... Лара могли уже вывезти из торгового центра. Я обернулась к Наррине, которая сидела, уткнувшись в свой смартфон.

— Дай его мне! — резко шагнула к ней. — Кому ты писала?

Наррина сверкнула глазами:

— Это уже переходит все границы, Аврора. Я понимаю, что ты расстроена, но...

— Дай мне смартфон.

Это прозвучало как-то совершенно резко, холодно, жестко. Несмотря на бушевавшую во мне ярость, она словно улеглась, а взамен нее... и я сама не знала, что пришло взамен, но это что-то заставило Наррину замереть, а после покорно, как кукле, протянуть мне девайс.

Я пролистала все ее сообщения, прошерстила все мессенджеры, но ничего не нашла. Тем не менее странное чувство, наподобие того, что бывает, когда разом вдыхаешь ледяной воздух — подарившее мне кристальную чистоту сознания, когда все лишние мысли просто осыпались как шелуха — осталось со мной. Именно благодаря ему я отчетливо поняла, что если сейчас не сделаю что-то, могу никогда больше не увидеть своего сына.

А что я могу сделать?

Из связей у меня разве что Даг и Зои, был еще Доминик — но именно был, я хотела сделать ему подарок-сюрприз, привезла коробку конфет и бутылку дорогого веоланского пару дней назад, но выяснилось, что в районной коллегии адвокатов он больше не работает...

Вайдхэн.

Тот, кто знал обо мне все через пять минут после того, как я вышла из кабинета Лизы. Или даже быстрее. Или чуть медленнее. Неважно. Важно то, что...

Я швырнула телефон все еще пребывавшей в странном ступоре Наррины на диван и достала свой. В открытом доступе, разумеется, были только горячая линия, номера пресс-службы и обращению по работе с гражданами Раграна. Это будет не быстрее, чем искать Лара по торговому центру, или даже если бежать в полицию... Вся кристальная ясность в мгновение ока испарилась, перед глазами снова потемнело.

Драконы, какой же я была душой! Надо было тогда соглашаться... на все.

«И что? — пришла в голову ехидная мысль. — Думаешь, у тебя был бы его личный номер?»

Перед глазами потемнело еще сильнее, я отошла как можно дальше от дивана и привалилась к стене. Со мной творилось что-то странное, время утекало как вода сквозь пальцы. Поехать к нему? Но я не знаю ни точного адреса, ни хотя бы чего-то конкретного, что бы помогло мне с ним связаться.

Мой телефон задергался прямо в руках: звонила Ния.

— Аврора, я чуть пораньше освободилась. Могу вас подхватить прямо в Эсфери... Аврора?

Я, не в силах больше сдерживать чувства, сдавленно всхлипнула. Теперь я уже не сомневалась в том, что произошло, ни мгновения, ни секунды... и мысли о том, как можно быть такой душой, имели совсем другой оттенок.

— Аврора! — няня повысила голос. — Аврора! Что случилось?

— Лар... — через силу, сдавленно вытолкнула я. — Лара украли.

Глава 19

Звонок сорвался. Не дослушав короткие гудки, я сунула смартфон в сумку и снова шагнула к секретарю, потому что не могла стоять на месте. Перезванивать Ние не имело смысла.

— Звоните в полицию. Поднимайте камеры! Делайте хоть что-нибудь!

— Риам Этроу...

— Аврора, перестань нервничать, — снова завела свое Наррина. — Эти люди делают все, что могут...

Вот лучше бы она молчала.

Я медленно повернулась к ней. Очень медленно.

— Ты украла моего ребенка, — сказала я. — Или помогла его украсть. И ты за это ответишь.

— Ну все! Я не намерена терпеть твои оскорбления, — Наррина вскочила, подхватила сумку, но я шагнула вперед, перекрывая ей какую-либо возможность пройти. Для этого ей пришлось бы прыгать через журнальный столик или лезть через диван. — Уйди с дороги!

Сказала она это уже совершенно другим тоном. Как-то очень неуверенно, я же холодно улыбнулась.

— Риам Этроу, — теперь уже вскочила секретарь. — Пожалуйста, успокойтесь, или я вынуждена буду вызвать охрану.

— Вызовите, будьте так любезны, — сказала мать Карида. — Я, признаться, не ожидала...

— Можно вас? — я кивнула секретарю, перебив Наррину на полуслове. И, когда она приблизилась, резко вытолкнула девушку за дверь и вдавила ладонь в панель блокировки замка.

Мне повезло: кабинет, перед которым сидела секретарь, пустовал — кто-то из замов был то ли в отъезде, то ли где-то еще (именно поэтому нас привели сюда, чтобы не оставлять одних, но в то же время никому не мешать), и мы с Нарриной остались одни. Кажется, осознание этого заставило мать Карида побледнеть. Осознание этого или осознание того, что она сделала?

— Откройте! — донеслось из-за двери. — Риам Этроу! Охрана будет вынуждена вызвать полицию.

— А вот это очень даже хорошо, — я сказала это скорее для Наррины. — Полиция будет очень в тему, не так ли? Учитывая, как вы все классно спланировали. Сначала мы мило пообедали пару месяцев назад, теперь «случайно» встретились, и Лар случайно пропал. Какие невероятные совпадения.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — она тряхнула головой. — И я требую, чтобы ты немедленно ушла с дороги и открыла дверь. Я гражданка Лархарры, в отпуске за границей. И у тебя будут серьезные неприятности, если...

— Серьезные неприятности сейчас будут у тебя, — сказала я, — и не от полиции. От меня. Если ты сейчас же не расскажешь, где мой сын. Куда вы его увезли?!

— И что ты сделаешь? — Наррина сложила руки на груди. — Даже если представить, что твоя безумная теория правда?

Внутри просто вспышкой взорвалось маленькое солнце. Горячее, палящее, очень-очень злое.

— А ты как думаешь? — спросила я. — Мне терять нечего.

Не знаю, что такое отразилось на моем лице, потому что Наррина завопила и выставила сумку перед собой, как щит:

— Не подходи ко мне! Ненормальная!

— Да. Я ненормальная. Но тебе надо было думать об этом раньше — до того, как ты решила похитить Лара. Итак. Я тебя слушаю.

Я снова шагнула вперед, еще больше сокращая расстояние между нами.

— И считаю до трех. Раз.

Взгляд Наррины заметался между диваном, столиком, мной и наглухо запертой дверью.

— Два.

Она с визгом швырнула в меня сумкой, попытавшись перемахнуть через столик — откуда только взялась прыть в ее грациозном изяществе. Не получилось: я так резко шагнула ей наперерез, что она споткнулась, завалилась на диван и выставила вперед руки.

— Помогите! — заорала она. — Помогите! На помооооооощь!

— Просто признайся. Скажи, где Лар. — Мой голос был неестественно-спокойным. — И я открою дверь.

— Я... я не знаю... они...

В ее вопли ворвалось шипение, следом со скрежетом распахнулась дверь. Меня обхватили сильные мужские руки, и я дернулась. Забилась, понимая, что с охранником мне не справиться, все равно на инстинктах рванулась к ошалевшей Наррине, у которой глаза из орбит не вылезли только каким-то чудом.

— Пустите! — крикнула я. — Пустите! Да пустите же! Вы что, не понимаете? Она уже почти призналась... она призналась!

— Она признается, — сильные руки больше не удерживали, легли на мои плечи, но теперь уже глаза из орбит чуть не вылезли у меня. Я дернулась, отскочила, обернулась и увидела Бенгарна Вайдхэна собственной персоной.

Глава 19.2

В самый ответственный момент во мне кончились слова. Именно тогда, когда я должна была все ему рассказать, попросить о помощи, но просить ни о чем не пришлось.

— Пойдем, Аврора.

Меня мягко развернули к дверям, за которыми маячила даже не охрана Эсфери Молл, а охрана одного небезызвестного лица. Часть из них устремилась в кабинет, когда я, все еще пребывая в шоке, позволила себя увести, и оттуда донесся новый вопль Наррины:

— Вы не имеете права! Я подданная Лархарры!

— Ваши права никто не нарушает, риа́м дель Рандаргим. После того, как ситуация разрешится, вы получите официальные извинения — если, разумеется, не имеете к ней никакого отношения.

Вальцгард произнес это жестко, и это было последнее, что я услышала от него и Наррины, потому что мы уже отошли от кабинета. Впрочем, насчет отсутствия охраны я поторопилась: сюда, по-моему, стянулась маленькая регулярная армия местного самоуправления. Секретарь, которую я вытолкала за дверь, тоже была тут, и глаза у нее стали размером с чашечки для кофе.

Вообще тут много кто был: это ничем не напоминало нашу интимную проходку по коридорам ресторана, в котором я работаю.

Вайдхэн коснулся гарнитуры и, выслушав что-то, нахмурился.

— Да. Хорошо.

— Что? — способность говорить ко мне все-таки вернулось, но этот многозначительный вопрос был большим, на что меня хватило.

— Лар сейчас на пути в Гоэрвентел.

Я судорожно вздохнула: Гоэрвентел — новейший телепортационный комплекс под Мериужем, который запустили относительно недавно, месяцев семь назад, на смену старому.

— С Торретом дель Рандаргим, — произнес Вайдхэн, — их перехватят прямо на парковке.

Я всхлипнула. По крайней мере, получился именно всхлип:

— Можно мне туда?

— Не стоит, Аврора.

— Пожалуйста.

Вайдхэн коротко взглянул на меня, но ничего не добавил. Мы прошли по коридорам, уже совершенно пустынным, к лифтам, дальше — на парковку. Этот флайс я помнила по нашему предыдущему совместному полету, и, кажется, выдохнула из себя весь воздух, когда услышала короткий приказ водителю:

— Гоэрвентел.

Мы снова сидели друг напротив друга, в голове роились десятки вопросов — что, почему, как? Но все они стирались мыслями о Ларе, которого везли в телепортационный комплекс.

Аэромагистраль перед нами была настолько чистой, как будто разом отказали аккумуляторы всех флайсов, а действующими остались только наш и машины сопровождения. Я отметила это автоматически, стараясь не думать о том, что сейчас чувствует Лар. Как им вообще удалось его вытащить из торгового центра, не привлекая к себе внимания? Он ведь никогда не шел к незнакомцам.

Но Наррину я представила ему как бабушку.

Сама отдала его в ее руки. В ее и в руки ее мужа.

Торрет увез его. Наррина сделала для этого все возможное.

Но почему? Зачем?

Вспышки возникающих вопросов приходили и уходили, я же словно выпала из реальности, а вернулась в нее лишь тогда, когда увидела сверкающие в морозном солнце пирамиды Гоэрвентела. Комплекс был действительно огромный, не чета прежнему, а еще ультрасовременный, с сотнями терминалов, способный принимать максимальное количество переходов из разных стран на должном уровне.

Центральная пирамида возвышалась над остальными, стеклянными артериями к ней стекались рукава переходов из других корпусов. Мы, разумеется, сидели на выделенную парковку, и все это время Вайдхэн тоже хранил молчание. Стоило дверце флайса пойти ввысь, как я увидела идущего к нам вальцгарда. На руках у него был мой сын: растрепанный, глазки красные, лицо зарезанное.

— Лар! — я рванулась к нему, вылетела из флайса.

Расстояние показалось мне слишком большим или наоборот мизерным. Я подлетела к вальцгарду, перехватывая сына из его рук, и, кажется, впервые за все это время вдыхая по-настоящему.

— Мам! Ма-ам! — Лар всхлипнул и снова заревел, к тому же, как всегда во время плача, начал икать. — Они... ик... он-ни сказа... ик.. ли, что я... ик... увифу... папу. И... фто ты к нам ... ик... пфидешь.

Твари.

К счастью, мне хватило сил не сказать это вслух.

Я прижала его к себе, гладила по голове и шептала:

— Тише, маленький. Тише. Все хорошо.

Теперь уже вдохи прорывались в грудь, рывками, раз за разом наполняя легкие обжигающе-холодным воздухом, но теперь я, по крайней мере, могла нормально дышать.

— Аврора, пойдём в машину.

Только сейчас я обернулась к Вайдхэну.

— Пойдём, — непривычно мягко для него повторил он. — Сегодня не самая лучшая погода.

— Да. Аномально холодно для Мериужа.

Мне захотелось засмеяться. Или заплакать. Или и то и другое вместе: кто бы вообще мог подумать, у меня чуть не украли сына, а я стою и беседую с Вайдхэном о погоде.

С Вайдхэном! О погоде!

Чтобы не заикливаться на этой мысли и не сойти с ума окончательно, я кивнула и шагнула к гостеприимно раскрывшему двери флайсу. Когда мы поднялись в воздух, в салоне сразу стало ощутимо теплее — видимо, для Лара. Вот только несмотря на мое присутствие, несмотря на то, что я гладила его по голове, он не переставал плакать. Его трясло, и меня тоже начинало трясти, он то всхлипывал, то захлебывался рыданиями, и теперь меня это пугало чуть ли не больше несостоявшегося похищения.

— Хочешь познакомиться с виари?

Это прозвучало так неожиданно, что я вскинула голову и с недоумением посмотрела на Вайдхэна: у ребенка истерика, он что, с ума сошел?

Но Лар тут же перестал плакать, тоже поднял голову и, растирая глаза кулачками, сказал:

— Хочу!

Глава 19.3

— Лар, — я хотела возмутиться, но потом поняла, что сын перестал плакать вообще. Не только плакать, но даже икать.

— А она кусается?

— Нет. Если ее не дразнить. — Это было сказано с улыбкой. — Драконы тоже не кусаются, если их не дразнить.

Почему у меня такое чувство, что последняя фраза была сказана для меня?

— А гладить ее мона?

— Можно.

— А...

— Лар, не приставай, — сказала я. Сын хлопнул длинными ресницами и перевел взгляд на меня, а Вайдхэн сидел и улыбался. Вот зачем он улыбается, спрашивается? Я его таким вообще не представляла, ни разу. Больше того, рядом с тем мужчиной, с которым я столкнулась дважды, у меня бы даже чувства не возникло, что он умеет растягивать губы в улыбке. Сейчас же...

— Мам. Ну мы фе поедем сфофлеть фиави?

Я покосилась на Вайдхэна: его улыбка стала шире. Дракон он, и этим все сказано! А мой сын... у Лара снова задрожали губы, и я решила, что пусть уж лучше смотрит виари, чем снова рыдает.

— Поедем.

Кажется, сейчас можно было расслабиться, облегченно вздохнуть — вот он, мой Лар, у меня на руках, и все хорошо, но теперь уже расслабиться не получалось по другому поводу. Вайдхэн смотрел на меня, удобно устроившись на сиденье напротив, как тот самый дракон, который не кусается, если его не дразнить. Не кусается, конечно, зачем ему кусаться. Он сразу целиком заглатывает, одни сапожки из пасти торчат.

Я бы и хотела его спросить кое о чем, а если быть точной, я о многом хотела его спросить, но не при Ларе же. Поэтому оставалось развлекать сына и делать вид, что меня совершенно не волнует этот лениво-расслабленный прищур хищника.

— Флайфики! — Лар вытянул ручку, рассматривая активное движение за окном. С выделенной линии аэромагистралей они все казались игрушечными, а те немногие, что попадались навстречу, Лара просто не интересовали. Ему нравились крохотные машинки и ленточки аэроэкспрессов. Он пришел в восторг от того, что мы летим выше всех, даже сполз с моих рук и подобрался ближе к окну, чтобы ничего не пропустить.

— Как ты, Аврора?

Сердце сделало странный прыжок и забило где-то у горла. Я не ожидала, что Вайдхэн задаст такой вопрос, я вообще не ожидала, что он со мной заговорит, особенно в таком тоне. Приказы раздавать у него получалось отлично, а вот что насчет остального...

— Все хорошо, — сдержанно ответила я.

— Все?

Почему он на меня так смотрит, как будто слышит, как у меня сердце собирается на выход с вещами? Хотя, может статья и слышит, у иртханов хороший слух.

— Я прихожу в себя. Этого будет достаточно? — ответила спокойно, стараясь сохранять нейтральный тон.

— Достаточно для чего?

И правда, для чего?

Я не ответила, а он, к счастью, не стал настаивать на продолжении разговора.

В лучах солнца высотка, где располагалась квартира Вайдхэна, казалась стальным монолитом, политым расплавленным золотом. Я-то хорошо помнила это место и эту парковку, а вот Лар впечатал обе ладошки в стекло.

— Мам! Ма-ма! Как высоко!

— Очень высоко, — согласилась я.

Флайс плавно прошел сквозь ослабленный щит и замер у самых дверей пентхауса, следом опустились флайсы сопровождения.

— Помочь? — Вайдхэн подал мне руку, и я вздрогнула от прикосновения к его пальцам. Словно за оголенный провод схватилась и рухнула в бездну.

— Нет, — покачала головой. Сама мысль о том, чтобы кому-то отдать Лара хоть на секунду, заставила меня содрогнуться, поэтому я подхватила сына на руки, а один из вальцгардов передал Вайдхэну мою сумку. Сумку, о которой я напрочь забыла.

Увидев военных, Лар заробел и прижался ко мне. Рядом с Вайдхэном он почему-то не смущался, а сейчас уткнулся лицом мне в плечо и вцепился пальчиками в воротник пальто.

Мы шагнули в просторный, залитый солнечным светом холл, и Вайдхэн позвал:

— Дрим!

Правда, по ощущениям, можно было и не звать: виари вылетела ему навстречу, вереща от радости. Заметив нас, резко затормозила, вскинула голову. Чешуйки приподнялись, шерсть поднялась следом, и звереныш стал похож на пушистый шарик на лапках.

Лар смотрел на нее широко распахнутыми глазами — так только дети умеют, когда у них сбывается мечта. Даже рот приоткрыл, словно

не верил, что все это происходит с ним, а потом протянул к ней руку и выдохнул:

— Чешуйка!

Глава 20

Признаться честно, я не знала, как вести себя дальше. Во всех смыслах. «Чешуйка» села на попу и большими глазами смотрела на моего сына, Лар тянулся к виари, что же касается владельца Дрим, вот с ним-то и была самая большая засада. Я бы сказала, грандиозная. Он спас моего сына, и он совершенно точно не подозревал о том, что я его вижу во снах... гм, пикантного содержания. И что даже психологи мне не помогают.

— Можешь опустить Лара, Аврора. Дрим его не съест.

Почему-то я в этом не сомневалась, виари даже слегка попятилась (прямо так, сидя), когда я опустила сына на пол. В ее глазах читался немой вопрос: «Кто это? Почему оно такое маленькое, на двух ногах, и что оно со мной хочет сделать?»

— Ее правда можно погладить? — уточнила я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Правда. Она его не тронет.

Лар после этих слов потянулся к виари и осторожно положил ладошку ей на голову. Так эти двое и замерли, он — глядя на нее. Она — на него.

— Не смотри ей в глаза, — произнес Вайдхэн. — Или она может решить, что ты ей угрожаешь.

Сын запрокинул голову:

— А как?

— Смотри на свою руку, или, когда смотришь в глаза, жмурься. Но главное — не бояться и не проявлять агрессию.

После этих слов Лар зажмурился крепко-крепко, а вот ладошка порхнула по голове осторожно, мягко, невесомо. Дрим виркнула, и сын приоткрыл один глаз:

— Ей нлависся?

— Да.

То, что ей нравится, стало понятно, когда Дрим тоже довольно зажмурилась. Виркнула снова, ткнулась носом Лару в плечо. От неожиданности он попятился, а потом рассмеялся и принялся гладить

ее уже двумя руками. Шерстка на голове виари растопырилась, как бутон цветка, и Вайдхэн кивнул:

— Ну все. Подружились.

Я улыбнулась, и тут же снова напряглась, когда он сказал:

— Позволь твоё пальто, Аврора.

Нет, я не должна у него оставаться, ни к чему хорошему это не приведет.

— Я хотела сказать спа...

— Скажешь все, что хочешь, за чашкой кофе, — он кивнул. — Да и Лару нужно время, чтобы получше познакомиться с Дрим.

То, что ему не хватит и целого дня, я поняла сразу, но что дальше? Мы останемся у Вайдхэна на обед?

— Давай-ка, парень. — Иртхан помог Лару выпутаться из курточки, стянул шапочку и все это, не дожидаясь моего ответа, вручил вальцгарду вместе с нашей верхней одеждой. — Пойдем, Аврора.

— Мы просто оставим его одного?

— Не одного, с Хартом. К тому же, сейчас приедет Ния, она ими займется.

Я хотела уточнить, кем именно займется Ния — Хартом, моим сыном, виари или всеми ими вместе взятыми, когда меня накрыло странным чувством. Он сказал: «Ния», он не сказал риами Тъеле, да и в целом... везти няню в пентхаус правящего?! Няню, к которой он не имеет никакого отношения?

Да если бы.

Осознание, навалившееся на меня, было тяжелым, но сверху еще посыпались дополнительные факты. Вроде тех, как шустро открылось агентство, которое мне подсказал Доминик. А сам Доминик... который больше не работает там, где работал. Или он и не работал там никогда?

Я сначала покраснела, потом побледнела, потом опять покраснела.

Получается, что весь суд... и все это... что я выиграла, что у меня был адвокат... такой адвокат...

— Аврора?

Я вернулась в реальность и посмотрела на Вайдхэна.

— Лар, мне нужно поговорить с риамером Вайдхэном.

— Да! Иди! — сын отмахнулся от меня, он уже вовсю возился с Дрим, или попросту играл с ней какой-то тряпичной палкой, в которую

она с радостью вцеплялась зубами.

— Харт, — коротко сказал Вайдхэн, и вальцгард приблизился к виари и Лару.

— Поднимемся наверх.

Пока они поднимались, а мы шли знакомым уже путем на кухню, я успела прокрутить у себя в голове, должно быть, сотню вопросов, но все они показались мне либо глупыми, либо странными, либо вообще слишком и чересчур. Поэтому я и решила начать с другого. Поэтому и еще потому, что рядом с этим мужчиной меня начинало потряхивать. Будто что-то незримое толкало меня к нему, все ближе, ближе и ближе, подойти, дотронуться, кончиками пальцев, губами...

С ума сойти!

— Как вы узнали? — спросила я. — Откуда вы узнали, что с нами произошло?

Вайдхэн, ополоснувший руки, как раз вытирал их полотенцем. Он явно собирался заняться кофемашиной, но сейчас обернулся ко мне, и меня закружило еще сильнее. Это напоминало какое-то наваждение, помешательство, поэтому я усилием воли опустила себя на высокий стул.

— Слишком сложный вопрос?

— Пожалуйста, — он усмехнулся и все-таки занялся кофе. Я думала, что когда он повернется ко мне спиной, станет проще, но проще не стало. Особенно после его слов: — Я тебя почувствовал.

«Я тебя почувствовал».

Что это может значить? Проще всего было спросить у него, но лучше было не спрашивать. Я уловила это каким-то непонятным чувством, или всеми обострившимися чувствами разом, потому что в присутствии этого мужчины со мной творились странные вещи. Вот сейчас, он, например, даже на меня не смотрел, но у меня все волоски на коже поднялись, как будто воздух наэлектризовался. Хотя точнее будет сказать, наэлектризовалась я: от корней волос и до пяток.

— Понятно, — сказала осторожно. Вот только мне ничего понятно не было.

Когда ты успела стать такой трусихой, Аврора? Никогда же ни перед кем не пасовала, а сейчас... сейчас у меня под рукой даже бокала не было, за который можно схватиться, поэтому я спрыгнула со стула и подошла к раковине.

— Где можно взять бокал для воды?

Он повернулся ко мне.

— Могла бы просто попросить.

Между нами словно невидимая нить протянулась. Хотя по ощущениям их были десятки, этих нитей, которые по прочности не уступали стальным тросам. Эти натянутые струны с каждым мгновением становились короче. Я могла бы сказать, что меня тянет к нему, но это было совершенно не то слово.

— Расскажите, что произошло? Про супругов дель Рандаргим.

— И не только про супругов. — Вайдхэн как-то разом помрачнел, нити стали слабее. Я воспользовалась ситуацией и сбежала обратно на стул, спустя мгновение передо мной поставили стакан с водой и вернулись к кофемашине. — После суда Карид дель Рандаргим воспользовался лазейкой в законе с помощью двойного гражданства. По закону после подлога улики он должен был выплатить штраф и сесть, как и произошло с его помощником в телекоммуникационной компании. Что касается дель Рандаргима, он имел право заявить о том, что хочет пересмотра дела в Лархарре, поскольку он изначально является ее гражданином. В этом случае в Рагране он должен был просто выплатить тройной штраф и отказаться от гражданства. Что он и сделал.

Я кивнула и отпила воды. Говорить про Карида было безопасно, при одном только упоминании о нем во мне выключалось все, что так или иначе имело отношение к притяжению между мужчиной и женщиной. Потому что однажды оно мне очень дорого обошлось, и до сих пор продолжает. Обходиться.

— Что касается супругов дель Рандаргим, они рассчитывали вывезти Лара по поддельным документам в Лархарру. Где, под предлогом того, что ты не способна дать ему надлежащее обеспечение, повторить суд, который сработал бы уже в пользу их сына. На родине у них тоже хорошие связи, это очевидно, потому что Карид дель Рандаргим совершил всего лишь «административное правонарушение в другой стране».

Я приподняла брови:

— Когда вы все это узнали?

— Ты поразишься, сколько всего можно узнать за час, Аврора.

— И что теперь? — спросила я. — Они снова сбегут в Лархарру?!

— Нет, — он покачал головой. — Второй такой ошибки я не совершу.

— Но они же на сто процентов граждане Лархарры.

— Которые пытались похитить ребенка в Рагране, — его ноздри едва заметно шевельнулись, и меня окатило холодной и сильной яростью. Настолько же острой, какой могла бы быть моя собственная. Какой она и была, когда я вспоминала фальшивые ужимки Наррины и всю ее ложь, которой она пичкала меня не менее щедро, чем тем обедом в ресторане.

«Второй такой ошибки я не совершу».

«Ты поразишься, сколько всего можно узнать за час, Аврора».

Я вдруг отчетливо осознала, что если бы не этот мужчина, Лара бы у меня не было. Еще тогда, два месяца назад, в суде... Доминик или кто бы там ни был, какого бы крутого адвоката я бы ни наняла, не сумели бы узнать про фальшивые звонки так быстро.

— Значит, Доминик, и тот суд, и все это... — Мои слова перебило шипение кофемашины, но я все-таки продолжила: — И программа «Социальная няня» — это все исходило от тебя. Почему ты сразу ничего не сказал?!

Я вдруг поняла, что перешла на «ты», но переходить обратно мне уже не хотелось.

— А должен был? — Он поставил передо мной чашку кофе. Черного, как его пламя, и, хотя я предпочитала с молоком, сейчас просто сразу же его пригубила. Кофе, разумеется, а не пламя, хотя перед глазами полыхнула какая-то совсем непристойная картинка. Меня опять начинало штормить, причем когда он сел на соседний стул, почти касаясь коленями моих, заштормило еще сильнее.

А ведь мы еще серьезный разговор не закончили!

— Программа «социальная няня», кстати, отлично прижилась, Аврора. Исключительно благодаря тебе множество малообеспеченных семей и женщин, которые не имеют возможности оплачивать услуги нянь, получили поддержку квалифицированных специалистов. В дальнейшем мы планируем ее развивать и модернизировать, но даже то, что получается сейчас, мне очень нравится. С начала следующего года программа заработает во всех мегаполисах Раграна, а не только в Мериуже.

Я хотела сказать, что моей заслуги тут нет. Что это все сделал он, но в этот момент вспомнила огромный букет, который мне принесли перед судом.

Вот что за мужчина, а? Неужели нельзя было сделать все по-человечески?! Хотя, о чем это я. Он же иртвахан. Не просто иртвахан — правящий. Черное пламя Раграна!

— Значит, букет тоже был от тебя? — спросила я.

Сама не знаю, чего я ожидала в ответ, зачем задала этот вопрос. Но вот чего я точно не ожидала, так это того, что Вайдхэн поперхнется кофе, а потом рассмеется.

Черное пламя Раграна

Он уже сам не помнил, когда так смеялся. Открыто, поддавшись самому что ни на есть искреннему веселью, полностью расслабившись. Когда — вопрос простой. Потому что до нее он *так* не смеялся, и именно осознание этого заставило замолчать, вглядываясь в ее лицо. Что эта женщина делает с ним? Как она это делает?

Первая встреча в Ровермарк была случайной, но уже тогда стоило понять, что Аврора Этроу не станет просто эпизодом. Его окружали тысячи людей и иртваханов, не говоря уже о тех, с кем ему приходилось ежедневно общаться, но внутренний радар зацепился именно за нее, вошедшую в здание. То, что было потом, вовсе напоминало какой-то горячечный бред.

Странная чувственность на грани приличий.

Дикие инстинкты, когда он просто смотрел на нее. И эта идиотская особенность — чувствовать ее. Даже на расстоянии.

Она не спросила, что означает «я тебя почувствовал»: то ли потому, что в прошлом многие из вопросов он предпочитал оставлять без ответов, то ли потому, что боялась его услышать. Рядом с ним Аврора испытывала то же самое: ее сердце колотилось так, как если бы она и впрямь оказалась перед драконом. Одна. В пустоши. Не только сердце — вся она превращалась в оголенный нерв, казалось, только тронь — и заискрит.

Что-то ему подсказывало, что не просто казалось.

— Я сказала что-то смешное? — тон был спокойный, а вот крохотный огонечек обиды он различил легко. Такая горчинка в светлых и ярких чувствах.

— Нет. Просто для меня это очень по-женски: из всей информации основательно заинтересоваться только букетом.

Отказаться от нее было ошибкой, сейчас он это понимал. Потому что ни два месяца пустоты, ни два месяца отсутствия какой-либо информации из ее жизни, ничего не меняли. Он так и не сумел выкинуть ее из головы, и, что самое парадоксальное — из самого сердца своего существа, где в пламени соединялись сущности дракона и иртхана.

— Я не только букетом интересовалась, — Аврора посмотрела на него в упор.

— Я такого и не говорил.

— А что ты сказал?

— Я сказал: основательно.

Да, отпускать ее было ошибкой, и больше он такой ошибки не повторит. Точно так же, как и с теми, кто пытался испортить ей жизнь. После суда, закончившегося для Карида дель Рандаргим катастрофой, сел его лучший друг. Тот, который работал в телекоммуникационной компании и фабриковал улики. Но, помимо этого, в той же телекоммуникационной компании работала одна из его любовниц. На руководящей должности. Она обеспечила слежку за телефоном Авроры, именно так родители Карида смогли узнать, когда Нии не будет, и когда Аврора останется с сыном одна в предпраздничной изматывающей суете.

Вопрос с ними он закроет раз и навсегда: на этот раз суд надо всеми состоится в Рагране. Что касается самого Карида, с ним сложнее. Есть показания его любовницы, но он по-прежнему в другой стране. И он наверняка заявит о полной своей непричастности, в том числе и о том, что родители действовали по своему усмотрению, потому что хотели почаще видеть внука.

Думать об этом сейчас не хотелось, а вот о чем хотелось... точнее, о ком — эта женщина сейчас сидела прямо перед ним. До нее невыносимо хотелось дотронуться, да что там — дотронуться, просто рывком притянуть к себе, всем телом чувствуя даже через одежду. Пить ее дыхание в сумасшедшем огненном поцелуе. То, что он будет огненным, не оставалось никаких сомнений.

То, что ему надо сдерживаться... если надо сдерживаться — значит, будет. Достаточно этого крышесносного чувства, которое он

сейчас испытывает рядом с ней, пламя в этом уравнении будет лишним.

— Нам, наверное, пора, — сказала Аврора.

Не пора.

Не хочешь ты уходить. Он чувствовал ее так же, как самое себя, и про себя он точно, уверенно мог сказать, что отпускать ее не намерен. Но с ней так нельзя, на эту женщину нельзя давить.

— Не думаю, что вам стоит уходить до обеда.

— А...

— Тем более что я еще не беседовал с начальником твоей охраны.

— С кем?!

— С начальником твоей охраны. Слишком многие видели нас вместе, Аврора. Через пару часов... хотя что там. Я думаю, что возле твоего дома уже дежурит толпа журналистов. Моей пресс-службе оборвали все телефоны.

Вести с ней все эти разговоры не хотелось. Особенно сейчас, когда он снова чувствовал ответ ее тела: стихийный, невыносимо-притягательный, острый. Именно этот безумный отклик и ввел его тогда в заблуждение, заставив принять Аврору за одну из тех легкодоступных женщин, которые с радостью идут на все ради карьеры.

Если бы он тогда на минуту остановился и позволил своим чувствам раскрыться в полной мере, уже тогда уловил бы это совершенно новое, ни на что не похожее ощущение. Эмоции остальных по сравнению с ее казались тлеющими фитилями, тогда как рядом с ней полыхал костер. Этот костер сегодня заметался, как под порывами штормового ветра, в ее отчаянии. Ударившего по нему так сильно, что перехватило дыхание и на миг потемнело перед глазами.

Еще до того, как он узнал, что случилось, отменил сразу два совещания, а в себя пришел уже во флайсе, направляющемся к Эсфери Молл. Пока собирали информацию, позвонила Ния, и все стало ясно. Потерять ребенка для нее... он даже не мог передать, как это воспринималось. Нечто гораздо более запредельное, чем боль, нечто более темное, чем безысходность.

— И что сказала твоя пресс-служба?

— Все то же, что и обычно: дождитесь официальных комментариев.

— Я не хочу, чтобы это все раздувалось.

— Делу уже дан ход, Аврора. Это станет отличным уроком для тех, кто считает возможным похищать детей.

В ее глазах мелькнуло что-то странное.

— То есть ты хочешь превратить меня и моего сына в публичный пример? — возмущенно спросила она.

— Нет.

— Тогда что ты делаешь?! И зачем? Почему я?! — она вскочила, при этом оказавшись лицом к лицу с ним.

Так непростительно близко, что внутри полыхнуло. От нее полыхнуло в ответ — диким, первобытным желанием, затмевающим все вокруг, как сплошная стена черного пламени. Он поднялся одним движением, как истинный хищник, и Аврора просто не успела отпрянуть. Рывком притянув ее к себе, он впился голодным, до одури глубоким поцелуем в приоткрывшиеся на гортанном вздохе такие желанные губы.

Глава 21

Одно прикосновение губ — и я потерялась. Сначала в этом поцелуе, больше напоминавшем жидкое пламя, а после — в скольжении пальцев по моей щеке. По скуле. Выше. Чтобы сгрести волосы в горсть, еще сильнее углубляя поцелуй, хотя куда уж глубже. Я никогда так не целовалась, с такой безумной яростной силой отвечая на звериный напор, на давящую власть его губ, подчиняющую жесткой лаской, лишаящую возможности вдохнуть... и допускающую лишь одно: дышать им.

Реальность хрустнула, осыпаясь осколками, но все они плавились в диком, сумасшедшем огне, в желании обладать, стать единым целым, касаться его пальцами, ладонями, всем телом. И я подалась вперед, вжимаясь в него и чувствуя, как в мой рот врывается глухое рычание, рождающееся в его груди в ритме ударов сердца. Мне казалось, что если я сейчас до него не дотронусь — умру, и я коснулась шеи над воротником пиджака кончиками пальцев. Запустила их в темные густые волосы, как мгновение (или вечность?) назад сделал он.

— Аврор-р-ра, — мое имя ударило в сознание на выдохе, под поцелуем.

Ударило с такой мощью, с какой не мог бы ударить ни один афродизиак, и обрушившееся на меня желание полыхнуло внутри с

удвоенной силой. Теперь уже я касалась его лица, впитывая каждую резкую черточку: от скул к подбородку и ниже, чтобы расстегнуть дрожащими пальцами его рубашку. Он не позволил — мой свитер рывком потянули вверх, и в результате я оказалась спеленатой, с поднятыми руками.

Хотела возмутиться, но вместо возмущения с губ сорвался стон, когда его губы накрыли мою грудь прямо поверх белья. В спину врезалась столешница, холодный мрамор ожег кожу, но даже тут я не успела ничего сказать. Меня подхватили под бедра, и секунду спустя я уже лежала на охлаждающей тело поверхности. Что-то звякнуло и, судя по всему, разбилось, но этот звук донесся до меня эхом, далеким, как из соседней комнаты. Ожог поцелуя вспыхнул на другой груди, следом — на животе. Я всхлипнула, дернулась и врезалась в его руку, которая словно граница возникла справа.

Или слева?

Я попыталась выпутаться из свитера, но добила только того, что его ладонь легла на мои запястья, с силой прижимая к столу.

— Тебе нр-равится, — прорычал он. В самом деле прорычал, в какое-то мгновение мне показалось, что если бы все-таки удалось сбросить пелену плотной шерсти, я бы увидела дракона, а не ирлхана. Его пальцы легко поглаживали мои запястья, в такой короткой, дразнящей ласке, сводя с ума даже совершенно невинными прикосновениями. Там, где мой бок касался его руки, я словно прижималась к раскаленному металлу, и от этого безумия все внутри вспыхивало, каждая клеточка, от низа живота — и выше.

— Скажи, что тебе нравится, Авро-р-ра, — донеслось глухое, рычащее.

Безумие. Настоящее безумие! Но какое же сладкое!

— Мне... нравится, — прошептала я, совершенно искренне. Так неожиданно низко, собственный голос словно опустился сразу на несколько октав, и от этого меня повело еще сильнее. От этого, или от того, что повело его? Я услышала хриплый выдох, который словно ретранслятор отозвался во мне, заставляя выгнуться всем телом в поисках продолжения.

Которое не заставило себя ждать: очередное прикосновение губ к обнаженной коже прокатилось сладким дурманящим пламенем по всему телу, а дальше... Я словно упала в костер, в котором плавилась,

сгорала и возрождалась, раз за разом. От яростных ласк, череды прикосновений губ, языка и укусов, пометивших, кажется, каждую клеточку моего тела, до нежных, невесомых и остужающих, от которых я сходила с ума не меньше. Я даже запрокинула голову, чтобы увидеть хоть что-то, но увидела только его пальцы, сжимающие мои запястья.

И это — когда браслет его ладони разомкнулся, и я почувствовала свободу. На миг, потому что в следующий момент с меня сдернули джинсы, и поцелуи жидким пламенем стекли ниже. Задыхнувшись от первых безумно-острых ощущений, кажется, я снова всхлипнула.

Теперь над моими руками, которые я видела в коконе задранного свитера, маячили перевернутые бокалы, плавающие туда-сюда, тающие в зыбком раскаленном мареве, от которого мое тело превратилось в натянутую струну. Надорванный растянутый провод, по которому бежал высоковольтный ток чистого огненного наслаждения, а потом...

Его ладони легли на мои бедра, хотя я все равно не смогла бы их ни развести ни сдвинуть, как ни старайся — джинсы сковывали движения. Мои, но не его: и ритм его сумасшедших ласк — губами и языком, замедлился, а потом ускорился так, что мне не хватало вдохов, выдохов и стонов, чтобы собрать себя из этого костра сладких, идущих по нарастающей, спазмов. Миг, когда внутри все сладко сжалось, а потом пульсацией ударило по натянутому струной телу, расходясь волнами дрожи, заставляя выгнуться и закричать, оборвался короткой темнотой перед глазами.

Когда я пришла в себя, на фоне бокалов и моих рук еще и сверкали, осыпаясь, как черные звезды, искорки пламени.

Безумный сон, подумалось мне. Пожалуй, самый безумный из всех, что мне снился...

Я сладко потянулась, выдыхая оставшийся в груди довольный низкий стон, похожий на рычание. Заворочалась, выпутываясь из свитера. А в следующее мгновение осознала, что это не сон.

Вот же...

Я захотела запутаться в свитер снова. Потому что то, что только что произошло, не просто напоминало безумие, оно им и было. Да что там, я до сих пор лежала распластанная на столе, мрамор охлаждал

кожу, а воздух — бедра, и то, что я чувствовала минуту назад... То, что произошло между ним и мной...

Ой.

Я подавила желание прижать ладони к щекам и куда-нибудь уползти, а ведь еще надо было подняться и посмотреть ему в глаза. Вот только подняться я не успела, потому что меня вздернули за плечи, вглядываясь в мое лицо. Я никогда не видела Вайдхэна настолько встревоженным. Отмороженным — видела, замкнутым, каким угодно, но только не таким.

— Аврора, как ты себя чувствуешь?

Это вот прям самое то, что стоило спросить после... Я вдруг поняла, что давно не чувствовала себя так хорошо. Кажется, во мне было столько сил, что я могла бы взлететь, если моя грудь и вздымалась чересчур высоко, то точно не от того, что мне не хватало дыхания. Просто при взгляде в темные глаза, с располосованной вертикальным зрачком и окруженной черными искрами радужкой, по телу снова потекло томительное сладкое напряжение.

Я даже почувствовала, что вот-вот завирчу, как виари в период гона, и резко отшатнулась.

Вопреки всякой логике.

— Прости. Мне правда пора.

Это тоже не то, что стоило сказать после, но раз уж у нас и так был странный разговор... и не только, ничего страшного. Наверное, ничего страшного.

— Нет. Ты никуда не пойдешь.

Что?!

Он глубоко вздохнул, как-то рвано, после чего оперся ладонями по обе стороны от меня. Да, так мне действительно проблематично будет куда-то идти, не говоря уже о том, что свитер у меня до сих пор набекрень, а джинсы сползли и болтаются на коленях.

— Ты не спросила о том, что значит: «Я тебя почувствовал». Это нечто более серьезное, чем я когда-либо мог себе представить, Аврора. Я чувствовал тебя на расстоянии все эти два месяца. Любую твою легкую радость или грусть. Такого быть не должно.

Ага.

— Но оно есть. Драконы, что я несу... — Не меняя позы, он опустил голову, и я бы сказала, уткнулся взглядом куда-то в район

моих сдвинутых в сторону трусиков. Нет, это выше моих сил!

Лар!

Лар же здесь!

Щеки по ощущениям стали цвета раскаленного металла.

— Пожалуйста. Дай мне одеться, — попросила я.

Он отодвинулся — правда, ровно настолько, чтобы не касаться моих колен, а потом легко ссадил с высокой столешницы. Я быстренько натянула джинсы, поправила свитер. Даже волосы пригладила на всякий, но по ощущениям вид у меня все равно был как у шальной виари. В период гона, да.

Губы пылали, грудь стала тяжелой, тело до сих пор помнило пережитое удовольствие и явно стремилось его повторить. Потому что меня тянуло к этому мужчине со всевозрастающей силой. Понимаю, физиология физиологией, но это просто умопомрачение какое-то! И что мне с этим делать?

— Мне нужно домой, — нашла я единственный выход. — Лар переволновался, я тоже, его нужно уложить спать. Лучше, если это будет в знакомой обстановке, а не здесь. Ты сам это понимаешь. Ты же это понимаешь, правда?

У меня определенно поехала крыша! Я говорю с Вайдхэном о своем сыне так легко, будто знаю его тысячу лет. Да если уж быть откровенной, я и кое-что другое сделала легко, как будто знала его тысячу лет. Но дело в том, что я его вовсе не знаю, а если быть точной, знаю, что он — политик! Правящий. И если меня сейчас так на нем переклинило, то что будет потом?

Нет.

Нет, Аврора. Никаких «потом».

Вайдхэн продолжал вглядываться в мое лицо, правда уже не так, как пару минут назад, когда интересовался как я себя чувствую — видимо, по старой памяти кардиохирурга — не заработала ли я сердечный приступ в процессе получения наслаждения. Брови больше не сходились на переносице, взгляд снова стал резким и непроницаемым, и я уже ждала категоричного «нет», готовилась к очередному противостоянию, когда он произнес:

— Ты права.

Так. Почему мне слышится в этом подвох?

— Сегодня вам лучше поехать домой. Тебя проводят, оградят от прессы и помогут собраться.

— То есть? — я даже забыла, что собиралась перед этим сказать.

— Завтра вы переедете ко мне.

— Вы издеваетесь?

— Мы снова на «вы», Аврора? — В темных глазах сверкнула насмешка, а я... я впервые, кажется, за все время не нашлась, как ответить в том же ключе. Действительно очень странно обращаться на «вы» к мужчине, который только что более чем откровенно доставил тебе удовольствие, и... Я прикрыла глаза. Собираясь с мыслями, глубоко вдохнула и выдохнула.

— Нет. Мы не переедем к тебе. Ты хоть понимаешь, о чем просишь?

— Я не прошу. С того дня, как ты появилась со мной, тебе нужна защита. Не просто стационарная охрана, сменяющаяся два раза в день.

Нет, он точно издевается.

— С какой стати мне нужна защита?!

— А ты как думаешь, Аврора?

Я покачала головой. Отключиться от случившегося было просто, особенно при учете этого сумасшедшего притяжения между нами, но кажется, мне удалось. Ура мне! Не представляю, что это значит, но ура.

— Я думаю, что мы живем в разных мирах и с разными представлениями о жизни. Мой переезд к тебе — в качестве кого? Я что, первая твоя любовница или первая женщина, которая появляется рядом с тобой? Ты их всех перевозишь к себе?! — я высказала это раньше, чем успела себя остановить. Наверное, стоило бы прикусить язык, но если уж говорить откровенно, то говорить откровенно.

— Ты права, ты не первая моя любовница, — он усмехнулся. Вот как же бесят эти искры смеха в его глазах! — Но ты первая женщина за долгое время, которую я хочу назвать своей.

Да ты что! Что?!

— Своей в каком смысле? — уточнила я.

— Во всех.

Наш правящий безумен. Я не уверена, что стоит это говорить прессе, но...

— Ты так и не захотела дослушать. О том, что я чувствую тебя на расстоянии. Это не совсем обычная ситуация.

— Да, это я уже поняла.

— Более чем уверен, что тебе тоже есть в чем признаться, Аврора.

На этих словах я, полагавшая что краснеть уже дальше некуда, отвернулась и залпом осушила стакан с водой. Там по моим скромным ощущениям воды осталось слишком мало, чтобы потушить пожар внутри меня. Подкожный пожар, продолжающийся с тех самых пор, как я впервые столкнулась с ним, но мои сны... Нет уж, увольте. В этом я точно ему не признаюсь.

Вайдхэну, судя по всему, это и не нужно было. Он кивнул, словно все остальное было делом решенным:

— Ты будешь рядом со мной. Я позабочусь о тебе и о твоём сыне.

Он не просто безумен, он еще и романтик года.

Но все это определенно странно. Все это определенно стоит понять, прежде чем сбегать в неизвестность.

— Пламя, — сказала я, повернувшись. — Ты сказал, что я отзываюсь на твоё пламя. Возможно, все дело в этом?

Вайдхэн покачал головой.

— Нет.

— Нет?

— Не знаю. Не уверен. Откликаться на пламя способна любая женщина, будь она просто человек или иртханесса.

«Просто человек». Ладно, допустим.

— Но это не объясняет того, что я «слышу» твои чувства на расстоянии. Это не объясняет того, что тебя тянет ко мне с такой неистовой силой, что меня тянет к тебе, и уж тем более это не объясняет того, что сейчас я полностью утратил контроль, мое пламя вырвалось, но не причинило тебе вреда.

А?

Я посмотрела на свои руки, на раскрытые ладони, будто там мог быть написан ответ, потом перевела взгляд на него.

— То есть ты хочешь сказать, что сейчас... просто мог меня уничтожить?

— Я говорю тебе правду, Аврора. Притяжение к тебе не просто сила, это помешательство, не сравнимое ни с чем. Скажи, что ты не чувствуешь того же. Или скажи, что моя сила сейчас доставляет тебе хоть какой-то дискомфорт. Твое сердцебиение на уровне нормы. Твое

дыхание глубокое и ровное, не считая того, что ты по-прежнему меня хочешь.

Медик, чтоб его! Сексолог несостоявшийся!

Но он был прав. Плохо мне не было, как раз наоборот.

— Ты поэтому первым делом спросил, как я себя чувствую?

— По привычке. Я это чувствую.

— Ты чувствуешь. Но ты не можешь объяснить то, что между нами происходит?

— Этого не может объяснить никто. Я был в Ферверне, чтобы выяснить, что это может значить, но единственные, кто способны дать ответ — глубоководные фервернские, ушли от северного побережья, их не обнаруживают даже самые сильные радары.

В памяти вспышкой подпрыгнул кадр его внеплановой поездки в Ферверн. Вот, значит, что это было. Он хотел понять, почему его ко мне тянет. А я... я тут вижу сны пикантного содержания, потому что...

— Природа глубоководных фервернских не изучена. Все, что касается драконов, все сведения, которые иртханы собирали веками и тысячелетиями, в случае с черным пламенем помочь не могут.

— Поэтому ты хочешь, чтобы я переехала к тебе, — подвела итог я. — Для научного, так сказать, эксперимента.

В ушах зашумело. То есть я понимала, что между нами ничего нет и быть не может, но реальность оказалась еще гораздо более отрезвляющей: я — непонятка, неопознанная переменная в уравнении, и меня надо изучить.

Вайдхэн нахмурился, явно собираясь что-то сказать, но я подняла руку:

— Подожди. Ты вообще имел право приближаться ко мне, зная, что твое пламя так среагирует... сработает?! Ты это сделал специально?!

Его глаза сверкнули.

— Ты меня слушала, Аврора?! Я сказал, что до тебя такого ни с кем не было.

— Ну значит, я просто счастливица! Вытянула лотерейный билетик. — Меня вдруг по-настоящему накрыло масштабом осознания. — То есть ты все это знал уже тогда... знал, что идет какой-то неконтролируемый процесс, но продолжал меня лапать и зажимать? Не будучи уверенным точно, но предполагая, что это может привести к

непредсказуемым последствиям?! Что я стану зависимой от тебя? Что я на тебя подсяду? Или как там это называется?

Я знала, что у человека и иртхана (это как раз был тот факт, который уже давно открылся благодаря историческим сведениям) мало что может получиться, потому что человеческие женщины способны подсаживаться на пламя и становиться одержимыми одним-единственным мужчиной до умопомрачения. Завязанным на этой животной, звериной силе притяжения помимо своей воли, до одури. Еще могла случиться интоксикация пламенем, и это тоже не самое приятное чувство, если верить многочисленным медицинским передачам, но... но...

— Аврора! — его голос стал резким. — Я не раскрывал пламя рядом с тобой. Оно вырвалось только сегодня, но началось все задолго до этого.

— Но ты знал! — Вайдхэн шагнул ко мне, и я попятилась. — Ты знал, что такое возможно, что возможно все, что у тебя неизученное пламя! Как ты вообще можешь быть правящим, если не способен совладать с собственной силой?!

Он мгновенно изменился в лице. Словно стена между нами выросла: холодная, прозрачная, но суперпрочная. Такая, которой позавидуют все современные конструкции, берегущие людей от драконов.

— Ты не хочешь меня слышать, — жестко произнес он. — Но это твое право. Сегодня соберешь вещи, завтра утром будете у меня. Все. Не смею больше задерживать.

Не смею больше задерживать?! Не смеет он! Только что смел все! Что он вообще со мной сделал?!

Понимая, что сейчас наговорю лишнего, я вылетела в арку и только сейчас поняла, что не знаю, где мой сын! Они с вальцгардом поднимались вверх, но где они сейчас, в которой из этих ста десяти комнат на бесконечном пространстве правительственного пентхауса?!

подавив желание громко позвать сына по имени, вспомнила, что с ним уже должна быть Ния. А заодно и то, что сумка со смартфоном осталась на кухне. У Вайдхэна!

Р-р-р-р-р!

Развернувшись, я врезалась в него.

— Ты забыла, — он протянул мне сумку. — И кое-что еще.

Я даже отпрянуть не успела, когда его руки легли на мои бедра. Готовая уже вклепить ему пощечину, я услышала звук застегивающейся молнии и густо покраснела. Впрочем, после всего случившегося я уже должна просто по жизни ходить красной и только изредка менять цвет на природный.

— Теперь все.

Сказал этот вершитель судеб с непроницаемым лицом.

— Ты говорил, что меня будут ждать журналисты, — снова переключилась на дела насущные. — Что мне надо молчать. Что ты им скажешь? Ты, твоя пресс-служба. Неважно.

— Правду, Аврора.

Я хотела спросить «Какую?», но по лестнице уже спускались Ния и вальцгард, который держал на руках моего сына. Лар, заметив меня, тут же захныкал:

— Ния сказала, надо идти, мам! Но мы еще не наигрались с Чешуйкой!

— Завтра наиграетесь, — опередил меня Вайдхэн.

Чем вызвал желание как следует пнуть его в причинное место. Ладно, утешусь тем, что он удовольствия не получил, и сейчас пойдет в ледяной душ. Ну или поедет к своим любовницам, тем самым, которые у него были до меня!

«Ты права, ты у меня не первая...»

А я вот прямо рассчитывала на твою первость!

— Правда? — расцвел Лар, явно счастливый от такого заявления.

— Поедем домой, — остановила потоки радости я. Хотя он сегодня многое пережил, я пережила не меньше. Вернемся домой, успокоимся, и я придумаю, что делать со всем остальным.

— У тебя очень развитый ребенок, Аврора, — произнес Вайдхэн, когда накидывал мне на плечи пальто, а Лар прощался в центре холла с прибежавшей к нам Дрим. — Давно он так общается?

— Я играю с ним в развивающие игры, — сказала я.

— Он отлично выговаривает слова. И смысл общения у него не как у двухлетнего малыша.

— Значит, мне повезло! — Я попыталась вывернуться из его рук, но это означало бы еще и вывернуться из пальто, что на глазах у всех присутствующих выглядело бы очень странно. Вайдхэн это прекрасно понимал и явно не торопился меня отпускать. Напротив, наклонился

ко мне, касаясь дыханием шеи, и я мгновенно отреагировала на эту близость. Привычным уже желанием податься назад и позволить ему все. На этот раз действительно все.

Но если еще некоторое время назад я была не готова на это по причине социальной разницы и несовместимости характеров, то теперь к этому добавилась еще и ситуация с черным пламенем. Если оно не изучено — абсолютно — как я узнаю, как оно на меня влияет? Может, все это притяжение, все эти безумные сны — последствия нашего общения с Вайдхэном. Более чем тесного... если так можно выразиться.

— Не злись, Аврора, — неожиданно произнес он. — Ты права, что я должен был обо всем рассказать тебе сразу. Но я обещаю, что все, что я узнаю в дальнейшем, ты узнаешь вместе со мной.

— Не считая того, что может быть уже поздно.

— Не может. Я не просто иртвах, чувствующий тебя, как себя. Я еще и врач.

— Кардиохирург.

Он приподнял брови:

— Изучала меня?

Вот кто меня за язык тянул!

— Так, случайно увидела.

Он улыбнулся:

— Понятно. В любом случае, если твоему здоровью что-то угрожало, я бы почувствовал и узнал это в ту же секунду.

— Но ты не знаешь природу нашего влечения! — я понизила голос. Вальцгард хоть и вышел за двери, и, судя по суете на парковке, отдавал распоряжения по поводу транспорта, мне все равно не хотелось, чтобы это услышала, например, Ния.

— Не знаю, но я все обязательно выясняю. И я не позволю, чтобы с тобой или с твоим сыном что-то случилось, — произнес он. Так, что я поняла: действительно не позволит. Как не позволил Кариду выиграть суд с фальшивыми уликами или его родителям — утащить моего малыша в Лархарру. А я ведь даже не поблагодарила его толком.

Ну, не считая...

О чем я вообще думаю?!

Мне захотелось приложить ладони к лицу. Ну кто еще кроме меня додумался бы, что благодарность может быть в таком ключе?

— Я знаю, — все-таки нашла в себе силы посмотреть ему в глаза. — Спасибо. За то, что ты сделал и за то, что еще собираешься сделать. Просто я сейчас... немного не в себе, чтобы обсуждать такие серьезные вещи. И если ты действительно хочешь мне помочь, не заставляй меня переезжать к тебе. Я не готова. Я не смогу... просто для меня это — слишком. Все это слишком. Понимаешь? Я...

— Понимаю, — неожиданно отозвался он. — Я подумаю, что можно сделать.

Все, что мне оставалось — только стоять и моргать. Очень сложно сопротивляться, когда тебя понимают. Еще сложнее, когда ты чувствуешь, что это — вполне себе искренне. По крайней мере, мне так казалось, но, в отличие от Вайдхэна, на все сто процентов уверенного в том, что он для меня и сканер жизненных показателей и фильтр эмоций и чувств, я настолько уверенной быть не могла. Каково это вообще — чувствовать вот так, как говорит он?

— Мы готовы, — нарушила мои размышления Ния. — Хотя очень не хочется уходить от Дрим...

— Чешуйка! — Лар порывисто обнял виари, и та завирчала так, что вся завибрировала. Вместе с моим сыном.

Я бы могла остаться. Наверное. Этому мужчине я могу доверять.

Не стопроцентная уверенность, а нечто гораздо более глубокое, что-то сродни интуиции, подсказывали мне это, но... насколько я могу доверять себе рядом с ним? Вот это и был самый главный вопрос, и пока он не будет решен, пока не будет изучена эта сторона черного пламени, все останется как есть.

Или?..

Нет, мне определенно нужно оказаться как можно дальше от него и прочистить мозги, потому что рядом с Вайдхэном я начинаю сомневаться даже в самых логичных и разумных решениях.

— Лар сегодня может долго не спать, — произнес он, — от перевозбуждения. Не пытайся его уложить и тем более не дави, не заставляй. Когда заснет — тогда и заснет, и пусть завтра спит столько, сколько ему захочется. Если сама будешь спокойна, с утра уже все должно быть хорошо. Дети исцеляются быстро.

— Откуда ты столько знаешь про детей? — почему-то шепотом спросила я.

— Когда-то всерьез думал, что стану отцом.

Ние все-таки удалось отлепить Лара от виари, и теперь грустили оба.

— А мы не можем забрать Чешуйку с собой?

— Не можем, — покачала головой я. — Здесь ее лучший друг, и она будет по нему скучать.

— А я? Я ведь тоже ее друг, — Лар заглянул в глаза сначала мне, а потом — Вайдхэну.

— Дрим! — неожиданно скомандовал тот, и виари подбежала к нам. Вот что он опять делает, а? — Дрим, с кем ты хочешь остаться?

Виари виркнула. Посмотрела на него. Потом — на Лара. Виркнула снова и неожиданно шагнула к моему сыну, ткнувшись носом ему в грудь.

— Чешуйка-а-а-а! — Сын снова прижался к виари.

— Решено, — Вайдхэн кивнул, и, раньше чем я успела открыть рот, добавил: — Вальцгарды будут с ней гулять, тебе не придется этим заниматься, Аврора.

— И я! И я буду гулять! И я!

Я прикрыла глаза, но потом только кивнула. Сопротивляться не осталось сил, да и разлучать их с Дрим сейчас было бы слишком жестоко. Кажется, Вайдхэн нашел тот выход, которого от усталости и переживаний не видела я. Не просто нашел, он его предложил, не заставляя меня предлагать самой. Да и Дрим-Чешуйка, кажется, была искренне счастлива.

Таким составом: я, Ния, Лар, Дрим и сопровождение мы выдвинулись к флайсу. Точнее, к нескольким флайсам, ожидавшим нас.

— Вы будете начальником моей охраны? — уточнила я у вальцгарда, который явно руководил остальными.

Он улыбнулся:

— Временно, риам Этроу. Я обеспечиваю безопасность риамера Вайдхэна.

Я на миг лишилась дара речи. Он что, нам свою охрану отдал? Временно, но...

Первыми во флайс забрались Дрим с Ларом, потом села Ния. Я собиралась последовать их примеру, но все-таки обернулась.

Вайдхэн стоял у дверей и смотрел на нас.

Глава 22

После этого взгляда все окончательно усложнилось. Я знала, что ему ничего не стоит щелкнуть пальцами, и нас просто притащат к нему завтра. Может, даже вещи помогут собрать, но пока никто не намекал мне на сборы. Вальцгард — из тех, что стоял у меня в квартире на посту, как выразился Лар (хотя он очень точно выразился), и двое других по ту сторону от двери никакой инициативы по сборам не проявляли. Они просто были, а единственный раз, когда они проявили инициативу — так это когда мы шли от парковки к моему дому. Я в жизни не видела такое количество журналистов, и я в жизни не видела, чтобы их так грамотно и слаженно оттесняли. Нет, то есть от политических фигур — да, конечно, но не в моей реальности.

С другой стороны, если меня сопровождал тот, кто обеспечивает безопасность самого Вайдхэна... Это тоже все усложнило. Разумеется, убедившись, что мы с Нией, Ларом и виари благополучно добрались до дома, миновав толпу желающих взять у меня интервью и просто собравшихся со всех окрестностей людей, интересующихся, что происходит, его главный по безопасности отбыл вместе со своей командой, оставив мне в сопровождение троих, но самого факта это не отменяло.

Лар первое время прыгал вокруг вальцгарда, пытаясь его как-то растормошить, пока мы с Нией не уговорили его уйти, потому что Дрим заскучала. Дрим на самом деле не заскучала. Судя по выражению ее морды, виари пребывала в полном и безоговорочном шоке (как я). Она попыталась залезть под мою кровать, но помешали крылья, и теперь виари храбро сидела за ней, изредка моргая, как по таймеру.

Один из вальцгардов приволок нам корм и миски, и пока они там рассуждали на тему, как привести виари в себя, а Лар пытался подсунуть ей игрушечного дракона, чтобы она успокоилась, я стояла на кухне рядом с кофемашиной и, как никто, понимала чувства Чешуйки.

То, что моя жизнь не будет прежней, я уже поняла. Для этого достаточно было пройти по двору под взглядами зевак и соседей, под вспышками камер. Даже если я просто выйду на прогулку, я буду в центре внимания. Мой сын тоже.

— Журналисты не оставят вас в покое, — сказал тот самый главный по безопасности. И был прав. После того, как я появилась с

правлящим на людях, а он спас моего сына, даже предстоящие праздники слегка померкли в свете такой сенсации. Все с любопытством ждали комментариев пресс-службы Ровермарк, а я...

Я почти всерьез думала о том, чтобы переехать к нему. Почему почти?

Ну не могу же я такое думать всерьез!

Вот только его взгляд до сих пор врезался в меня — снова и снова, когда я оборачивалась там, на парковке. Взгляд, гораздо более глубокий, чем поцелуй, гораздо более откровенный, гораздо больше говорящий, чем любые слова. Так на меня еще никто не смотрел, и это была основательная причина отказаться от переезда.

Потому что в его присутствии я терялась.

Я теряла себя, становилась сумасбродной, готовой на все, сходящей с ума. Даже без прикосновений... а что уж говорить о прикосновениях. Он касался меня во сне, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что было в реальности. Я до сих пор содрогалась при мысли о том, как плавилась и сгорала в его поцелуях, в его касаниях, в этом безумном огне.

Что, если я действительно стану от него зависимой?

Что, если уже стала?

Он сказал, что во всем разберется, и что будет держать меня в курсе, но как он во всем разберется, если глубоководные фервернские попрыгали и на связь не выходят?

Так ни до чего и не додумавшись, я сварила кофе. Разлила по чашкам, одну оставила на столе, одну отнесла Ние, в мою комнату, где они с Ларом выманивали Дрим лакомством и пытались играть приобретенными в зоомагазине игрушками, а третью протянула вальцгарду.

— Благодарю, риам, — он покачал головой. — Но я на службе.

Я не стала настаивать. Поставила чашку рядом со своей и села за стол. По-хорошему, стоило принять ванну. Расслабиться, позволить себе подышать под шипение пены и бурление соляных шариков. Сколько я себя помнила, это всегда мне помогало: начиная с самого детства, когда я мутузила воду кулаками и вертелась в ванной, поднимая волны и разбрызгивая воду на пол.

Мама ругалась...

Ох, мама.

Как же мне не хватает твоих советов. Твоей поддержки.

К сожалению, мама нуждалась в моей поддержке гораздо больше, чем я в ее, поэтому я всегда все решала сама. Вот и сейчас нужно было решать самой. Как поступить. Что делать дальше. Довериться ли своему странному влечению, переходящему все границы, этому притяжению, этому мужчине.

От которого у меня просто-напросто отлетает крыша!

Оттолкнув чашку с кофе так, что чудом его не расплескала, я все-таки пошла делать себе ванну. Одним из основных моих условий, когда я искала квартиру, было именно это: даже не ультрасовременная душевая кабина, которые сейчас были обязательным атрибутом мало-мальски приличного жилья, а именно ванна.

Лар, кстати, с моей легкой руки тоже полюбил воду. Он обожал бултыхаться, плавать, пускать голографические кораблики, и, будем честны, топить их он тоже любил. Подумав о сыне, я улыбнулась. Улыбнувшись, вспомнила случившееся в торговом центре. И дальше — по кругу, все: появление Вайдхэна, полет к телепортационному комплексу, наше безумие... мне вдруг стало отчаянно жаль, что я запуталась в свитере и не могла его видеть, когда он меня ласкал. Как будто это могло что-то решить.

— Ния, я буду в ванной. Если понадобится моя помощь, стучите.

— Отдыхай, Аврора, — няня улыбнулась. — У нас тут все отлично.

Приручение изумленной виари и правда постепенно продвигалось: Дрим уже выползла «по дорожке» из лакомств из-за кровати и подбиралась к двери. Насколько я поняла грандиозный план, они хотели переманить ее в комнату Лара.

Кивнув, я ушла в ванную и, сбросив одежду, с наслаждением погрузилась в воду. Конечно, ванна у меня была маленькая, и перед глазами неожиданно вспыхнула картина: мы с Вайдхэном в огромном бурлящем джакузи, я лежу спиной на его груди, а его руки...

Буль!

Это я не выдержала и погрузилась под воду. Напрочь забыв о том, что не собиралась мыть голову. Я вообще ничего такого делать не собиралась, но даже под водой, под прикрытыми веками вспыхивали искры черного пламени. Из них собирался образ Вайдхэна, который

склонялся ко мне, повторяя кончиками пальцев мои губы, подбородок, ключицы, спускаясь на грудь...

Я прижала ладони к глазам, стараясь сосредоточиться хотя бы на чем-то, кроме этого сумасшествия. И неожиданно поняла, что очень странно себя чувствую. Во-первых, вода на меня не давила. А во-вторых, мне совершенно не хотелось вдохнуть.

Это было странное ощущение легкости, наполнившее меня всю, и в то же время достаточно шустро вытолкнувшее на поверхность. С собранных в пучок волос капала вода, а я сидела, вцепившись пальцами в края бортиков, пытаюсь понять, что это только что было. Я как будто... могла дышать под водой?

Да, Аврора. С недосыпа после зажигательных снов и от перенапряжения еще и не такое может почудиться.

Покачав головой, подтянула колени к груди, наблюдая за собравшейся вокруг меня пенкой. В детстве мама мазала мне ее на нос и на лицо, и я хохотала, сейчас же просто собрала облачко на ладонь и подула. Так любил делать Лар. Он обожал хватануть целую горку и подуть в меня, и обожал, когда я делаю то же самое. Это заводило его не меньше игровой панели, создающей кораблики.

— Зачем я тебе? — с губ сорвался вопрос, который стоило задать Вайдхэну.

И я обязательно его задам. Завтра.

Я не смогу думать о каком-то переезде всерьез, пока не буду понимать его намерения.

Я выбралась из ванной спустя минут пятнадцать, расслабленная и довольная. Сказать, что мне стало легче — значит, ничего не сказать, но после принятия решения всегда становится легче.

— Отдохнула? — поинтересовалась Ния, когда я вышла из ванной, на ходу подсушивая волосы полотенцем.

— Да, а вы...

— А мы вот, — она кивнула в комнату Лара, и моему взгляду представилась картина, от которой мне как порядочной матери полагалось прийти в ужас. Вот только почему-то не приходилось: спящий сын, обхвативший спящую Дрим, укрывшую его крылом, как одеялом, вызывал исключительно нежность. Виари, впрочем, тоже. Она распушилась, насколько позволяла тугая скрученная колечками

шерсть, и прижалась к моему Лару. Трогательно, доверчиво, как ребенок.

— Они забрались на кровать и заснули вместе, — шепотом произнесла Ния. — Наверное, стоит ее забрать. Я позову...

— Не надо, — я покачала головой. — Пусть спят. Но вальцгарда все-таки позови.

Я вдруг поняла, что не знаю его имени.

— Хочу с тобой кое о чем поговорить.

Ния кивнула, и подпирающий входную дверь военный иртвахан спустя минуту переместился к дверям детской. Что же касается нас, мы ушли на кухню, и я задумчиво посмотрела на остывший кофе.

— Если хочешь, могу сварить еще.

— Нет, — рассмеялась няня. — Мне кажется, у меня сейчас кофе из ушей польется. А вот что-то пожевать я бы не отказалась.

— Ния! Прости! — я вдруг поняла, что совсем закрутилась и забыла даже предложить ей поесть.

— Да все в порядке, — она махнула рукой. — Ты же знаешь, что я обычно приношу свою еду, но сегодня все так экстренно... Как ты, Аврора?

— Я это пережила. И решила оставить в прошлом, — выложила на стол хлеб для сэндвичей, салат и остальное. Ния вызвалась мне помочь с готовкой, и я не стала отказываться. Мы вместе довольно быстро соорудили для себя перекус, потом я вытащила из холодильника витаминный коктейль и разлила его по бокалам.

— За то, что все закончилось хорошо, — произнесла няня.

— Да. Именно за это, — я пригубила кисленький полезный напиток.

— Так о чем ты хотела поговорить?

— О том, как ты попала ко мне.

Женщина приподняла темные брови: идеальные, чуть более узкие, чем указывала современная мода.

— Я думала, вы с рианером Вайдхэном все обсудили сегодня.

— Нам немного не хватило времени на все.

Не краснеть, Аврора. Не краснеть.

— Что ж... ну про мой опыт ты знаешь, это все правда. Все остальное тоже. Я как раз закончила работать в одной семье, находилась в поиске через агентство. Со мной просто связались,

предложили поучаствовать в таком социальном проекте. Поначалу мой муж очень сильно сопротивлялся, — она рассмеялась. — Говорил, что в социальных проектах платят ерунду, но, когда услышал сумму, призадумался. Признаться честно, я и сама сначала не поверила. Подумала, что какой-то развод, надувало, ну а потом меня пригласили к рианеру Вайдхэну для личной беседы.

— Он беседовал с тобой лично? — изумилась я.

— Да, — Ния кивнула. — Вот уж чего я не ожидала, так не ожидала. Но пошла. Страшно, конечно было, но интересно тоже.

— И... как? — я все-таки взяла с тарелки сэндвич.

— Что именно?

— Как ты себя чувствовала на собеседовании? Каким он тебе показался?

Одно дело видеть ирлхана в политической броне, по визору, и совсем другое вот так, лицом к лицу. У меня временами создавалось чувство, что я общаюсь с двумя разными мужчинами, возможно, именно поэтому мне захотелось услышать мнение Нии.

— Сначала, конечно, страшным, — няня прикрыла рот рукой, словно понимая, что слишком громко говорит, а у нас тут вальцгард. — Я даже не представляла, что когда-нибудь буду говорить с ним. С ним! Ну, ты понимаешь...

Да, вот тут я ее отлично понимала.

— Потом, когда мы немного пообщались, меня отпустило. Во-первых, он совсем не давил — в отличие от многих работодателей, которые начинают тебя проверять на прочность. Во-вторых... — Ния пожала плечами. — Я не знаю, как это объяснить, но у меня было двое занятых отцов-одиночек, вот таким он мне и показался. Отцом-одиночкой, который хочет быть уверен, что с его сыном все будет в порядке. Я даже не сразу осознала, что он говорит со мной не столько как правящий, сколько как отец.

Я даже сэндвич вернула обратно на тарелку.

— Что ты хочешь этим сказать?

— М-м-м... понимаешь... вот когда ты приходишь в агентство, а я до «Социальной няни» была в базах нескольких и прошла множество собеседований... Так вот, когда ты приходишь в агентство, тебе задают совсем другие вопросы. Менее личные, что ли. Не настолько направленные на ребенка, более общие. Директор агентства, например,

никогда не спросит, насколько я готова работать с виари в случае, если виари в семье появится, потому что этого хочет ребенок.

Мне оставалось только изумленно таращиться на Нию. Надеюсь, что все же не слишком изумленно, потому что няня отодвинула свою тарелку и встревоженно посмотрела на меня.

— Аврора? Все в порядке? Я сказала что-то не то?

Я покачала головой. Вспоминая тот момент, когда Лар на улице приставал к виару. Но это же было сразу после моего похода в Ровермарк! После того, как я... гм, на этом воспоминании я снова не удержалась от того, чтобы покраснеть. Воспоминания о том, как я приложила Вайдхэна между ног почему-то были ясны, как будто это случилось вчера. Что же касается меня, я уперлась локтями в стол и все-таки прикрыла ладонями пылающие щеки. Получается, ему уже тогда все обо мне докладывали?

Очередной вспышкой память подсунула и еще один кадр. Подземка, где от меня оттесняет остальных импозантный мужчина.

— Кажется, я наболтала лишнего, — смущенно произнесла Ния, заметив мое замешательство.

— Нет. Нет, все в порядке, — поспешила ее заверить.

Но все в порядке не было. На этот раз по другой причине. Вайдхэн все время меня оберегал. Он все время меня защищал и ни разу ни слова не сказал об этом. А я... я вела себя, как...

Чтобы не сказать или не сделать чего-нибудь еще и сейчас, я сунула в рот сэндвич, и дальше мы с Нией молча хрустели и запивали еду витаминным коктейлем. После она помогла мне с посудой и предложила остаться на случай, если Лар проснется, но я покачала головой:

— Не стоит. Я справлюсь.

— Точно?

— Точно. Сейчас перед праздниками времени не хватает всем, так что лучше отдыхай. Ну, если получится, — я улыбнулась. — Столько всего надо успеть.

— И то правда, — Ния улыбнулась в ответ. — Знаешь, что я еще подумала на том собеседовании?

Я вопросительно посмотрела на нее.

— Что так собеседуют в какие-то очень богатые дома, а не на социальные проекты. Мы тут... слегка попроще, что ли. А у меня было

ощущение, что я попаду в семью, где на меня будут смотреть свысока. Но все это как-то... предвзято что ли. Я очень рада, что познакомилась с тобой, Аврора. И очень рада, что познакомилась с риатером Вайдхэном.

Да уж, предвзято — не то слово.

— Взаимно, — я кивнула. — Тогда жду тебя завтра, как обычно?

— Да, разумеется.

Она собралась и уехала, а я осталась. Наедине со своими мыслями и предвзятостью. В частности, о том, что случилось в Ровермарк. Тогда мне Вайдхэн показался чуть ли не монстром, но как, скажите, ему нужно было реагировать на девицу, которая стащила пропуск начальницы отдела кадров и вломилась на этаж, где ее в общем-то никто не ждал?

Пожевав губы, я посмотрела на смартфон. Поняла, что не знаю его номера.

Потом поняла, что есть те, кто знают. Наверное.

— У вас есть личный номер риатера Вайдхэна? — поинтересовалась у вальцгарда. Как он умудрялся с таким серьезным видом, навтыяжку стоять у дверей спальни моего сына, а главное — зачем, оставалось загадкой, но тем не менее мой вопрос явно заставил его оживиться.

— Есть.

— Можете мне его переслать?

Вальцгард кивнул, и спустя минуту я уже сидела на диване и вертела в руках мобильный, раздумывая над тем, что делать дальше. А главное — надо ли что-то делать. Я ведь решила поговорить с ним завтра, вот завтра и поговорю. Ни к чему форсировать события.

В конце концов я додумалась до того, что сделала фото спящих Лара и Дрим и отправила ему. С подписью: *«Теперь я третья лишняя»*.

Удивительно, но ответ пришел сразу же:

«Поэтому я и приглашал вас к себе. Они будут спать вдвоем, и мы с тобой тоже. Чтобы никому не обидно было».

Прочитав такой ответ, я чуть смартфон не выронила, особенно когда представила, как Вайдхэн — да, тот самый Вайдхэн, при виде которого у всех шок и стресс, правящий, набивает это на своем смартфоне, сидя на совещании. Ну или где он там сейчас сидит.

Я так и не придумала, что на это ответить, поэтому решила составить список покупок и дел на ближайшую неделю. Сегодняшний день перевернул все с хвоста на крылья, но жизнь продолжается. Праздники никто не отменял, и мне надо распланировать свое время, в том числе с учетом выступлений. Мне еще повезло, что сегодня вечером у меня выходной, единственный и до следующего года последний.

В Грин Лодж уже начался сезон корпоративов и закончится он только за сутки до праздничной ночи. Танцевать буду так, что у Зои сидеть придется в тапочках, чтобы хоть как-то компенсировать ногам такой активный график. Хотелось бы верить, что когда-нибудь я все-таки выйду на Большую сцену, но я уже слишком большая девочка, чтобы в это верить. Во всех смыслах.

Пик активной карьеры балерин приходится на то время, когда я ходила беременная и ночами подсакивала от плача в стоящей рядом детской кроватке. Но, если честно, случись так, что я бы отправилась в прошлое и смогла все изменить, ничего бы менять не стала. Лар — мое счастье и мой свет, моя жизнь. Отказаться от него — значит, отказаться ото всех бессонных ночей, но и от беззубых улыбок тоже. От протянутых ко мне рук, от заливистого смеха, от первого:

— Ма-ма!

От первых колик, когда он безостановочно плакал, я чуть с ума не сошла от беспокойства, а врачи надо мной смеялись, и от первых шагов, которые он сделал так уверенно, в мои раскрытые к нему руки.

Нет, от такого не отказываются.

Потому что это — настоящее, неподдельное счастье, сравниться с которым может разве что...

Я почему-то снова подумала о Вайдхэне. В соседних домах в окнах уже мерцали праздничные огоньки, а у него даже квартира не украшена. В смысле, мы вот с Ларом пока мало что успели сделать, но блестяшки и игрушки уже кое-где повесили. Ответ пришел в голову как-то сам собой, и я написала:

«Тебе нужна помощь в украшении твоего бесконечного жилища, или обычно к тебе приезжают те, кто делает это за деньги?»

«Почему в твоих словах мне видится двойной подтекст?»

«Это вопрос к тебе».

«Обычно я ничего не украшаю».

«Звучит уныло. Хочешь это исправить?»

Ответа почему-то не было. Не было настолько долго, что я устала сидеть со списком дел и планов (тем более что там уже все расписала настолько подробно, насколько могла) и пошла чистить зубы. А когда вернулась, на дисплее светилось сообщение:

«Звучит интригующе. Я готов попробовать сделать это с тобой».

Когда уже лимит моих покраснений будет исчерпан? Хорошо хоть рядом не было никого, кто мог бы это увидеть!

«Теперь в твоих словах двойной подтекст видится мне».

«Это вопрос к тебе».

Я улыбнулась и, выключив свет в кухне-гостиной, заглянула к Лару. Сын и виари по-прежнему спали рядом, правда, Дрим убрала крыло, и теперь они лежали спинка к спинке. Вспомнив совет Вайдэна, будить малышню не стала, просто укутала сына пледом и попросила вальцгарда позвать меня, если потребуется. В другой ситуации после случившегося я бы, наверное, от Лара не отошла, но сейчас чувствовала себя на удивление спокойно.

За это тоже стоило сказать спасибо Вайдхэну. Еще ему стоило бы пожелать доброй ночи, и я правда собиралась это сделать, но засмотрелась на мерцание золотистых звездочек в высотном доме напротив нашего. Под него я и провалилась в сон, а проснулась уже ранним утром.

Смартфон выпал у меня из руки, валялся на полу, а еще невыносимо чесалось затекшее предплечье. По привычке глянув время, приложила мобильный к настенной панели-зарядке, потеряла руку через рукав пижамы. Звездочки по-прежнему мерцали: видимо, украшение оставляли гореть на всю ночь. Зевнув, я сладко потянулась, повернулась на спину... и разом вспомнила все, что случилось вчера.

И чего не случилось сегодня ночью.

Мне не снился Вайдхэн. Совсем. То есть никак... впервые за все это время!

Проморгавшись, я опять почесала руку, которая отошла и теперь горела еще сильнее, но на достаточно резкие прикосновение кожа отреагировала непонятной болезненной вспышкой. Я подтянула рукав и подскочила на постели: по моей руке расползлся узор,

напоминающий морозные. Только в отличие от последних, он был насыщенно-черным, как будто по коже стелился черный дым.

В который вплетались пламенные алые искры.

Конец